

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Национальный исследовательский Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского»

На правах рукописи

АРУ Адем

ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА «ДРУЖБА» В РУССКОЙ РЕЧИ

Специальность 10.02.01 – русский язык

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук, профессор
Радбиль Тимур Беньюминович

Нижний Новгород — 2021

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА I. Теоретические проблемы изучения концептов национальной культуры в современной науке о языке	14
1.1. Основные термины и понятия концептуального анализа	14
1.1.1. Языковая концептуализация мира и языковая картина мира в современной лингвокультурологии	15
1.1.2. Концепт и концептосфера	21
1.1.3. Проблема языковой объективации концептов	28
1.1.4. Национальная и культурная обусловленность концептов как объект концептуального анализа	32
1.2. Принципы лингвокогнитивного и лингвокультурологического анализа концептов национальной культуры	34
1.2.1. Методы и методики концептуального анализа в современной лингвистике.....	35
1.2.2. Методика комплексного описания концепта на лингвокогнитивной основе.....	40
1.2.3. Обоснование концепции исследования	42
Основные выводы по главе I	43
ГЛАВА II. Концепт «дружба» в русской языковой картине мира: экстралингвистический и собственно лингвистический аспекты анализа	46
2.1. Экстралингвистическое содержание представления о дружбе в национальной культуре	46
2.1.1. Категория дружбы в философии, психологии, социологии и культурологии по данным энциклопедических источников	46
2.1.2. Фрейм дружбы в когнитивной системе этноса	54
2.2. Семантическое наполнение концепта «дружба» в синхронно-диахронном освещении	60

2.2.1. Концептуальное содержание, смысловой объем и семантическая структура концепта «дружба» по данным русских лексикографических источников	61
2.2.2. Историко-этимологический анализ лексем — репрезентантов концепта «дружба» в русском языке	68
2.2.3. Концепт «дружба» в русской фразеологии и паремиологии.....	74
2.3. Языковая репрезентация концепта «дружба».....	89
2.3.1. Словообразовательные особенности языковой объективации концепта «дружба».....	89
2.3.2. Парадигматические особенности языковой объективации концепта «дружба»	103
2.3.3. Синтагматические особенности языковой объективации концепта «дружба»	114
Основные выводы по главе II.....	135
ГЛАВА III. Дискурсная реализация концепта «дружба» в русской речи	141
3.1. Текстовая репрезентация концепта «дружба» в дискурсах нехудожественного типа	141
3.1.1. Дискурсивное варьирование концепта «дружба» по данным Национального корпуса русского языка.....	141
3.1.2. Новые явления в языковой объективации концепта «дружба» в современной русской речи	156
3.2. Особенности текстовой реализации концепта «дружба» в художественном дискурсе	169
3.2.1. Концепт «дружба» в лицейской лирике А.С. Пушкина	169
3.2.2. Концепт «дружба» в лирике поэтов «пушкинского круга».....	175
Основные выводы по главе III.....	180
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	182
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	187

ВВЕДЕНИЕ

Диссертация посвящена комплексному лингвокультурологическому описанию смыслового наполнения и семантического объема концепта «дружба» в русской национальной культуре и особенностей его языковой объективации в русской речи.

В современной науке о языке все активнее заявляет о себе лингвокультурологический подход, представляющий собой междисциплинарную научную дисциплину, которая призвана изучать отражение национального мировидения, системы ценностей народа, этнического идеала и национального характера в естественном языке [Воробьев, 1997; Воркачев, 2005; Ковшова, 2013]. Значительное место в этом ряду занимает лингвистическая концептология — междисциплинарное исследовательское направление, посвященное всестороннему изучению концептов национальной культуры [Арутюнова 1990; Степанов, 1997; Алефиренко 2003 и др.]. В русской культуре к таким концептам следует отнести и интересующий нас концепт «дружба».

Представление о дружбе является одной из культурных универсалий для всей мировой цивилизации на всем протяжении развития человечества с древнейшего периода и до наших дней. При этом в каждой культуре дружба понимается по-своему. Существенная национальная обусловленность концепта «дружба» в русской культуре определяется тем, что дружба соотносится с такими ключевыми идеями русской языковой картины мира, как наличие эмпатии, внимание к нюансам человеческих отношений, искренность и задушевность и пр. [Вежбицкая 1997; Зализняк и др. 2005; Радбиль 2016 и др.]. Это обстоятельство и предопределило наше обращение к проблеме лингвокультурологического описания концепта «дружба» в русской языковой картине мира.

Актуальность работы, таким образом, заключается в филологической, общенаучной и культурной значимости комплексного исследования русского

культурного концепта «дружба» в свете востребованных в современной гуманитаристике идей антропоцентризма и лингвистического когнитивизма.

Объектом исследования является русская языковая картина мира, представленная совокупностью ключевых концептов и связующих их инвариантных ключевых идей — доминант русской культуры.

Непосредственным **предметом исследования** выступает семантическое наполнение, смысловой объем и семантическая структура концепта «дружба» в национальной концептосфере и его языковая объективация в русском языке.

Тема, объект и предмет исследования позволяют сформулировать его **цель** — комплексное лингвокультурологическое описание концептуального содержания концепта «дружба» в русской языковой картине мира и особенностей его языкового воплощения в современной русской речи.

Поставленная цель обуславливает решение следующих **задач**:

1) осуществить теоретическое освещение принципов анализа концептов в современном гуманитарном знании, его методологии и методов, а также обосновать принятую в работе концепцию комплексного, лингвокультурологического и лингвокогнитивного, описания концепта «дружба»;

2) раскрыть особенности экстралингвистического содержания категории «дружба» в философской этике, социологии и психологии, а также обосновать модель фреймового представления дружбы в когнитивной системе этноса;

3) охарактеризовать концептуальное содержание, смысловой объем и семантическую структуру концепта «дружба» по данным русских лексикографических источников;

4) проанализировать концепт «дружба» в этимологическом и историко-лингвистическом освещении;

5) рассмотреть особенности фразеологической и паремиологической объективации концепта «дружба»;

6) описать словообразовательные, парадигматические и синтагматические связи и отношения между лексемами, воплощающими концепт «дружба» в русском языке;

7) верифицировать и уточнить когнитивные признаки концепта «дружба» посредством анализа контекстов употребления слов — репрезентантов данного концепта в русской речи;

8) исследовать новые явления в дискурсной реализации слов — репрезентантов концепта «дружба» в лексике и словообразовании;

9) сопоставить особенности текстовой реализации слов, воплощающих концепт «дружба» в нехудожественном дискурсе и в поэтической речи (на материале языка лицейской лирики А.С. Пушкина и поэтов «пушкинского круга» — А.А. Дельвига и В.К. Кюхельбекера).

Материалы исследования обусловлены его комплексной направленностью и содержат: (1) энциклопедические источники: философские, этические, социологические и психологические словари; (2) лексикографические источники — основные русские толковые, фразеологические и словообразовательные словари, этимологические и историко-лингвистические словари, словари синонимов и антонимов, пословиц и поговорок, словари сочетаемости и др.; (3) данные Национального корпуса русского языка; (4) данные нашего Интернет-мониторинга; (5) тексты лицейской лирики А.С. Пушкина и поэтов «пушкинского круга» — А.А. Дельвига и В.К. Кюхельбекера.

Объем материала исследования: всего проанализировано 746 словоупотреблений (лексемы — репрезентанты концепта, неодериваты, синонимы, антонимы, фразеологизмы, паремии и пр.); методом сплошной выборки из Национального корпуса русского языка было извлечено 558 контекстов употребления слов — репрезентантов концепта, из интернета — 188 контекстов.

Степень изученности проблемы. Представления о друге и дружбе издавна являются объектом пристального внимания в мировой и русской научной, культурной и литературной традиции. Еще с времен античности древнегреческие философы, например, Аристотель, предлагали самые различные

концепции дружбы. Дружба также активно исследуется в мировой философской традиции Средних веков и эпохи Возрождения, в науке Нового времени и в XX-XXI вв., когда она входит в круг проблематики философии, социологии, антропологии, культурологии, социологии, психологии и лингвистики. Причем отметим, что собственно лингвистическое изучение дружбы началось сравнительно недавно, в середине XX в.

Большинство современных исследователей-лингвистов обращают внимание на органичное сочетание в представлениях о дружбе и друге универсального и национально-специфичного содержания. Впервые об этом заговорила А. Вежбицкая, осуществив сопоставительный анализ русского слова *друг* и английского *friend* [Вежбицкая, 2001, с. 114]. Уникальное соединение общечеловеческого и этноспецифического начал в русском представлении о друге и дружбе отмечается и в работе А. Д. Шмелева, который указывает на существующий в русской культуре интерес к сфере неофициальных, «задушевных» отношений между людьми [Шмелев, 2002, с. 180-188]. Специфика дружеских отношений в русском мире органически вытекает из ряда более общих ключевых идей русской языковой картины мира, а именно — установки русских людей на повышенное внимание к неформальному общению, акцента на искренность чувств, а также «идеи, что плохо, когда человек действует из соображений практической выгоды» [Зализняк и др., 2005, с. 11].

В новейший период внимание ученых к разным аспектам представлений о друге и дружбе значительно активизируется, что во многом связано с возросшим интересом к проблематике «диалога культур» и кросс-культурной коммуникации, а также с практическими потребностями преподавания иностранных языков и русского языка как иностранного. С этим связано появление диссертаций, в которых предложено сопоставительное направление в изучении концепта «дружба», а именно контрастивный анализ его воплощения в русской и английской лингвокультурах [Хизова, 2005; Лунцова, 2007; Рахимова, 2018]. Сопоставительный подход развивается за счет включения в исследовательскую базу новых языков: русского, английского и испанского

языков [Толчина, 2010], немецкого и французского языков [Чайко, Муриева, 2020] и т.д. Также концепт «дружба» исследуется на материале иностранных языков — например, английского [Трубаева, Симон, 2016; Опря, 2018].

Монолингвальные описательные исследования концепта «дружба» только на материале русского языка также широко представлены в современной науке о языке. В конце 90-х гг. XX в. — начале 2000-х гг. появляются первые попытки комплексного синхронно-диахронного описания концепта «Дружба» в русской лингвокультуре. Отметим диссертационное исследование О. А. Араповой [Арапова, 2004], в котором содержится значимый в целях нашего исследования комплексный, синхронно-диахронный подход к описанию концепта «дружба». Обстоятельный анализ тонких различий между концептом «друг» и его синонимами дан в «Новом объяснительном словаре синонимов русского языка» под ред. Ю.Д. Апресяна [НОССРЯ, 1997].

Знаковой в этом плане является словарная статья «Дружба» в известном двухтомном издании «Антология концептов» (2005), где указывается: «Концепт ДРУЖБА в русском языке представлен обширным лексико-семантическим полем слов, содержащих сему дружбы (*товарищество, приятельствовать, кореш* и т.д.). Ядром этого поля мы считаем функционально-семантическую триаду *друг — дружить — дружба*, поскольку в ней реализуются главные когнитивно обусловленные позиции, отражающие в обыденном сознании носителей языка ситуацию дружбы: субъект (участник ситуации) — предикат (функциональное наименование ситуации) — абстрактное имя (интерпретация ситуации, взятой в отрыве от модально-временного фактора)» [Арапова, Гайсина, 2005, с. 58].

Описательные исследования именно русского концепта «дружба» в новейший период основном концентрируются на изучении фразеологии [Чугаева, 2016] и паремиологии русского языка [Шутковски, 2010; Безуглая, 2017; Бисемалиева, 2020]. Историко-лингвистическое освещение концепта «дружба» в социальном аспекте представлено, например, в работе [Попович, 2016]. Разнообразные смысловые и дискурсивные модификации концепта «дружба»

в языке и культуре новейшего периода анализируются в исследованиях [Коняева, 2015; Макарова, 2019].

При всем разнообразии работ о дружбе и друге вне поля исследовательского внимания все же остался ряд проблем, связанных с описанием этого крайне богатого смыслами концепта. Так, практически не исследовались проблемы словообразовательной экспликации концепта «дружба», модели концептуальной метафоризации слов — репрезентантов концепта в контекстах неузальной сочетаемости, а также лексические и словообразовательные новообразования на базе слов *друг* и *дружба* в русской речи новейшего периода. Также в интересующем нас аспекте комплексного лингвокогнитивного описания концепта «дружба», в рамках предлагаемой нами методики синхронно-диахронного лингвокультурологического исследования, на материале Национального корпуса русского языка и сопоставительного дискурс-анализа нехудожественной и художественной речи, данный концепт в современной отечественной науке о языке еще не изучался.

Таким образом, **новизна исследования** обусловлена введением в научный оборот нового предмета — смыслового наполнения и языковой объективации концепта «дружба» в контексте лингвокогнитивного и лингвокультурологического подхода, а также сопоставления концепта «дружба» в нехудожественной и художественной речи, анализа словообразовательного гнезда с вершиной «друг», моделей концептуально-метафорического преобразования лексемы «дружба», нового материала для исследования — данных Национального корпуса русского языка.. Кроме этого, в современной науке о языке еще не изучались лексические и словообразовательные преобразования слов — репрезентантов концепта «дружба» в современной русской речи.

Теоретическая значимость исследования заключается в уточнении основных принципов комплексного лингвокультурологического описания концепта на когнитивной основе и в апробации методики анализа на новом исследовательском материале.

Практическая значимость исследования состоит в том, что его основные результаты можно использовать в преподавании курсов по лексикологии и фразеологии, по когнитивной лингвистике, по лингвокультурологии и концептуальному анализу в гуманитарных вузах, в преподавании русского языка как иностранного в иноязычной аудитории, а также в практике составления словарей нового типа — словарей концептов и лингвокультурологических тезаурусов.

Методологическую основу исследования составляют идеи антропоцентрического подхода в лингвистике, представленные в трудах Э. Бенвениста, В.М. Алпатова, Ю.С. Степанова, Н.Д. Арутюновой, Ю.Н. Караулова и др.; теоретические принципы современного лингвистического когнитивизма в работах Дж. Лакоффа, Е.С. Кубряковой, В.З. Демьянкова, Р.М. Фрумкиной, Е.В. Рахилиной и др.; положения теории языковой концептуализации мира и языковой картины мира, обоснованные в трудах Ю.Д. Апресяна, В.И. Постоваловой, А.А. Зализняк, И.Б. Левонтиной, А.Д. Шмелева и др.; исследовательские принципы лингвокультурологического направления в языкознании, изложенные в работах В.Н. Телия, В.В. Воробьева, В.Г. Костомарова, М.Л. Ковшовой, В.А. Масловой, и др.; методология анализа концептов в работах В.И. Карасика, И.А. Стернина, З.Д. Поповой, Г.Г. Слышкина и др.

Методы исследования основаны на методике концептуального анализа, принятой в Нижегородской концептологической школе [Ручина 2012; Радбиль 2018] и разработанной на базе принципов описания концептов в Воронежской школе [Попова, Стернин 2007]; также в исследовании использованы методы традиционного лингвистического описания, этимологического анализа, компонентного анализа лексики, контекстуального анализа, анализа концептуальной метафоры, функционального анализа, сопоставительного анализа и дискурс-анализа.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Как свидетельствуют данные анализа экстралингвистического анализа представлений о дружбе в русской культуре, концепт «дружба» имеет

фреймовую структуру. Когнитивная модель ситуации «дружба» включает в себя три обязательных концептуальных блока (слота): I 'дружба как интерпретация ситуации (включающий разновидности — дружба как чувство и дружба как отношение), II 'субъект дружбы' и III 'дружба как процесс', один факультативный слот IV 'признак, свойство, качество, характеристика дружбы как чувства / отношения / процесса', а также две импликации: на субъект (положительная оценочная реакция на переживание чувства дружбы или дружеских отношений) и на объект («добрые дела», поступки людей, продиктованные чувством дружбы или дружескими отношениями). Каждый обязательный или факультативный слот, а также импликационные слоты включают в себя комплекс более элементарных понятийных составляющих — отдельно взятых когнитивных признаков концепта.

2. Как свидетельствуют результаты анализа семантического наполнения концепта «дружба» по данным словарей, этимологического анализа, анализа фразеологизмов и паремий, а также анализа особенностей словообразовательной, парадигматической и синтагматической репрезентации концепта, концептуальное содержание дружбы в русской языковой картине мира отличается большой степенью культурной разработанности. Оно содержит 56 когнитивных признаков (соответственно, компонент «чувство дружбы ↔ отношения дружбы» — 16 КП, субъектный компонент — 21 КП, процессуальный компонент — 10 КП, новый, признаковый компонент — 9 КП).

3. Существенную национальную обусловленность в представлении о дружбе отражают модели концептуальной метафоризации: модели овеществления (реификации), когда дружба метафорически представляется как неодушевленный конкретно-чувственный объект, как ресурс, товар, продукт потребления, как вещество (субстанция), как контейнер (вместилище), как физическая среда, и модели одушевления, когда дружба метафорически представляется как живая, активно действующая сущность человеческой или сверхъестественной природы. Полученные в результате концептуальной ме-

тафоризации дружбы смыслы следует рассматривать как новые когнитивные признаки концепта.

4. Новые явления в лексической объективации концепта «дружба» связаны с расширением сферы приложимости этого концепта и проявляются в процессах семантического расширения слов — репрезентантов концепта или в процессах семантической деривации (лексемы *друг* и *дружественный* могут обозначать неодушевленные объекты и свойства неодушевленных объектов, связанные с новой интернет-реальностью), а также в образовании неолексем на базе английского языка (*френд* и производные от этого слова).

6. Новые явления в словообразовательной объективации концепта «дружба» отражают своеобразие современного негативно-оценочного представления о друге и дружбе, когда в иронически-сниженной форме подчеркивается некая чрезмерность дружбы или, напротив, ее несоответствие идеалу, недостаток, ее неправильность в каком-либо отношении. Также отмечается использование сложных словообразовательных новообразований типа *автодруг* или *электродружба* в нейминге — для создания собственных наименований компаний, предприятий, коммерческих предложений или рекламных мероприятий. В этих случаях создатели коммерческих наименований используют положительный культурный фон и культурную значимость, стоящие за представлениями о дружбе в русской языковой картине мира.

7. Как свидетельствуют результаты сопоставительного анализа текстовой реализации концепта «дружба» в дискурсах нехудожественного и художественного типа, и в лицейской лирике А.С. Пушкина, и в лирике поэтов «пушкинского круга» отражаются базовые для концепта «дружба» когнитивные признаки концепта «дружба». Также в поэтической речи указанных авторов вполне закономерно отражаются модели овеществления и одушевления концепта «дружба», что показывает значимость этих моделей для художественного дискурса в целом и для русской поэзии первой половины XIX века в частности. На фоне вполне ожидаемых индивидуальных различий, имеется определенное сходство индивидуально-авторских когнитивных при-

знаков в лицейской лирике А.С. Пушкина, и в лирике поэтов «пушкинского круга», которое связано с общностью художественного мировоззрения и художественной среды для указанных авторов.

Апробация результатов данного исследования. Основные положения диссертационного исследования представлены в статьях, докладах и материалах конференций. Диссертация прошла апробацию на международных и всероссийских научных конференциях (Нижний Новгород, ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2020 и 2021 гг.; Нижний Новгород, НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2020 и 2021 гг.; Чебоксары, 2020 г.; Арзамас, 2021 г.; Москва, МПГУ, 2021 г.; Москва, ГИРЯ им. А.С. Пушкина, 2021 г.). Диссертация прошла обсуждение на заседании кафедры современного русского языка и общего языкознания ННГУ им. Н.И. Лобачевского.

Структура работы. Диссертация содержит введение, три главы, заключение, библиографический список. Общий объем диссертации — 213 с.

Во **введении** приводятся актуальность, объект, предмет и материал исследования, цель и задачи, научная новизна, теоретическая и практическая значимость, методы исследования и положения, вынесенные на защиту.

В **первой главе** освещаются основные принципы концептуального анализа в современном гуманитарном знании.

Во **второй главе** исследуется смысловое наполнение концепта «дружба» в экстралингвистическом и собственно лингвистическом освещении.

В **третьей главе** анализируется текстовая реализация концепта «дружба» в современной русской речи и осуществляется сопоставительный анализ его экспликации в дискурсах нехудожественного и художественного типа.

В **заключении** представлены основные результаты и формулируются перспективы исследования.

Библиографический список представлен тремя разделами (источники, научная и учебно-методическая литература, словари и энциклопедии) и содержит 245 наименований.

ГЛАВА I. Теоретические проблемы изучения концептов национальной культуры в современной науке о языке

В главе последовательно освещаются основные термины и понятия концептуального анализа в гуманитарном знании (раздел 1.1), рассматриваются методы анализа концептов национальной культуры и обосновывается концепция комплексного, лингвокультурологического и лингвокогнитивного, описания концепта, принятая в настоящем исследовании (раздел 1.2).

1.1. Основные термины и понятия концептуального анализа

В современной науке о языке все активнее заявляет о себе лингвокультурологический подход, представляющий собой междисциплинарную научную дисциплину, которая призвана изучать отражение национального мировидения, системы ценностей народа, этнического идеала и национального характера в естественном языке [Воробьев, 1997; Воркачев, 2001 и 2005; Ковшова, 2013]. По словам М.Л. Ковшовой, «лингвокультурологическое направление разрабатывает исследование языка, сознания, коммуникации, культуры как целостного феномена и ставит человека в центр этого объекта» [Ковшова, 2013, с. 13].

Как относительно самостоятельный комплекс исследовательских стратегий лингвокультурология формируется в 90-е гг. XX в. [Маслова, 2001, с. 28]. В основе современного лингвокультурологического направления в гуманитарном знании лежит антропоцентрический подход [Караулов, 1987; Алпатов, 1993; Апресян, 1995; Арутюнова, 1996; Степанов, 1998; Кубрякова, 2004 и др.]. Как пишет В.И. Постовалова: «Лингвокультурологическое направление развивается в русле имманентно–антропологической парадигмы: язык исследуется в контексте человека и его мира и понимается как не-

обходимый момент жизнедеятельности человека и его конститутивное свойство» [Постовалова, 2016]. Поэтому лингвокультурология изначально складывается как междисциплинарное направление, широко используя данные других гуманитарных наук — этнографии, фольклористики, антропологии, социологии, психологии, философии и др. Ср. например, утверждение В.В. Воробьева: «Лингвокультурология — комплексная научная дисциплина синтезирующего типа, изучающая взаимосвязь и взаимодействие культуры и языка в его функционировании и отражающая этот процесс как целостную структуру единиц в единстве языкового и внеязыкового содержания при помощи системных методов и с ориентацией на современные приоритеты и культурные установления» [Воробьев, 1997, с. 37].

В наши дни лингвокультурологический подход в современной науке о языке представляет собой ряд сравнительно самостоятельных стратегий научного поиска [Красных, 2002; Русский язык, 2014; Радбиль, 2016]. «Проблема выявления культурно-значимой информации слов и выражений естественного языка сегодня выступает в качестве центра притяжения самых разных школ и направлений лингвокультурологической ориентированности» [Радбиль, 2018, с. 213]. Значительное место в этом ряду занимает лингвистическая концептология — междисциплинарное исследовательское направление, посвященное всестороннему изучению концептов национальной культуры [Арутюнова 1990; Степанов, 1997; Алефиренко 2003; Горшкова, Ручина 2011 и др.]. В данном разделе рассматриваются исходные принципы, основные термины и понятия современной лингвистической концептологии.

1.1.1. Языковая концептуализация мира и языковая картина мира в современной лингвокультурологии

Теоретической основой концептуального анализа в рамках лингвокультурологического направления в лингвистике является мысль о национальной и культурной обусловленности взгляда на мир, который отражен в фактах

национального языка. Это представление восходит к основополагающим идеям В. фон Гумбольдта: «Через многообразие языков для нас открывается богатство мира и многообразие того, что мы познаем в нем; и человеческое бытие становится для нас шире, поскольку языки в отчетливых и действенных чертах дают нам различные способы мышления и восприятия» [Гумбольдт, 1985, с. 349].

Идеи В. фон Гумбольдта о неразрывной связи языка и культуры были развиты в трудах Й.-Л. Вайсгербера [Вайсгербер, 2004], Э. Сепира и Б.Л. Уорфа [Уорф, 1960а и 1960б; Сепир, 1993 и др.]. На современном этапе эта линия продолжается в работах [Арутюнова, 1991; Колесов, 1993, 1995, 1999, 2002 и 2004; Карасик, 1996 и 2001; Телия, 1996; Вежбицкая, 1997 и 2001; Воробьев, 1997; Верещагин, Костомаров, 2000; Воркачев, 2001; Маслова, 2001 и 2006; Ковшова, 2013; Радбиль, 2018 и др.].

Именно в языке запечатлены базовые культурные смыслы этноса, воплощается неповторимый образ мира в национальной культуре. Окружающая человека действительность, мир социума и внутренний мир во многом представлены в восприятии человека через посредство языка, в результате чего каждый язык отображает реальность по-своему. Язык в этих концепциях предстает как мощный инструмент культурно обусловленного постижения действительности этносом, как средство формирования национального мировидения и национального характера народа.

Среда языкового существования выступает как пространство бытования коллективного опыта народа, как орудие межпоколенной передачи культурно значимой информации для этноса, как хранилище национальных идеалов и ценностей: «Язык служит средством накопления и хранения культурно-значимой информации. В некоторых единицах эта информация для современного носителя языка имплицитна, скрыта вековыми трансформациями, может быть извлечена лишь опосредованно. Но она есть и «работает» на уровне подсознания» [Маслова 2001, с. 11]. Овладевая родным языком, чело-

век одновременно приобщается к нормам и принципам ценностной ориентации в мире, принятым в той или иной культуре [Телия, 1996; Ковшова, 2013].

Вышеуказанные соображения позволяют сформулировать теоретическое ядро лингвистической концептологии как одного из течений в рамках современной лингвокультурологии, которое связано с разработкой проблематики языковой концептуализации мира и языковой картины мира.

Понятие «языковая концептуализация мира». Это понятие возникает в лингвокультурологии благодаря завоеваниям современного лингвистического когнитивизма. Ведь именно в рамках когнитивной лингвистики были обоснованы исследовательские установки, согласно которым надо изучать не просто семантику и структуру языковых единиц, но стоящие за ними форматы знания о мире, ценностные приоритеты, стереотипы и модели поведения этноса и социума [Болдырев, 2004; Кубрякова, 2004 и пр.].

Деятельность по языковому освоению действительности называется «когниция» [КСКТ, 1996]. Базовым инструментом когниции считают **языковую концептуализацию мира** [КСКТ, 1996; Булыгина, Шмелев, 1997; Радби́ль, 2018]. Языковая концептуализация мира — это процесс мыслительного преобразования данных, получаемых в опыте восприятия внешнего мира, посредством единиц, средств и категорий естественного языка: «В естественном языке экстралингвистическая реальность представляет собой мир, взятый в его интерпретации людьми, вместе с их отношениями друг к другу, и в этом смысле «онтология» явлений, как она представлена естественным языком, определяется тем, как люди, использующие язык, концептуализируют окружающую действительность; с другой стороны, любые речевые хитросплетения возможны лишь на фоне некоторого заданного способа языковой концептуализации мира» [Булыгина, Шмелев, 1997, с. 7].

Язык в этом смысле выступает как средство аккумуляции коллективного опыта говорящих на нем людей и как механизм его дальнейшей передачи через поколения. В языке тем самым фиксируются результаты познавательной и ценностной деятельности человека, которые отливаются в определен-

ных мыслительных схемах, в единицах знания, «ментальных репрезентациях» [КСКТ, 1996]. Одним из основных результатов языковой концептуализации мира считается **концепт** [Токарев, 2003; Радбиль, 2018]. Поскольку люди говорят на разных языках, а разные языки в свою очередь воплощают разные культуры, процессы и результаты языковой концептуализации мира в каждой лингвокультуре могут не совпадать, существенно различаться.

Как считает Ю.Д. Апресян, в каждом естественном языке отражается определенный способ восприятия мира, навязываемый в качестве обязательного всем носителям языка. Освоение мира в языке этноса носит системный и целостный характер, оно представляет собой особую «наивную» философию этноса, для каждого языка свою [Апресян, 1986, с. 5-33].

Идеи Ю.Д. Апресяна развиваются в работах А.А. Зализняк, И.Б. Левонтиной и А.Д. Шмелева: «Владение языком предполагает владение концептуализацией мира, отраженной в этом языке. Поскольку конфигурации идей, заключенные в значении слов родного языка, воспринимаются говорящим как нечто само собой разумеющееся, у него возникает иллюзия, что так вообще устроена жизнь. Но при сопоставлении разных языковых картин мира обнаруживаются значительные расхождения между ними, причем иногда весьма нетривиальные» [Зализняк и др., 2005: 18].

Таким образом, в работах вышеупомянутых авторов мы встречаем указание на связь базового понятия «языковая концептуализация мира» с другим ключевым термином лингвокультурологического направления — **«языковая картина мира»**.

Понятие «языковая картина мира». Представление о том, что в языке народа отражены особенности его миропонимания, обосновал еще В. фон Гумбольдт [Гумбольдт, 1984, с. 68]. Сам термин «языковая картина мира» (Weltbild der Sprache) в 1929 году встречаем в статье «Родной язык и формирование духа» Й.-Л. Вайсгербера (1929): «Словарный запас конкретного языка включает в целом вместе с совокупностью языковых знаков также и совокупность понятийных мыслительных средств, которыми располагает языко-

вое сообщество; и по мере того, как каждый носитель языка изучает этот словарь, все члены языкового сообщества овладевают этими мыслительными средствами; в этом смысле можно сказать, что возможность родного языка состоит в том, что он содержит в своих понятиях определённую картину мира и передаёт её всем членам языкового сообщества» [Вайсгербер, 1993, 153].

На основе этого понятийного аппарата Й.-Л. Вайсгербер сформулировал так называемый «закон родного языка», который утверждает, что усвоение языка означает одновременно и усвоение некой программы в восприятии и понимании мира [там же]. В первой половине XX в. примерно схожий круг идей и представлений способствовал возникновению в американской этнолингвистике концепции «лингвистической относительности Э. Сепира и Б.Л. Уорфа [Уорф, 1960а и 1960б; Сепир, 1993]. Популяризация этих идей на российской почве началась примерно в 60-е–70-е гг. XX в. [Иванов, 1978; Чернейко, 1997]. В конце 80-х гг. XX в. в работе «Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира» языковая картина мира определяется как «определённый способ видения мира, охватывающий значительную часть его восприятия вообще» [Роль человеческого фактора, 1988, с. 114]. С тех пор и до нашего времени эта проблема разрабатывается в исследованиях [Булыгина, Шмелев, 1997; Руднев, 1997; Маслова, 2001 и 2006; Картина мира, 2002; Корнилов, 2003; Зализняк и др., 2005; Цивьян, 2006 и др.].

В настоящее время в науке о языке не существует единого и общепринятого понимания языковой картины мира. Это доказывает, что данное научное понятие сегодня находится еще в стадии становления. Но существует некое общее представление о том, что под языковой картиной мира следует понимать целостную модель мира, некий единый образ природной и социальной действительности, а также внутреннего мира человека, который воплощается в фактах языка и формируется у этноса в целом, у отдельных социальных или культурных групп в пределах этноса, у индивидуумов.

Чаще всего, однако, под языковой картиной мира по умолчанию принято понимать общенациональную языковую картину мира, которую образу-

ет «взятое в своей совокупности все концептуальное содержание данного языка» [Караулов, 1987]. Также в ряде исследований используется синонимичный научный термин «языковая модель мира» [Апресян, 1986; Цивьян, 2006]. Именно о «языковой модели мира» говорит Ю.Д. Апресян, подчеркивая ее «наивный», в смысле — противостоящий научному способу постижения мира, характер: «Языковые значения связаны с реальностью не напрямую, а через отсылку к определенным деталям наивной модели мира, как она представлена в данном языке» [Апресян 1986, с. 5-9].

Процитированная выше мысль Ю.Д. Апресяна помогает нам понять, что языковая картина мира — это не просто механическая сумма значений единиц языка разных уровней, которые определенным образом относятся к реальности через определенные способы номинации. Это особым образом организованная, иерархическая система «оязыковленных» смыслов, своего рода смысловых инвариантов, отвлеченных от индивидуальных особенностей владения языком. Так, в работе О.А. Корнилова используется удачный образ «вербализованной системы матриц», «в которых запечатлен национальный способ видения мира, формирующий и предопределяющий национальный характер» [Корнилов, 2003, с. 80].

В целях нашего исследования важно, что так понимаемая языковая картина мира воплощает в себе единство сознания, культуры и языка: под воздействием культурных факторов в этническом языковом сознании создается определенный образ мира, который так или иначе воплощается в средствах национального языка [Карасик, 2002]. «Выделение тех или иных категорий, осмысление тех или иных явлений, концептуализация понятий, формирование системы ценностей, само видение мира принадлежит культуре» [Ковшова, 2013, с. 11]. Именно поэтому некоторые ученые говорят о едином феномене, условно именуемом «культурно-языковая картина мира»: «В настоящее время в реальных эмпирических описаниях речь все чаще идет о конкретных «культурно-языковых» картинах мира и их единицах — ключевых словах культуры» [Постовалова, 2010, с. 268–269].

Такое комплексное понимание языковой картины мира развивается в работах А.А. Зализняк, И.Б. Левонтиной и А.Д. Шмелева [Шмелев, 2001 и 2002; Зализняк и др., 2005; Зализняк, 2006]. «“Языковой картиной мира” принято называть совокупность представлений о мире, заключенных в значении разных единиц данного языка (полнозначных лексических единиц, “дискурсивных” слов, устойчивых сочетаний, синтаксических конструкций и др.), которые складываются в некую единую систему взглядов, или предписаний — по выражению А. Вежбицкой, “культурных сценариев” (таких как, например: *хорошо, если другие люди знают, что человек чувствует...*)» [Зализняк, 2006, с. 206-207]. Именно этого понимания мы и будем придерживаться в настоящей работе.

В целях нашего исследования также важно указание процитированных выше ученых на то, что языковая картина мира складывается из ключевых концептов национальной культуры и связующих их инвариантных сквозных ключевых идей [Зализняк и др., 2005]. Это позволяет нам перейти к освещению проблемы концепта и концептосферы.

1.1.2. Концепт и концептосфера

Научный термин «концепт» считается междисциплинарным научным понятием, потому что используется практически во всех научных дисциплинах гуманитарного знания — в философии, психологии, социологии, антропологии, педагогике, литературоведении и, конечно же, в лингвистике [КСКТ, 1996]. Изначально концепт мыслился именно как философское понятие, описывающее особенности отражения знания о мире, что можно видеть в работе философа С.А. Аскольдова-Алексеева (1928). Философ трактовал концепт как «мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода» [цит. по: Лихачёв, 1997].

В лингвистике интерес к концепту связан с парадигмой современного лингвистического когнитивизма, так как это понятие используется для объяснения особенностей познавательной активности человека, специфически отраженной в его языковой способности: «под концептом понимается мысленное образование, имеющее характер устоявшегося и типичного образа, выполняющее заместительную функцию» [Токарев, 2003, с. 8].

Концепт в таком понимании выступает как единица мысли. Большинство лингвистов предлагают отличать концепт от такой общеизвестной в формальной логике формы мышления, как **понятие**. По мнению Л.О. Чернейко, понятие выступает как рациональная, логическая, абстрактная форма мышления и познания мира, а концепт — как сублогическая, рационально-иррациональная, конкретно-чувственная форма [Чернейко, 1997, с. 287]. Это позволяет трактовать концепт как вид представлений, но не понятий. Так, Г.В. Токарев указывает на следующие различия: «во-первых, их донаучный (наивный) характер, нечёткий экстенционал, вариативный интенционал, что приводит ... к тому, что понятия объясняют происходящее, представления — нет; во-вторых, интернациональный характер первых и идиоэтнический — вторых» [Токарев, 2003: 33].

С точки зрения современной когнитивной лингвистики, концепт, с одной стороны, понимается как минимальная единица информации, в которой фиксируется отдельный фрагмент опыта взаимодействия с миром человека, элемент знания о мире; единица памяти и того, что принято называть «язык мысли» (*lingua mentalis*) [Кубрякова, 1997, с. 90]. Ср. точку зрения Н.Н. Болдырева, трактующего концепт прежде всего как «единицу осмысленного (осознанного) знания о предмете или событии, их отдельных свойствах, характеристиках, взаимосвязях с другими предметами и событиями, которой оперирует человек в процессе речемыслительной деятельности» [Болдырев, 2009, с. 26].

С другой стороны, концепт может пониматься и как некое речемыслительное явление, выходящее за пределы индивидуальной когнитивной си-

стемы. В этом случае концепт определяется уже как элемент национальной концептосферы, национальной картины мира, т.е. как представление, разделяемое коллективом носителей языка. Ср., например, определение концепта, данное В.А. Масловой: «*Концепт* — это основная единица ментальности, заключающая в себе яркое образное представление и пучок ассоциаций и коннотаций, репрезентируемая вербально языковыми единицами разных уровней» [Маслова, 2001, с. 4]. Именно такое, расширительное понимание концепта вводит его в сферу предметной области **лингвокультурологии**. «Концепт — основная ячейка культуры в ментальном мире человека» [Степанов, 1997, с. 11]. По словам Ю.С. Степанова, концепт — это «сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт — это то, посредством чего человек ... сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее» [Степанов, 1997, с. 10].

Культуроориентированная точка зрения на концепт восходит еще к идеям Д.С. Лихачева, который говорил о концепте как о результате смыслового и ценностного расширения словарных значений слов при их «столкновении словарного значения слова с личным и народным опытом человека» [Лихачев, 1997, с. 234]. Г.В. Токарев также подчеркивает историко-культурную обусловленность концепта, которая вытекает из принципиально открытого объема концептуального содержания: источниками смыслового обогащения концепта могут быть научные идеи, обыденные понятия, художественные смыслы, стереотипы, идеологемы, модели поведения и жизненные установки и пр. [Токарев, 2003, с. 10]. Таким образом, в лингвокультурологическом понимании концепт — это прежде всего культурно значимый смысл.

Дальнейшее развитие теоретической концептологии приводит ученых к пониманию того, что лингвокогнитивная и лингвокультурологическая точки зрения на концепт не исключают, а дополняют друг друга. Лингвокогнитивный аспект концепта связан прежде всего с формой представления некоего

знания о мире, тогда как лингвокультурологический аспект отвечает за содержание этого знания. Именно такая, интегративная интерпретация концепта представлена в работах Т.Б. Радбиля: «Концепт в общем виде понимается как обобщенное мыслительное представление определенного фрагмента физической или психической реальности в языковой картине мира личности, социума или этноса» [Радбиль, 2016, с. 67], в работах М.В. Пименовой: «Концепт — это национальный образ, идея, символ, осложненный признаками индивидуального представления» [Пименова, 2011, с. 59].

В наиболее последовательном и развернутом виде комплексное, лингвокогнитивное и лингвокультурологическое, понимание концепта характерно и для ученых Воронежской научной школы: «Концепт — дискретное ментальное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека, обладающее относительно упорядоченной внутренней структурой, представляющее собой результат познавательной деятельности личности и общества и несущее комплексную, энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и отношении общественного сознания к данному явлению или предмету» [Попова, Стернин, 2003, с. 258]. Это определение и будет использоваться в нашем исследовании.

Более просто можно сформулировать следующим образом: концепт — это минимальный элемент этнообусловленного знания о мире, имеющий культурно-специфическую основу.

Семантическая структура концепта. Будучи иерархически организованной и многомерной мыслительной единицей, концепт имеет определенную **структуру**, состоит из каких-то взаимосвязанных компонентов. По мнению З.Д. Поповой и И.А. Стернина, концепт формируется из элементарных компонентов, которые получили название **когнитивные (концептуальные) признаки**. Это отдельно взятые смыслы, выявленные посредством анализа словарных толкований и иного языкового и речевого материала.

Разные когнитивные признаки образуют различные **концептуальные слои** (ядерные, базовые и периферийные — ближняя и дальняя периферия). **Ядро** концепта формируется словами — именами концепта и другими, семантически близкими к именам концептов словами, взятыми в их имеющих минимальную семантическую обусловленность, первичных значениях. **Базовые слои** образуются семантически и словообразовательно производными единицами, синонимами, антонимами и пр. **Периферийные слои** составляют так называемое интерпретационное поле концепта и воплощаются в ассоциациях, прагматонимах, фразеологизмах и поговорках, прецедентных феноменах, неязыковых моделях употребления слов — репрезентантов концепта и их словообразования, в знаковых текстах культуры и пр. [Попова, Стернин, 2003, с. 60–64].

Боле сложная, семиуровневая модель представления структуры концепта изложена в работах Т.Б. Радбиля: «(1) само слово или словосочетание, обозначающее этот концепт в языке; (2) его семантические признаки и атрибуты, составляющие его концептуальное (т.е. внеязыковое) содержание; (3) его дефиниция, или определение (эксплицируемая в работах философов, писателей, публицистов, а также в саморефлексии над ключевыми понятиями в народной мысли о мире — в фольклоре); (4) его внутренняя форма, или этимология; (5) набор смыслов и ассоциаций, представлений и образов, встающих за этим словоупотреблением в парадигматике (квазисинонимические и квазиантонимические отношения, ассоциативные сближения, родо-видовые и партитивные отношения и пр.), в синтагматике (устойчивые модели сочетаемости, вхождение в непредикативные и предикативные конструкции, в том числе идиоматические), в деривационных связях (особенности словообразовательных отношений); (6) его функция — роль и место в иерархии ценностей; (7) его прагматика — совокупность поведенческих норм и стереотипов, поведенческие реакции, закрепленные за ним, в том числе семиотизированного типа (обряд, ритуал, речевой этикет и пр.)» [Радбиль, 2016, с. 236].

Понятие «концептосфера». Концепты не существуют по отдельности, они вступают в разнообразные иерархические связи и отношения между собой, образуя целые концептуальные области. В свою очередь, концептуальные области формируют некое системно-организованное единство, которое в науке о языке именуют концептуальная система, концептуальная сфера, или проще — **концептосфера**. Это «тот ментальный уровень или та ментальная (психическая) организация, где сосредоточена совокупность всех концептов, данных уму человека, их упорядоченное объединение» [Кубрякова, 1997, с. 94].

Можно говорить о разных степенях общности для таких концептуальных объединений — индивидуальная концептосфера личности, социогрупповые концептосферы (профессиональные, возрастные, гендерные, социальные) и, наконец, концептосфера этноса [Попова, Стернин, 2003, с. 19]. Этническая концептосфера представляет собой максимальную степень объединения для концептов. В.А. Маслова определяет концептосферу как совокупность концептов, которые формируют целостное мироощущение народа [Маслова, 2001, с. 17]. С точки зрения лингвокультурологии, концептосфера — это, по сути, целостный мир культуры, культурных смыслов этноса [Зусман, Кирнозе, 2003, с. 85].

Классификации концептов. Концепты как сложно организованные лингвоментальные сущности можно классифицировать по самым различным основаниям. Так, например, в работах З.Д. Поповой и И. А. Стернина предлагается дифференцировать концепты по способу концептуализации информации. Концепты делятся на *представления* — мыслительные картинки, обобщенные чувственно-наглядные образы предметов или явлений; *схемы* — пространственные или графические отображения некоего отвлеченного содержания; *фреймы* — многоуровневые структурированные представления о фрагменте действительности; *сценарии (скрипты)* — динамические последовательности элементарных операций и чередование эпизодов социального взаимодействия в составе стандартного типа деятельности: празднование;

поездка за город и пр.; *геишталты* — сложные и структурированные концепты, схематично представляющие более сложное явление в терминах более простого (политика как игра, любовь как путешествие и пр.) [Попова, Стернин, 2003].

По степени устойчивости выделяют *устойчивые* (регулярно вербализуемые) и *неустойчивые* (нерегулярно или совсем не вербализуемые концепты). По степени абстрактности выделяют концепты *абстрактные* и *конкретные*. По наличию или отсутствию словесного воплощения концепты делятся на *вербализованные* (для них есть средства выражения) и *скрытые* (не вербализуемые или вербализуемые только искусственно) [Попова, Стернин, 2003].

Вербализованные концепты, в свою очередь, подразделяются по языковому уровню, на котором осуществляется вербализация: это концепты, объективируемые лексико-фразеологическими средствами, синтаксическими средствами или только в пределах целого текста [Попова, Стернин, 2003]. Эта классификация присутствует и в работах ученых Волгоградской школы анализа концептов (В.И. Карасик, Г.Г. Слышкин и др.), которые тоже говорят о разноуровневых средствах выражения концептов [Слышкин, 2000; Карасик, 2001].

Если предыдущие классификации касались внутренней стороны устройства концептов, то ниже мы приведем примеры так называемых «внешних» классификаций, которые представляют собой разные объединения концептов по тематическим (или иным) областям: (1) по типу общественного сознания — концепты научные, религиозные, мифологические, художественные, бытовые и пр.; (2) по характеру обобщения субъекта — носителя информации о мире — концепты общечеловеческие (универсальные), идиоэтнические (национально-специфические), социально-групповые, индивидуальные [Бабушкин, 1999; Рудакова, 2004; Радбиль, 2016 и др.].

Признание значительной роли языка в восприятии и функционировании концептов в национальном сознании ставит перед концептологами про-

блему языковой воплощенности концептов (в другой терминологии — языковая объективация, языковая репрезентация, языковая экспликация и пр.).

1.1.3. Проблема языковой объективации концептов

Концепт является единицей мыслительной сферы, но при этом воплощается с помощью языковых средств. При этом полностью исчерпать содержание концепта только языковыми средствами невозможно, всегда имеется невербализуемый компонент концептуального содержания. В работах З.Д. Поповой и И.А. Стернина соотношение между концептом в человеческой мысли и значением слова в языке характеризуется следующим образом: «Концепт — единица концептосферы, значение — единица семантической системы, семантического пространства языка. Значение своими системными семами передает определенные признаки, образующие концепт, но это всегда лишь часть смыслового содержания концепта. Для экспликации концепта нужны обычно многочисленные лексические единицы, а значит — их значения» [Попова, Стернин, 2003, с. 59].

Итак, содержание концепта — это совокупность экстралингвистической информации о разных сторонах природной, социальной и психической реальности, пространстве и времени, этических и эстетических категориях, нормах, идеалах и ценностях и пр. Это содержание «подведено под один знак и предопределяет бытие знака как известной когнитивной структуры, а также составляет объем и содержание языкового знания» [Чернейко, 1997, с. 287]. Иначе говоря, эта экстралингвистическая информация определенным образом эксплицируется с помощью явлений языка, его единиц, средств, категорий и моделей. Аналогичным образом рассуждает и С.Г. Воркачев: «Концепт есть культурно отмеченный вербализованный смысл, представленный в плане выражения целым рядом своих языковых реализаций, образующих соответствующую лексико-семантическую парадигму» [Воркачев, 2001, с. 45].

Примерно схожие взгляды на соотношение экстралингвистического и собственно лингвистического содержания в концепте встречаем у А. Вежбицкой. Ученый признает наличие концептов, не вербализуемых в языке. С ее точки зрения неверно, что если нет языковой единицы, то нет и соответствующего ей концепта. Но зато верно обратное: если есть единица языка, значит, такой концепт обязательно есть в языковой картине мира этноса, потому что значимость данного понятия для народа как раз и предопределяет необходимость найти для него отдельную номинацию. Иначе говоря, самые главные концепты этноса все-таки кодируются именно в языке, хотя языковое воплощение не исчерпывает полностью их концептуального содержания [Вежбицкая, 1997].

Когда мы говорим о проблеме языковой объективации концепта, возникает вопрос, в каких именно единицах и средствах языка осуществляется эта объективация? Подавляющее большинство концептологов считают, что концепт прежде всего воплощается в слове знаменательной части речи [Вежбицкая, 1997; Бабушкин, 1998; Нерозник, 1998; Токарев, 2003 и др.]. В работах А.А. Зализняк, И.Б. Левонтиной и А.Д. Шмелева говорится о четырех типах интересующих нас единиц языка:

1. Слова и выражения, которые, предположительно, соотносятся с универсальными общечеловеческими константами — философскими категориями и понятиями (жизнь и смерть, человек и Бог и пр.). Спецификой именно русской языковой картины мира является выражение базовых философских понятий такого рода не одним словом, а концептуальной аппозитивной связкой — истина и правда, дух и душа и пр. Такие пары, как правило, существуют в виде значимых для этноса культурных оппозиций (*истина — правда, ум — разум* и пр.). В работах Т.Б. Радбиля такие слова и выражения относятся к средствам воплощения так называемых «когнитивно (концептуально) универсальных концептов» [Радбиль, 2016, с. 235].

2. Слова и выражения, которые, предположительно, соответствуют аналогичным словам и выражениям в другой культуре, но именно в русской

культуре имеющими повышенную ценностную значимость и специфическую «конфигурацию смыслов», отсутствующих у их эквивалентов в других языках и культурах. Это такие слова, как *любовь, судьба, подвиг* и пр. В работах Т.Б. Радбиля такие слова и выражения относятся к средствам воплощения так называемых «когнитивно (концептуально) уникальных концептов» [Радбиль, 2016, с. 235], так как на вербальном уровне их все же можно перевести на другой язык, пусть и с потерей неких важных семантических компонентов.

3. Слова и выражения, которые, предположительно, не имеют эквивалентов не только на концептуальном, но и на вербальном уровне («безэквивалентная лексика и фразеология»): *тоска, удаль, соборность* и пр. Их можно назвать лингвоспецифичными, или безэквивалентными, лексическими единицами. В работах Т.Б. Радбиля такие слова и выражения относятся к средствам воплощения так называемых «вербально уникальных концептов» [Радбиль, 2016, с. 235].

4. В отдельную группу слов и выражений, по мнению авторов коллективной монографии, следует включить группу национально специфических «дискурсных слов» (модальных слов, частиц, междометий и под.) — типа *авось, заодно, на всякий случай, если что* и пр., которые имеют особый статус, потому что непосредственно выражают неосознанные носителями языка, но при этом регулярно воспроизводимые в речи их «жизненные установки» [Зализняк и др., 2005, с. 25–36].

Более подробный перечень языковых единиц и средств языка, отвечающих за языковую репрезентацию, приводится в уже цитированных работах З.Д. Поповой и И.А. Стернина:

(1) слова и фразеологизмы знаменательных частей речи (чаще — существительных), как исконные, так и — реже — заимствованные, которые имеют в своих значениях национально-культурный компонент;

(2) созданные исследователями терминообозначения (ср., например, «безделушечность» [Радбиль, 2016]), которые в обобщенном виде охватывают значимые для этноса смыслы, но для которых при этом по тем или иным причинам в естественном языке не имеется номинации с необходимым обобщающим значением;

(3) служебные слова и выражения (модальные слова, вводные конструкции, частицы, междометия и пр.), выражающие особенности моделей коммуникации, «жизненных установок» [Шмелев, 2002] носителей языка;

(4) имена собственные (антропонимы, топонимы, гидронимы и пр.), напрямую выражающие культурно значимую информацию;

(5) фразеологизмы, поговорки, пословицы и другие прецедентные феномены, отражающие «прагматикон» этоса [Караулов, 1987];

(6) словообразовательные модели, грамматические категории и отдельные культурно-значимые граммы (например, безличность, собирательность и пр.);

(7) структурные синтаксические схемы, выражающие типовые пропозиции — например, выражение отрицания, выражение обладания, возвратные и пассивные конструкции и пр. (синтаксические концепты);

(8) свободно творимые в речи словосочетания и предложения;

(9) микротексты, фрагменты текстов, целые тексты и даже совокупности текстов на одну тему (в том числе — фольклорные) [Попова, Стернин 2003, с. 38].

Следующий вопрос, возникающий перед концептологом, также закономерен: что именно следует анализировать при исследовании языковой объективации концепта, на что делать акцент в исследовательских стратегиях? В лингвистике нашего времени нет однозначного ответа на этот вопрос. Чаще всего акцент делается на выявление специфики соотношения универсального и национально-специфического содержания, воплощенного в анализируемом концепте.

1.1.4. Национальная и культурная обусловленность концептов как объект концептуального анализа

Идея отражения в языке особенностей ментальности говорящего на нем народа стала практически общим местом еще со времен В. фон Гумбольдта [Гумбольдт, 1984]. Перед современной лингвокультурологией стоит задача объективировать и конкретизировать положения В. фон Гумбольдта, т.е. ответить на вопрос, в чем именно, как именно и в каких именно единицах, категориях, моделях и средствах национального языка нам следует искать признаки и приметы вышеупомянутого национального и культурного своеобразия?

Во второй половине XX века это направление получает новые импульсы для развития благодаря исследовательской программе Анны Вежбицкой по изучению ключевых слов культуры, для которых и постулируется наличие определенного национального своеобразия [Вежбицкая, 1999]. В российской лингвистике знаковым явлением стал сборник научных трудов проблемной группы «Логический анализ языка» под симптоматичным заголовком «Культурные концепты» [Арутюнова, 1991].

В наше время в концептологии развивается положение о двойственной природе концепта в плане соотношения в его смысловом наполнении универсального и идиоэтнического компонентов: «План содержания лингвокультурного концепта включает как минимум два ряда семантических признаков. Во-первых, в него входят семы, общие для всех языковых реализаций, которые «скрепляют» лексико-семантическую парадигму и образуют его понятийную или прототипическую основу. Во-вторых, туда входят семантические признаки, общие хотя бы для части его реализаций, которые отмечены лингвокультурной, этносемантической спецификой и связаны с ментальностью носителей языка либо с менталитетом национальной языковой личности» [Воркачев, 2001, с. 45].

Таким образом, национальную обусловленность концепта можно

видеть в двух планах: с точки зрения содержания, т.е. того, что именно, какой культурно значимый фрагмент действительности отражен в концепте, и с точки зрения языковых, речевых или текстовых средств выражения, т.е. того, каким образом то или иное содержание представлено в национальной концептосфере. В работах Т.Б. Радбиля это, соответственно, именуется как *содержательный* и *интерпретационный компоненты* [Радбиль, 2016 и 2017].

На уровне плана содержания в концепте можно видеть воплощение следующих предметных областей и мыслительных сфер, которые имеют повышенную ценностную значимость и, следовательно, предположительно характеризуются определенным национально-культурным своеобразием: быт народа, его обряды и ритуалы, традиции и обычаи, предметы обихода, привычки и стереотипы поведения, правила и нормы речевого и внеречевого общения, принципы восприятия мира и стандарты национально обусловленного мышления, фольклор, литературу и искусство [Тер-Минасова, 2000, с. 56–61].

На уровне плана выражения указанно содержание воплощается в лексических единицах разной степени уникальности, например, в так называемой *безэквивалентной лексике*, выражающей реалии и понятия одной культуры, которые отсутствуют в другой, в *безэквивалентной фразеологии и паремиологии*, отражающей культурную специфику взгляда на мира и системы ценностей этноса [Телия, 1996; Маслова, 2001 и др.].

На уровне семантики слова мы, вслед за В.Н. Телия, можем говорить о *культурных семах* и *культурных коннотациях*. Культурная сема — это национально обусловленный компонент семантики слова: ср. одно из значений для лексемы *молодец*: «(с пометой *нар.-поэт.*) В народной словесности: удалец, храбрец» [СО, 1998]. От культурной семы, согласно В.Н. Телия, надо отличать *культурную коннотацию* — «интерпретацию денотативного или образно мотивированного <... > аспектов значения в категориях культуры» [Телия, 1996: 214 и далее]. Это несущественный (т.е. не входящий непосред-

ственно в толкование слова или фразеологизма), но при этом устойчивый и регулярно воспроизводимый в речевой практике ассоциативный компонент смысла, что свидетельствует о его национально-культурной значимости: носители языка могут даже не подозревать о нем, но они постоянно репродуцируют его в контекстах переносного употребления, в суждениях — «наивных дефинициях», в устойчивых выражениях — коллокациях и пр.

По мнению ряда исследователей, национально обусловленные культурные смыслы могут выражаться и посредством специфики использования каких-либо грамматических категорий или синтаксических конструкций. Так, обсуждая такие значимые для русской культуры идеи, как «иррациональность» и «непредсказуемость мира», А. Вержбицкая в качестве одного из средств выражения этих идей рассматривает глагольные категории безличности [Вержбицкая, 1997]. В свою очередь, концепт «авось», по мнению авторов коллективной монографии «Ключевые идеи русской языковой картины мира», выражается не столько данным словом, которое в современной русской речи мало употребительно, а синтаксическими конструкциями с дискурсивными вводными словами типа *в случае чего, если что, на всякий случай* и под. [Зализняк и др., 2005].

Согласно «панкультурологическому» подходу, развиваемому в работах ряда исследователей [Телия, 1996; Ковшова, 2013; Радбиль, 2017 и др.], культурно значимую информацию несут не отдельные участки языковой системы, а весь язык, включая и особенности его речевой реализации. С учетом этого следует определять подходы, методы и методики анализа концептов национальной культуры.

1.2. Принципы лингвокогнитивного и лингвокультурологического анализа концептов национальной культуры

В исследованиях Р.М. Фрумкиной было сформулировано три генеральных направления описания концептов, сложившихся в теории и практике со-

временного концептуального анализа: (1) интроспекция исследователя (А. Вежбицкая), т.е. формализация в научном исследовании языковой компетенции и жизненного опыта самого исследователя; (2) анализ толкований концепта по данным лексикографических источников, энциклопедических источников и пр.; (3) рассмотрение экстралингвистической среды бытования концепта, его внеязыкового окружения, с привлечением данных других наук (психологии, литературы, истории и пр.) [Фрумкина, 1991, с. 3–29]. В работе М.Л. Ковшовой указано два основных источника, из которых лингвокультурология черпает свой научный инструментарий: это этнолингвистика и когнитивная лингвистика [Ковшова, 2013, с. 3]. В последнее время отмечается и интерес концептологов к разного рода экспериментальным методикам [Горшкова, Ручина 2002 и 2011]. С учетом этого в разделе дается общая характеристика существующих методов и методик и на этой базе обосновывается концепция исследования.

1.2.1. Методы и методики концептуального анализа в современной лингвистике

Этнолингвистические методы изучения концептов опираются на методологию диахронического, историко-лингвистического подхода к анализу и интерпретации языковых фактов. Так, в научной школе этнолингвистики Н.И. Толстого и его последователей разработаны принципы комплексного семиотического анализа концептосферы народной культуры. Согласно концепции Н.И. Толстого, язык и неязыковые формы народной культуры — элементы изобразительного искусства, музыки и пения, обычаев, обрядов, верований, мифологии и др. — следует рассматривать в виде единого семиотического континуума, который можно разделить на первичные элементы смысла, повторяющиеся и воспроизводимые в разных формах культурной традиции. В этом плане можно говорить о своего рода межкодовой синони-

мии, когда разноприродные элементы языка, обряда, традиции, мифа варьируются в пределах одного смыслового инварианта [Толстой, 1995; Мечковская, 2004, с. 89-93].

К историко-лингвистическим методам анализа концептов можно условно отнести и авторскую методику анализа языковой ментальности, разработанную В.В. Колесовым, который указывает, что «о ментальности народа можно говорить только в исторической перспективе. Тогда она не конструируется, а воссоздается в действительных своих различиях» [Колесов, 2006, с. 3]. В.В. Колесов создал исследовательскую программу историко-лингвистической интерпретации происхождения и развития лексической семантики слов ключевых тематических групп (лексика цвета, семья, народ, закон и пр.), а также эволюции грамматических структур русского языка (отвлеченные понятия, модели субъектно-предикатных и таксисных отношений, сочинительные ряды, и пр.). [Колесов, 1999].

Фронтальный сравнительно-исторический подход на сопоставительной основе по данным многих древних и живых языков, включая русский, применяет Ю.С. Степанов в словаре «Константы: Словарь русской культуры» (1997). Методы академика Ю.С. Степанова основаны на комплексном анализе специфики употребления слов и выражений, относящихся к группе эмпирически заданных и интуитивно выделяемых исходных культурных смыслов — таких, как «истина», «знание», «вера», «закон» и пр.: «Вся совокупная духовная культура всякого общества состоит в значительной степени в операциях с этими концептами, при этом дописьменная история культуры запечатлена не в археологических памятниках (не в «костях»), а в самом значении слов, представляющих собой развитие индоевропейского культурного наследия. Исконный словарный состав — вот первое оригинальное достояние русской культуры» [КСРК, 1997].

Диахроническая направленность присуща и методам исследования «языка культуры», разработанным В.Н. Телия и ее учениками, которые входят в созданную ею московскую школу лингвокультурологического анализа

фразеологизмов. В основе этого подхода лежит метод реконструкции внутренней формы фразеологизма, которая составляет его образную основу. Именно в образной основе фразеологизма отражено его культурно-значимое, «концептуальное» содержание. Оно формируется на основе «национально-культурной коннотации», которая во многом базируется на буквальном прочтении фразеологической единицы (это и есть ее внутренняя форма) [Телия, 1996]. М.Л. Ковшова пишет, что «в основе концептуализации, приводящей к когнитивно-семантическому синтезу (к идиоматичности), лежит метафора (а также метонимия, синекдоха и другие тропы), явленная в буквальном прочтении фразеологизма» [Ковшова, 2013, с. 17].

Ориентация на преимущественно синхронический подход к анализу концептов характерна для методов, так или иначе восходящих к методологии и методике лингвистического когнитивизма. Прежде всего здесь следует назвать методологию анализа концептуальной метафоры, разработанную Дж. Лакоффом и М. Джонсоном [Лакофф, Джонсон, 2004]. На этой основе строит свою методику концептуального анализа абстрактного имени российский ученый Л.О. Чернейко. Согласно этой методике, необходимо анализировать «те содержательные фрагменты абстрактного имени, о которых знает интуиция и которые она выводит на поверхность сознания через языковое знание, то есть через сочетаемость имени» [Чернейко, 1997, с. 284]. Речь идет об анализе сочетаний абстрактного имени с глаголами физического действия или состояния и агентивными глаголами и с конкретными существительными по модели генитивной метафоры [Чернейко, 1997, с. 276–277].

Методика сопоставительного анализа форматов знаний, жизненных установок и моделей поведения, которые стоят за определенными словами того или иного языка, разработана А. Вежбицкой в ее концепции «культурных скриптов» («культурных сценариев»). А Вежбицкая предлагает краткие семантические интерпретации когнитивных моделей *думать*, *чувствовать*, *хотеть* и пр. в разных языках на созданном ею специальном языке «семантических примитивов», которые потом как бы «накладываются» друг на дру-

га для объективного выявления значимых культурных различий [Вежбицкая, 2001]. Также именно А. Вежбицкая, по сути, начала изучать разные культуры посредством сопоставления ключевых слов.

На идеи и принципы А. Вежбицкой во многом опирается российская версия методики анализа ключевых идей русской языковой картины мира, предложенная в работах А.А. Зализняк, И.Б. Левонтиной и А.Д. Шмелева. Методика основана на выявлении неассертивных, имплицитных компонентов смысла слов и выражений русского языка, которые проявляются в разных областях и на разных участках языковой системы. По мнению авторов, слова и выражения разных языков, которые могут быть эквивалентны на уровне их эксплицитных словарных толкований, на уровне неассертивных компонентов смысла обнаруживают существенные концептуальные расхождения, которые как раз связаны с несовпадением национальных языковых картин мира [Зализняк и др., 2005, с. 9-15].

В последнее время в концептологию активно проникают экспериментальные методы, в числе которых особая роль принадлежит разнообразным методикам **психолингвистических ассоциативных экспериментов**: «Материал ассоциативных экспериментов дает возможность выявить наибольшее количество актуальных для современного состояния сознания когнитивных признаков концепта» [Ручина, 2012: 102]. Эксперимент позволяет выделить и содержательно интерпретировать значимые для носителей языка реакции на слова-стимулы, которые, при большом массиве испытуемых, отличаются определенной повторяемостью, частотностью. Причем интересен именно бессознательный характер реакции на стимул. Ассоциаты имеют объективно-субъективный характер: с одной стороны, ассоциации отражают объективное содержание понятий и их связи в языковом сознании носителей языка, которые как бы навязаны узусом, а с другой — выражают субъективно-личностные смыслы испытуемого. В зависимости от целей эксперимента последние могут быть отсеяны, если экспериментатора интересуют именно об-

щие для многих респондентов реакции [Клименко, 1978; Жинкин, 1982 и 1998; Языковое сознание, 2000; Методические указания, 2002].

В методику именно концептуального анализа эксперимент ввели такие авторы, как З.Д. Попова и И.А. Стернин, которые предлагают такие разновидности ассоциативных экспериментов: (1) **свободный ненаправленный ассоциативный эксперимент**, когда респондент должен ответить первым словом, пришедшим в голову; (2) **цепной (цепочечный) ненаправленный ассоциативный эксперимент**, когда, в отличие от свободного эксперимента, респондент должен дать не одну словесную реакцию на стимул, а заданное количество, например, от трех до пяти, которые представляют собой определенную ассоциативную «цепочку»; (3) **направленный ассоциативный эксперимент**, когда выбор ассоциаций ограничен экспериментатором — например, отвечать только существительными, не отвечать собственными именами и пр. [Попова, Стернин, 2007].

В другой работе указанных авторов содержится обобщающий обзор всех наиболее известных методов и методик анализа концептов. В частности, выделяются методы логико-тематического анализа объема и содержания концепта; методы анализа словарных толкований; методы анализа ключевых слов; методы анализа развития новых значений слова — репрезентанта концепта (семантической деривации); диахронические историко-лингвистические методы; методы анализа фразеологизмов, паремий и афоризмов; методы сопоставительного анализа; методы грамматического (парадигматического и синтагматического) анализа; методы анализа неузуальной сочетаемости; методы анализа метафорических моделей; методы дискурсивного анализа текстов (художественных, публицистических и пр.); методы статистического анализа корпусов; ассоциативно-экспериментальные методы и т.д. [Попова, Стернин, 2003, с. 14–15].

Проведенный анализ существующих методов позволяет обосновать методику комплексного описания концептов национальной культуры, необходимую в целях нашего исследования.

1.2.2. Методика комплексного описания концепта на лингвокогнитивной основе

В настоящее время существует ряд научных школ концептуального анализа, которые наиболее близки нашей концепции. Это Тамбовская научная школа, во многом развивающая идеи Е.С. Кубряковой в области мультILINGВАЛЬНЫХ И МОНОЛИНГВАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ моделей и схем концептуализации и категоризации мира в естественном языке [Болдырев, 1998, 2001 и 2004]. Это Волгоградская научная школа: осуществляются сопоставительные исследования «культурных доминант» и «ценностной картины мира» на основе когнитивно-дискурсивного подхода [Карасик, 1996, 2001 и 2002; Карасик, Слышкин, 2005; Слышкин, 2000 и 2004]. Это Воронежская научная школа, основные постулаты которой уже рассматривались выше [Бабушкин, 1996 и 1998; Попова, Стернин, 2002, 2003, 2005, 2006-2007 и 2007]. К постулатам Воронежской школы близки исследования ученых Нижегородской школы концептуального анализа [Горшкова, Ручина, 2001 и 2011; Ручина, 2012; Русский язык, 2014; Радбиль, 2016 и 2017].

Принятая нами комплексная методика описания концептов культуры опирается на следующие исходные теоретические принципы. Концепт представляет собой некое единство внеязыковой информации и языковой семантики. При этом концепт воплощается в языке не каким-либо одним словом, а иерархически организованной совокупностью языковых знаков разной природы, принадлежащих к разным уровням языка, комбинацией знаков, фрагментами текстов и целыми текстами и пр. [Радбиль, 2016].

Опираясь на постулаты Воронежской школы, мы считаем, что комплексный характер предлагаемой нами методики заключается в следующем:

(1) совмещение синхронического и диахронического подходов — в исследование обязательно включается историко-этимологический фрагмент;

(2) совмещение анализа экстралингвистического содержания исследуемого представления по энциклопедическим источникам, научным и публицистическим текстам, художественным и фольклорным произведениям и смыслового наполнения соответствующего концепта уже непосредственно в системе языка по данным толковых и иных словарей;

(3) совмещение анализа семантики слов — репрезентантов концепта в системе языка и их смысловых преобразований в дискурсной реализации — в условиях как устойчивой сочетаемости (фразеологизмы, пословицы и поговорки, другие прецедентные тексты), так и свободной сочетаемости, фиксируемой, например, по данным корпусов.

В комплексной методике описания концептов культуры принят следующий **терминологический аппарат**. В комплексном анализе концептов последовательно отличаются *концептуальное содержание* (в Нижегородской научной школе иногда именуется «*смысловое наполнение*» [Горшкова, Ручина, 2002; Ручина 2012]), и *языковая объективация* (*экспликация, репрезентация*) концепта, т.е. единицы и категории лексики и грамматики языка, их парадигматические, синтагматические, эпидигматические и деривационные связи и отношения в языке. Анализ языковой объективации верифицируется исследованием *дискурсивного варьирования слов* — репрезентантов концепта в типовых и неузловых контекстах употребления в дискурсах разного типа.

Концептуальное содержание формируется посредством выявления и фиксации *когнитивных (концептуальных) признаков* концепта. *Когнитивные признаки* — это самые разнообразные смысловые явления: отдельно взятое значение слова, оттенок значения, коннотация, сема, значение фразеологизма, граммема и пр., т.е. любой элемент смысла, который может быть воспринят носителем языка как отдельный, отличающийся от другого. Причем сам носитель может даже не осознавать его «отдельности», но при этом регулярно воспроизводить данный смысл в своей речи в типовых условиях употребления или типовой реакции на ситуацию [Попова, Стернин, 2007].

гиперонимические, партитивные, посессивные и другие их связи и отношения) — по словарям синонимов и антонимов; синтагматической реализации концепта (модели сочетаемости лексем — репрезентантов концепта, свободных и устойчивых, в том числе по данным фразеологии и паремиологии) — по словарям сочетаемости, по фразеологическим и паремиологическим словарям. В результате на этом этапе формируется совокупный смысловой объем концепта — набор составляющих его когнитивных признаков — и определяется его семантическая структура.

На завершающем этапе анализируется дискурсная (текстовая) актуализация слов — репрезентантов концепта «дружба» по текстовым данным Национального корпуса русского языка и собственного Интернет-мониторинга автора. Данный анализ в целях полноты исследования дополняется изучением особенностей текстовой реализации концепта «дружба» в художественном дискурсе. В настоящей работе взят эталонный для русской культуры поэтический дискурс А.С. Пушкина, с привлечением данных по художественной речи и некоторых других поэтов «пушкинского круга». В результате на этом этапе проводится подтверждение и уточнение состава когнитивных признаков, выявленных на предыдущем этапе анализа. На его завершающей стадии также исследуются и новые явления в языковой объективации концепта «дружба» на лексико-семантическом и словообразовательном уровне в современной русской речи.

Основные выводы по главе I

Проблема отражения национального своеобразия мировидения народа, его ментальности и культуры в наши дни находится в центре исследовательского внимания представителей такого междисциплинарного направления в современном гуманитарном знании, как лингвокультурология. Одной из главных задач современной лингвокультурологии является анализ

ключевых концептов русской культуры. Для исследований в этой области даже создано отдельное терминологическое обозначение — лингвистическая концептология.

В базовый терминологический аппарат современной концептологии входят понятия языковой концептуализации мира, языковой картины мира, национальной концептосферы и концепта. Концепт в настоящем исследовании понимается как минимальный элемент этнообусловленного знания о мире, имеющий культурно-специфическую основу.

Существуют разнообразные классификации концептов. Они подразделяются по способу концептуализации информации, по степени устойчивости, по степени абстрактности, по наличию или отсутствию словесного воплощения, по языковому уровню, на котором осуществляется вербализация, по типу общественного сознания, по характеру обобщения субъекта — носителя информации о мире. Упорядоченная и структурированная совокупность концептов составляет концептосферу национального языка.

За вербализацию концепта в языке отвечают единицы, средства и категории разных уровней системы языка (лексические, фразеологические, словообразовательные, грамматические) и рефлексy их речевой реализации — узуальные и незузуальные. Концепты имеют национально-обусловленное содержание и национально-специфичный способ языкового выражения этого содержания.

В главе I было осуществлено рассмотрение наиболее известных методов и методик. По результатам данного рассмотрения была обоснована концепция комплексного, лингвокультурологического и лингвокогнитивного, описания концепта «дружба». Принятая в работе процедура исследования заключается в последовательном освещении экстралингвистического содержания концепта и его языковой объективации по данным энциклопедических и лексикографических источников; парадигматических, синтагматических и деривационных отношений между словами — репрезентантами концепта «дружба»; текстовой актуализации слов — репрезентантов концепта «друж-

ба» в дискурсах нехудожественного типа и в художественном дискурсе (на примере поэтической речи А.С. Пушкина и некоторых других поэтов «пушкинского круга»). Данная концепция реализуется далее, в главах II и III настоящей работы.

ГЛАВА II. Концепт «дружба» в русской языковой картине мира: экстралингвистический и собственно лингвистический аспекты анализа

В главе освещаются результаты первого и второго этапа предпринятого нами комплексного лингвокогнитивного описания концепта «дружба». Рассмотрены особенности экстралингвистического содержания этого понятия по данным энциклопедических источников (раздел 2.1), , этимологические и историко-лингвистические составляющие его концептуального содержания, смысловое наполнение концепта по данным основных русских толковых словарей, а также в русском фразеологическом и паремиологическом фонде (раздел 2.2). Охарактеризованы словообразовательные, парадигматические и синтагматические особенности языковой репрезентации концепта «дружба» (раздел 2.3).

2.1. Экстралингвистическое содержание представления о дружбе в национальной культуре

2.1.1. Категория дружбы в философии, психологии, социологии и культурологии по данным энциклопедических источников

Представление о дружбе является одной из культурных универсалий для всей мировой цивилизации на всем протяжении развития человечества с древнейшего периода и до наших дней. Это представление меняло свое конкретно-историческое наполнение при переходе от одной культуры к другой, но в целом оно отражает нравственную и психологическую ценность для всех людей на Земле.

Сложность и многоаспектность содержания категории дружбы предопределяет тот факт, что дружба исследуется разными гуманитарными науками. С разных сторон набор смыслов, связанных с дружбой, рассматривается в рамках философской, социологической и психологической парадигмы научного знания. Как пишет И.С. Кон: «Во-первых, дружба — определенный социальный институт, выполняющий какие-то социальные функции, изучением которых занимаются такие науки как социология, история и антропология. Во-вторых, это складывающиеся в повседневной жизни реальные личные отношения, изучением которых занимается социальная психология. В-третьих, это дружеские чувства и переживания, в изучении которых ключевая роль принадлежит психологии эмоций и психологии личности. В-четвертых, дружба — важная нравственная ценность, изучением которой занимается этика.» [Кон, 2005]

Дружба как философская категория. В «ФЭС» (1997) категория дружбы рассматривается в качестве избирательно-личностных отношений между индивидами, которым присущи такие черты, как взаимная приязнь, доверие, доброжелательность и внимание друг к другу.

Причем такое понимание дружбы не было изначальным. В позднеродовом обществе на заре цивилизации дружба возникает из отношений родства, своячества, когда люди, живущие в одной фратрии, в одном племени, воспринимаются как родственники и связаны узами общих судеб, общим делом (война, охота, миграция) и вытекающей отсюда солидарностью. Когда родовая, территориальная, племенная общность перестала иметь первостепенное значение в жизни людей, в эпоху индивидуализации личности, институт побратимства и родовых связей также индивидуализируется на основе добровольного выбора людей.

В античности отношения дружбы понимались широко: это и политическая близость, и союз, основанный на деловых соображениях, из взаимной пользы, и отношения соседства, даже родства. По мере развития цивилизации, люди начинают осознавать, что специфические отношения дружбы мо-

гут возникать между индивидуумами помимо родства, территориальной близости, общности интересов или выгоды.

Со времен ранней античности дружба символизировала возвышенные человеческие отношения и рассматривалась как воплощение подлинной добродетельности и мудрости. Именно Аристотель впервые увидел в дружбе нравственную и психологическую ценность. «В дружбе люди благодетельствуют; друг представляет для друга ценность сам по себе; друзья проводят время совместно (или живут сообща); они "наслаждаются взаимным общением", они схожи во всем и делят друг с другом горе и радости. Друзей отличает единомыслие, которое проявляется также в поступках. Друг — это другое Я» [ФЭС, 1997]. В «Философском энциклопедическом словаре» (1983) также отмечается, что Аристотель различал три вида дружбы: дружбу, основанную на взаимной пользе; дружбу, преследующую удовольствие, и дружбу, основанную на добродетели. «Первые два вида дружбы являются низшими; здесь люди любят не друг друга, а только ту пользу или то удовольствие, которое достигается в их общении. Такая дружба не может быть продолжительной, так как с исчезновением пользы или удовольствия исчезает и сама дружба. Истинная дружба — это дружба, основанная на добродетели. Здесь дружба имеет цель сама в себе и сохраняется до тех пор, пока люди, разделяющие её, остаются хорошими, добродетельными. Вместе с тем дружба, основанная на добродетели, включает в себя и взаимную пользу и удовольствие» [ФЭС, 1983].

В эпоху позднего Возрождения, благодаря таким философам, как Монтень, дружба окончательно отделяется от схожих с ней по типу отношений родителей и детей, от любви к женщине, а также от ее понимания как близкого знакомства или полезной связи. Именно тогда возникает представление о чистой дружбе как о свободном отношении взаимной приязни между людьми, не связанными никакими социальными, политическими, родственными, супружескими, деловыми и пр. отношениями [ФЭС, 1997]. Как указано в «Философском энциклопедическом словаре» (1983): «Средневеко-

вая религиозная этика лишает чувство дружбы общественного содержания, рассматривая его как один из видов сверхчувственной любви к Богу. Напротив, буржуазные этические учения видели основания дружбы в естественных наклонностях человека. Например, английский философ XVII века А. Смит рассматривал дружбу как «результат... естественной симпатии». Французские просветители XVIII века, защищавшие принцип разумного эгоизма, связывали дружбу со всеобщим, естественным желанием людей «содействовать своему взаимному счастью», поскольку в дружбе согласуются индивидуальные интересы» [ФЭС, 1983].

В философии Нового времени окончательно формируется представление о дружбе как о бескорыстных отношениях в противовес отношениям выгоды, эгоистическим отношениям. Философы XX века видели в дружбе проявление высшей гуманности, любви к людям, в основе которой лежит свобода, равенство, духовная близость и солидарность не по принуждению, а по добровольному выбору человека: «Ш. Фурье, отделяя дружбу от чувств «материального» и «распределительного» характера, относил её к страстям привязанности, к духовному началу... Подвергая резкой критике капиталистическое общество, утописты указывали, что господствующие в нём религия, недоверие, эгоизм и т. п. не благоприятствуют развитию свободного общения между людьми. Воспитание дружбы, как и других человеческих чувств, они связывали с устранением ложных представлений, порочных законов, с утверждением нового общественного строя» [ФЭС, 1983].

И только в XX веке начинается полноценное научно-гуманитарное изучения дружбы. Современные представления о дружбе в философской этике рассматривают дружбу как высшую нравственную ценность человека, как добродетель, основанную на взаимной привязанности и духовной общности людей [СПЭ, 1989; ЭЭС, 2019].

Дружба как социологическая категория. Современная социология рассматривает дружбу как основу гражданского общества, как внутреннюю структуру неформальной стороны общественной жизни: «Дж. Морено в сво-

ей теории социометрии (*socius* — товарищ, *metrum* — измерение) трактует дружбу как определённую «социометрическую матрицу», лежащую в основе исследования форм коллективности» [ФЭС, 1983]. Дружба как социальный институт должна рассматриваться в аспекте социально-исторического развития.

Как свидетельствует И.С. Кон, проблему историчности дружбы поставили немецкие социологи конца XIX в. Ф. Тённис и Г. Зиммель. «Ф. Тённис, которого часто называют «первым социологом дружбы», теоретически разграничил два типа социальных структур: основанную на непосредственной эмоциональной близости людей «общину» (*Gemeinschaft*) и основанное на холодном рациональном расчёте и разделении труда «общество» (*Gesellschaft*). Классический пример «общественных» отношений — капиталистическое товарное хозяйство, пренебрегающее всеми индивидуальными различиями, а воплощение «общинности» — родство, соседство и особенно дружба. На разных стадиях общественного развития соотношение этих двух типов общественных отношений разное. «Общинность» преобладает на ранних стадиях развития общества, где люди живут и трудятся небольшими коллективами и каждый знаком с каждым. По мере расширения и деиндивидуализации социальных связей и отношений преобладает обезличенность «общества», в котором значение дружбы в производственных и иных социальных отношениях утрачивается» [Кон, 2005].

Г. Зиммель, в отличие от Ф. Тенниса, делает акцент не на социальной дифференциации общества, а на распаде человеческих связей между самими личностями. «Человеческая индивидуальность, по Зиммелю, создается прежде всего наличием некоей тайны, составляющей исключительное достоинство личности. По его мнению, на ранних стадиях социального развития индивид имел очень мало своего и поэтому не испытывал потребности в самораскрытии. Потребность в интимной дружбе возникает у человека лишь в античности. Но «по мере растущей дифференциации людей такое полное самораскрытие должно было становиться все труднее. Современный человек,

возможно, должен слишком многое скрывать, и это не позволяет ему поддерживать дружбу в античном смысле». Индивид с более сложным внутренним миром не может полностью раскрыться кому-либо одному. Г. Зиммель постулирует неоднородность понятия «дружба» в современном мире. Реально дружба подразделяется на разновидности, в каждой из которых раскрывается отдельный аспект человеческой индивидуальности. С одним человеком нас связывает симпатия, с другим — общие интеллектуальные интересы, с третьим — религиозные чувства, с четвертым — общий жизненный опыт» [Кон, 2005].

Анализируя состояние вопроса применительно к современной стадии общественного развития, И.С. Кон утверждает: «Историко-социологические исследования демонстрируют не столько «оскудение» дружеских чувств и отношений, сколько усложнение и психологизацию их критериев, в свете которых реальные личные связи сплошь и рядом выглядят неудовлетворительными. Новая, более динамичная форма общественных отношений не уничтожила элементарной потребности отдельного человека в теплоте и спонтанности в отношениях с другими людьми и не привела к исчезновению желания надежного и постоянного подтверждения собственных чувств со стороны других людей и желания быть рядом с теми, кто вызывает симпатию» [Кон, 2005].

Дружба как психологическая категория. Для психологического понимания дружбы характерна интерпретация дружбы как чувства, как некоего переживаемого человеком внутреннего состояния.

В современном «Большом психологическом словаре» говорится: «Хотя дружба — это интимное, личное отношение, его формирование и развитие зависят от ряда объективных условий: частоты контактов, принадлежности к одной группе, совместной деятельности, общности целей и интересов» [БПС, 2003].

Чувство дружбы в психологии также имеет ряд аспектов. Дружба выступает как переживание чувства удовлетворения при совместной деятельно-

сти и общности интересов (чувство товарищества). Дружба выступает и как орудие самопознания личности, выражающееся через общение с другим, при котором последнему отводится пассивная роль. Дружба выступает и как потребность в собеседнике, что отражает коммуникативный аспект дружбы, жажду исповедальности и взаимопонимания. Дружбу можно рассматривать и в контексте самоидентификации личности, уподобления другого себе и себя другому. С точки зрения психологии, дружба представляет собой взаимопересечение двух типов ценностей — **экспрессивных** (установка на взаимопонимание) и **инструментальных** (установка на взаимопомощь).

В возрастной психологии дружба трактуется в зависимости от возрастного периода человека: «Детские дружбы покоятся на непосредственной эмоциональной симпатии, общих интересах и совместной деятельности. В подростковом возрасте эти ценности дополняются и постепенно перевешиваются потребностью в эмоциональной поддержке и взаимопонимании. Потребность в alter ego достигает кульминации в ранней юности. Именно в юношеской дружбе формируются такие важные личностные черты, как альтруизм и способность поставить себя на место другого. В дальнейшем, по мере взросления, дружба утрачивает эту тотальность, частично уступая место любовным, семейным и иным привязанностям» [Кон, 2005]. Ср. также вывод в «Большом психологическом словаре»: «Исповедный характер отношений взрослого человека более дифференцирован, поскольку появляется ряд новых форм общения (любовь, семейные и родительские привязанности и т. д.)» [БПС, 2003].

В концепции И.С. Кона дружба также рассматривается через призму половых различий: «Традиционный канон дружбы, уходящий корнями в античность, считал ее исключительно мужской добродетелью. Возможность дружбы между женщинами философы начали признавать только в XVII в., но и сегодня многие люди убеждены, что женская дружба существенно уступает мужской в глубине, силе и устойчивости. <...> Мужская дружба часто мыслится как синоним мужественности. Женская дружба никогда и нигде не воз-

водилась в ранг социального института, оставаясь чисто бытовым феноменом. ... Девичья дружба больше ориентирована на эмоционально-экспрессивные ценности. Эти различия появляются довольно рано и тесно связаны с развитием самосознания. Повышенная рефлексивность девочек порождает и более раннюю потребность делиться своими переживаниями, что составляет одну из главных функций дружбы» [Кон, 2005].

В плане концепции нашего исследования исключительно важным является положение о национальной и культурной специфичности представлений о дружбе, присущих разным сообществам: «Несмотря на процессы глобализации, дружба имеет свои этнокультурные особенности. Переход России к рыночной экономике подорвал патриархальные представления о дружбе, заставив рассматривать человеческие взаимоотношения более реалистично и прозаически. Тем не менее, дружба остается одной из главных жизненных ценностей современной молодежи» [Кон, 2005].

Анализ содержания категории дружбы в философском, социологическом и психологическом аспектах позволил выделить важное в целях нашего исследования противопоставление: необходимо различать дружбу как моральное чувство и дружбу как специфический вид взаимоотношений. Данная оппозиция, на наш взгляд, связана с выявленным нами противопоставлением **экспрессивных** (установка на взаимопонимание) и **инструментальных** (установка на взаимопомощь) аспектов дружбы.

В словаре «Базовые ценности носителей русской культуры» (2019) по данным энциклопедических источников приводятся базовые толкования дружбы как отношения: «(1) Разновидность избирательно личностных отношений между людьми, характеризующихся взаимным признанием, доверительностью, доброжелательностью, заботой. (2) Вид устойчивых, индивидуально избирательных межличностных отношений, характеризующийся взаимной привязанностью их участников, усилением процессов аффилиации, взаимными ожиданиями ответных чувств и предпочтительности» [БЦНРК, 2019, с. 157]. — Мы можем использовать эти формулировки как основу для

формирования первого аспекта экстралингвистического содержания категории дружбы в русской культуре — **дружбы как отношения**.

Дружба как чувство, в соответствии с данными этого словаря, которые опираются на энциклопедические источники, охватывается следующими параметрами: симметричность (взаимность), личная симпатия, эмоциональная расположенность, готовность прийти на помощь, полное доверие, потребность в общении, задушевность, духовная близость [БЦНРК, 2019, с. 157]. Речь идет о таких смысловых компонентах, которые, по данным энциклопедических источников, можно реконструировать следующим образом: наличие эмоциональной симпатии, потребность в эмоциональной поддержке и взаимопонимании, потребность в alter ego, потребность в исповедальности, бескорыстие и доверие.

2.1.2. Фрейм дружбы в когнитивной системе этноса

В соответствии с современными когнитивно ориентированными представлениями о механизмах концептуализации и категоризации мира, к сфере экстралингвистического содержания относятся когнитивные модели представления того или иного содержания в когнитивной базе [Красных, 2002] или концептуальной системе [Кубрякова, 2004]. Концепт «дружба» очень сложно устроен. Его можно рассматривать как когнитивную модель ситуации в духе работы [Кустова, 2004]. Когнитивная модель ситуации представляет собой мыслительную структуру, состоящую из элементов, вступающих в разнообразные связи и отношения. В последнее время когнитивные структуры подобного рода принято характеризовать как фрейм, определенную динамичную концептуальную схему, содержащую обязательные компоненты — узлы, которые называются слоты [КСКТ, 1996; Радбиль 2018]. Каждый слот, в свою очередь, включает более элементарные понятия, функционально

или каузально связанные с данной предметной областью фрейма (аспектом), которая обозначена тем или иным слотом.

Фреймы — это сложно структурированные элементы человеческого опыта взаимодействия с действительностью, которые рассматриваются как особые единицы ментального лексикона и долговременной памяти. Фрейм — это когнитивная модель некой ситуации социального взаимодействия [Болдырев, 2004; Радбиль, 2016 и 2017]. Фреймовую организацию имеют, например, такие понятия, как *война, супружество, прогресс* и пр.

О том, что дружба представляет собой именно фрейм, косвенными образом свидетельствуют данные словарной статьи «Дружба» в известном издании «Антология концептов» (2005): «Концепт ДРУЖБА в русском языке представлен обширным лексико-семантическим полем слов, содержащих сему дружбы (*товарищество, přátельствовать, кореш* и т.д.). Ядром этого поля мы считаем функционально-семантическую триаду *друг — дружить — дружба*, поскольку в ней реализуются главные когнитивно обусловленные позиции, отражающие в обыденном сознании носителей языка ситуацию дружбы: субъект (участник ситуации) — предикат (функциональное наименование ситуации) — абстрактное имя (интерпретация ситуации, взятой в отрыве от модально-временного фактора)» [Арапова, Гайсина, 2005, с. 58].

Выделение трех обязательных слотов для когнитивной ситуации дружбы: субъект (участник ситуации) — предикат (функциональное наименование ситуации) — абстрактное имя (интерпретация ситуации, взятой в отрыве от модально-временного фактора) — как раз и есть доказательство фреймовой организации данного концепта. Языковое воплощение фрейма осуществляется посредством слова — имени концепта (в нашем случае это *дружба*), а также другими словами, семантически и словообразовательно соотнесенными с именем концепта.

Итак, дружба как интерпретация ситуации, взятой в отрыве от модально-временного фактора, посредством использования слова *дружба*, как было показано ранее, имеет два слота — дружба как отношение и дружба как чув-

ство. Контексты из Национального корпуса русского языка (НКРЯ) иллюстрируют реальность обоих компонентов:

(1) акцент делается на дружбе как чувстве: *Прощаясь с тобой, дорогой Дмитрий, я хочу сказать, что ты в моей жизни являешься тем редким человеком, в котором **чувство дружбы** никогда не исчезает* [Даниил Гранин. Зубр (1987)];

(2) акцент делается на дружбе как особом типе отношений между людьми: *Хотя порой казалось, что **дружба между двумя большими артистами по-прежнему незыблема*** [Сати Спивакова. Не всё (2002)].

Но зафиксированы и контексты, в которых нейтрализуется тонкое различие между дружбой-чувством и дружбой-отношением: *Так **теплая дружба и преданность** [дружба-чувство] становились счастьем, потому что **каждый понимал каждого** [дружба-отношение] и каждый не требовал от другого больше того, что он может дать* [Гавриил Троепольский. Белый Бим черное ухо (1971)].

Слоты 'субъект дружбы' и 'дружба как процесс' реализуются, соответственно, в употреблении слов *друг* и *дружить*, примеры которых см. в главе III настоящего исследования.

Три вышеуказанных слота формируют обязательный состав участников когнитивной ситуации «дружба». Однако наш материал свидетельствует, что для фрейма «дружба» характерен и факультативный слот, обозначающий признак субъекта дружбы, самой дружбы или процесса дружбы. В норме данный факультативный слот 'признак, свойство, качество, характеристика дружбы как чувства / отношения' выражается либо производными прилагательными и наречиями, входящими в словообразовательное гнездо с вершиной *друг* (примеры см. в разделе 2.3 настоящей главы), либо прилагательными и наречиями, характеризующими слоты *друг*, *дружба* и *дружить*.

Необязательными, факультативными компонентами фрейма «дружба», которые также достаточно широко представлены в НКРЯ, являются:

- указание на интенсивность дружбы (*крепкая дружба*): У Ольги Леонардовны мы теперь иногда бывали вместе, и она была очень ласкова с Николаем Ивановичем, а у Софьи Ивановны с ним сразу завязалась **крепкая дружба** [Софья Пилявская. Грустная книга (2000)];

- указание на продолжительность дружбы (*проверенная временем дружба*): Его сын Александр (1921 – 2000) стал крупным физиком. Нас связывала **долгая дружба** [С. П. Капица. Мои воспоминания (2008)];

- указание на ее подлинных или ложный характер (*настоящая дружба*): И в процессе трудной, изнуряющей работы возникает **истинная дружба** и крепится, «схватывается», как будто хорошим раствором [Алла Босарт. Капля в море // «Юность», 1971].

В ряде контекстов могут одновременно проявиться два указанных компонента, например, указание и на интенсивность дружбы, и на ее продолжительность: *Опять удивительная и причем **многолетняя крепкая дружба** этой семьи с моей Миночкой, которая посвящена во все тайны дома и сада* [А. А. Тахо-Годи. Жизнь и судьба: Воспоминания (2009)].

Есть случаи, когда реализуются одновременно все три компонента — интенсивность, продолжительность и искренность: *И **последние лет двадцать** это была самая **настоящая дружба** — **верная и искренняя*** [Василий Катанян. Лиля Брик. Жизнь (1999)].

Г.И. Кустова, рассматривая устройство когнитивной модели ситуации, вводит понятие **импликации** — смыслового компонента, которого нет в самой ситуации, но который закономерно выводится в результате ее осмысления говорящими. Есть два вида импликаций: импликация в зоне субъекта, когда с самим субъектом что-то происходит при реализации ситуации, и он это ощущает; импликация в зоне объекта, когда осмысливается результат проявления или реализации ситуации [Кустова, 2004].

Применительно к фрейму «дружба» под **импликацией в зоне субъекта** мы понимаем положительную оценочную реакцию на переживание чувства дружбы или дружеских отношений, которая не отмечается словарями

для этого слова, но которая явно присутствует в речевой практике людей: *Дружба — это хорошо! Дружба — это хорошее чувство, которое испытывают люди и животные, которое позволяет людям делать друг другу хорошее...*» [Б. В. Зейгарник. Патопсихология (1986)]; *Нет, дружба — это не доверие, купленное ценой испытаний, а доверчивость до всяких испытаний, вместе с тем это наслаждение, счастье от самой полноты душевной отдачи близкому человеку* [Фазиль Искандер. Летним днем (1969)].

Импликацией в зоне объекта мы считаем такие проявления дружбы, как «добрые дела», поступки людей, продиктованные чувством дружбы или дружескими отношениями: *Сколько себя помню, старался **делать** людям, **друзьям** моим, **добро**, как-то **помогать**, **поддерживать*** [В. Д. Алеиных. Тадзимас (2002)]; *Мимо гробницы великого Дария; на ней было написано: «Я — Дарий, царь великий, царь царей, царь персов, царь народов; никто не **сделал** столько **добра друзьям** и зла врагам своим; я мог все»* [М. Л. Гаспаров. Занимательная Греция (1998)].

Когнитивная модель ситуации «дружба» может подвергаться семантическим преобразованиям, за счет чего происходит семантическое расширение объема концепта. Согласно концепции семантической деривации Е.В. Падучевой, перенос значения в результате переосмысления ситуации может осуществляться за счет изменения таксономического класса участника ситуации (например, одушевленного на неодушевленного), за счет изменения тематического класса отношения, состояния, процесса и пр. [Падучева, 2004].

Так, изменение таксономического класса участников ситуации «дружба» с одушевленного на неодушевленного ситуация дружбы переосмысливается как добрые отношения между народами или государствами (*дружба народов*): *Это монументальное сооружение станет подарком от дружественной столицы Казахстана Москве. **Дружба народов** — дело святое* [Леонид Смирнов. Парк Дружбы станет садом камней // «Известия», 2002.05.16].

Для такого репрезентанта концепта «дружба», как слово *друг* мена таксономического класса на неодушевленный обуславливает новое значение

‘сторонник, защитник, приверженец чего-л. или кого-л.’ (*Друг истины, свободы и т.п.*): Так полагал и Пестель, *Друг человечества* и *Друг свободы* [Юрий Давыдов. Заговор, родившиймышь (1993)].

Изменение тематического класса отношений для лексемы *друг* приводит к появлению нового значения ‘любимый человек, возлюбленный (по отношению к женщине)’: *И неплохо бы, конечно, чтобы сладкий голос пел, чтобы милый друг сердечный тут же рядышком сопел!* [Тимур Кибиров. Хорошо бы сложить стихи // «Дружба народов», 1999.09.15].

Изменение тематической сферы реализации ситуации *дружба* (по Е.В. Падучевой — компонент «Среда» [Падучева 2004]) с бытовой на специализированную, например, военную, для слова *друг* делает возможным развитие значения ‘соратник, товарищ по оружию’: *Спешите же с ответами, мои друзья по оружию и идее!* [Ю. В. Трифонов. Отблеск костра (1965)].

Таким образом, когнитивная модель ситуации (фрейм) дружбы имеет следующую структуру.

ОБЯЗАТЕЛЬНЫЕ СЛОТЫ:

1. дружба как интерпретация ситуации
 - 1.1. дружба как чувство
 - 1.2. дружба как отношение
2. субъект дружбы
3. дружба как процесс

ФАКУЛЬТАТИВНЫЙ СЛОТ:

0. признак, свойство, качество, характеристика дружбы как чувства / отношения / процесса

ИМПЛИКАЦИИ КОГНИТИВНОЙ СИТУАЦИИ:

01. импликация в зоне субъекта — положительная оценочная реакция на переживание чувства дружбы или дружеских отношений
02. импликация в зоне объекта — «добрые дела», поступки людей, продиктованные чувством дружбы или дружескими отношениями

Каждый обязательный или факультативный слот, а также импликационные слоты включают в себя комплекс более элементарных понятийных составляющих, которые будут рассмотрены в разделах 2.2 и 2.3 настоящей главы II.

В целом отметим, что когнитивная модель ситуации «дружба» проявляет богатые возможности для смыслового обогащения и развития. Это говорит о значительной «культурной разработанности» [Вежицкая, 1997] концепта «дружба» в русской языковой картине мира, о его большой значимости в языковом сознании русских людей.

Думается, что наиболее объективные свидетельства о том, как русские люди представляют себе столь сложный и многоаспектный концепт, следует искать прежде всего в национальном языке. Этому посвящены следующие разделы 2.2 и 2.3 настоящей главы II.

2.2. Семантическое наполнение концепта «дружба» в синхронно-диахронном освещении

Семантическое наполнение концепта «дружба» в русском языке, в соответствии с принятой концепцией исследования, рассматривается по данным основных толковых и этимологических словарей (подразделы 2.2.1 и 2.2.2), что позволяет осуществить синхронно-диахронное описание его концептуального содержания, а также по материалам русского фразеологического и паремиологического фонда (подраздел 2.2.3), что позволяет выявить возможные смысловые преобразования слов — репрезентантов концепта в типовых моделях устойчивой сочетаемости.

2.2.1. Концептуальное содержание, смысловой объем и семантическая структура концепта «дружба» по данным русских лексикографических источников

Согласно концепции исследования, анализ семантического наполнения концепта в лексико-семантической системе языка следует начинать с исследования лексикографических толкований слов — репрезентантов концепта в основных русских толковых словарях. В нашем случае — это слова *дружба*, *друг* и *дружить* как репрезентанты базовых обязательных слотов концепта-фрейма «дружба».

На предварительной стадии исследования мы установили, что, с когнитивной точки зрения, дружба представляет собой фрейм. Обязательные узлы (слоты) этого фрейма, соответствующие трем базовым лексемам *дружба*, *друг* и *дружить*, как раз и заполняются когнитивными признаками, выявляемыми на основе анализа определений значений этих лексем в словарях. Слоту 'дружба как интерпретация ситуации' соответствуют когнитивные признаки, выделенные на основе семантики лексемы *дружба* как отвлеченного существительного, слоту 'субъекты дружбы' — на основе семантики лексемы *друг* и, соответственно, слоту 'дружба как процесс' — на основе глагола *дружить* (в семантическом отношении глагол *дружить* не является процессом, но, будучи глаголом, приобретает процессуальные грамматические признаки, т.е. возможность в когнитивном плане осмысляться во временной протяженности).

Концептуальная составляющая, отражающая семантику отвлеченного представления о дружбе как интерпретации ситуации отражена в словарных значениях соответствующего слова *дружба*. В словаре В.И. Даля эта лексема представлена следующим образом: «взаимная привязанность двух или более людей, тесная связь их; с добрым помыслом, бескорыстная, стойкая приязнь, основанная на любви и уважении; тесная связь, основанная на взаимных вы-

годах» [СД-I, 1999]. Здесь отражены разные грани отвлеченного представления о дружбе, которые так или иначе присутствуют и в словарных толкованиях лексемы *дружба* в других словарях — в словаре под редакцией Д.Н. Ушакова: «Ближние приятельские отношения, тесное знакомство вследствие привязанности и расположения [СУ-I, 1996]; в словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой: «Ближние отношения, основанные на взаимном доверии, привязанности, общности интересов. *Давнишняя д. Д. одноклассников*» [СО, 2000]; в МАС: «Отношения между кем-л., основанные на взаимной привязанности, духовной близости, общности интересов и т. п.» [МАС-I, 1985].

В БАС появляется указание на более широкое понимание дружбы за счет изменения типа участников этих отношений — *дружба народов*: «Взаимная расположенность, привязанность людей друг к другу; отношения, свойственные друзьям // Дружба народов» [БАС-III, 1954]. Подробнее этот компонент трактуется в словаре под редакцией С.А. Кузнецова: «1. Отношения, основанные на взаимной привязанности, доверии, духовной близости, общности интересов и т.п. <...>. 2. Отношения между народами, странами, государствами, основанные на доверии, взаимопонимании и невмешательстве во внутренние дела друг друга» [БТСРЯ, 2000].

В словаре Т.Ф. Ефремовой представлено наиболее подробное толкование. В нем также толкуется компонент, связанный с дружбой народов, кроме того, добавлено еще одно значение, отражающее отношения между человеком и животным: «1. Отношения между людьми, основанные на взаимной привязанности, духовной близости, общности интересов и т.п. // Взаимная расположенность, привязанность, характерная для таких отношений. // Дружелюбие, взаимопонимание и т.п. между народами, странами, государствами. 2. *перен. разг.* Доброжелательное отношение друг к другу человека и животного» [СЕ-I, 2000].

Анализ толкований подтвердил обнаруженный на предыдущем этапе анализа факт, что в концептуальном представлении дружбы выделяется два взаимосвязанных компонента: **дружба как доброе чувство**, присущее одно-

му человеку, и **дружба как отношение**, для которого необходимо два или более субъектов. Также отметим расширение понятия дружбы за счет изменения типа участников этого отношения, в норме присущего только человеку: дружба возможна между народами, а также дружба возможна между человеком и животным.

Таким образом, слот, условно названный нами ' дружба как интерпретация ситуации ', представлен следующим набором когнитивных признаков:

1. Чувство взаимной расположенности, привязанности людей друг к другу;
2. Отношения между кем-л., основанные на чувстве взаимной привязанности, духовной близости, общности интересов и т. п.;
3. Дружелюбие, взаимопонимание и т. п. между народами, странами, государствами (= *дружба народов*);
4. Доброжелательные отношения друг к другу человека и животного.

Концептуальная составляющая, отражающая семантику субъектов дружбы, отражена в словарных значениях соответствующего слова *друг*. В словаре В.И. Даля указывается следующая трактовка: «такой же, равный, другой я, другой ты; ближний, всякий человек другому [СД-I, 1999]. В словаре под редакцией Д.Н. Ушакова дается более подробное толкование: «1. Близкий приятель, лицо, связанное с кем-либо дружбой применяется и по отношению к женщинам). 2. Сторонник, защитник кого-чего-н. (книжн.). *Общество «Друг детей»*. 3. Употр. в знач. вежливого или снисходительного обращения (разг.). ~ *Друг дома*: 1) постоянный посетитель семейного дома; 2) любовник хозяйки дома (эвф. шутл.)» [СУ-I, 1996]. Примерно те же значения указаны в МАС: «1. Тот, кто связан с кем-л. дружбой // Любимый человек, возлюбленный. 2. *Кого-чего*. Сторонник, приверженец, защитник. 3. Употребляется в обращении обычно к дружественному или близкому лицу, любезный друг. ~ *Друг дома*: 1) лицо, пользующееся симпатией и дружеским расположением всей семьи. 2) (шутл.) любовник хозяйки дома» [МАС-I,

1985]. В словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой указанные в МАС значения в целом повторяются, только в более сокращенном виде [СО, 1999].

Самое подробное толкование дается в БАС: «1. Лицо, тесно связанное с кем-либо взаимным доверием, преданностью, любовью; приятель. // *Друг дома* — частый гость, пользующийся симпатией и доверием всего семейства. // *Распространительно*. О домашних животных, птицах и т. п. // В обращении к кому-либо. // О любимом человеке, возлюбленном (возлюбленной). // *Друг дома* — о любовнике хозяйки дома. // Лицо, коллектив, связанные с кем-либо общностью интересов, идей, единством цели. 2. Сторонник, приверженец, защитник кого-, чего-либо. *Друг Истины, Добра и Красоты!*» [БАС-III, 1954]. Здесь добавляется значение ‘лицо, коллектив, связанные с кем-либо общностью интересов, идей, единством цели’ и указание на возможность расширительного употребления слова *друг* по отношению к домашним животным, птицам и др.

Расширительные толкования представлены и в более современных словарях. Так, например, в словаре под редакцией С.А. Кузнецова имеется следующая трактовка: «1. Человек, связанный с кем-л. отношениями дружбы. // О животных, птицах, преданных человеку или полезных ему растениях. // О любимом человеке, возлюбленном. 2. *кого-чего*. Сторонник, приверженец, защитник. 3. Дружеское обращение (обычно к близкому или знакомому человеку). // *Разг.* В обращении к чужому, незнакомому человеку. *Куда ты торопишься, д.? А ты, д., что здесь делаешь? Мы с тобой, д., ещё разберёмся!* *Друг дома*. 1. Лицо, пользующееся в чьей-л. семье сердечным расположением. 2. *Шутл.* Любовник хозяйки дома» [БТСРЯ, 2000].

В словаре Т.Ф. Ефремовой: «1. Тот, кто тесно связан с кем-л. дружбой. // Любимый человек; возлюбленный или возлюбленная. 2. Сторонник кого-л., защитник чьих-л. интересов, взглядов. 3. *перен.* То, что способствует нормальной деятельности человека. 4. *разг.* Употр. как дружеское обращение к кому-л.» [СЕ-I, 2000], — как видим, появляется новое метафорическое значе-

ние, применительно к неодушевленным явлениям '*перен., разг.* То, что способствует нормальной деятельности человека' (*друг желудка*).

Таким образом, слот, условно названный нами '*субъекты дружбы*', представлен следующим набором когнитивных признаков:

1. Лицо, тесно связанное с кем-либо взаимным доверием, преданностью, любовью; близкий человек, верный товарищ;
2. Любимый человек, возлюбленный;
3. Приятель;
4. Сторонник, защитник, приверженец чего-л. или кого-л. (*Друг истины, свободы и т.п.*)
5. Лицо, коллектив, связанные с кем-либо общностью интересов, идей, единством цели;
6. Домашнее животное как объект чувства привязанности
7. Постоянный посетитель дома, семьи
8. Любовник хозяйки дома (*ирон.*);
9. Обращение к кому-л., с целью подчеркнуть хорошее отношение;
10. Обращение к чужому, незнакомому человеку (*разг., фамильярн.*);
11. То, что способствует нормальной деятельности человека (о неодушевленном явлении, объекте) (*перен., разг.*)

Концептуальная составляющая, воплощающая процессуальный аспект семантики дружбы как отношения, отражена в словарных значениях соответствующего глагола *дружить* и его возвратной формы *дружиться*. В словаре В.И. Даля для *дружить* указано значение: «(перех.) *кого съ кѣмъ*. Заставлять быть дружно, сводить на дружество // Желать добра, покровительствовать, поноравливать, потакать, судить неправо въ чью пользу // Помогать кому [СД-I, 1999]. Для *дружиться* в словаре В.И. Даля указывается: «Вступать въ дружбу, въ пріязнь» [СД-I, 1999].

В словаре под редакцией Д.Н. Ушакова *дружить* толкуется так: «1. с кем-чем. Находиться с кем-нибудь в дружеских, приятельских отношениях. 2. (соверш. **подружить**) *кого-что с кем-чем*. Делать друзьями» [СУ-I, 1996].

В МАС дается такое толкование: «1. *с кем и без доп.* Находиться с кем-л. в дружбе. 2. *перех. Устар.* Делать друзьями. *Но глас поэзии чудесной Сердца враждебные дружит. Пушкин, Графу Олизару*» [МАС-I, 1985]. В словаре Т.Ф. Ефремовой отражены те же значения и добавляется еще одно, переносно-метафорическое значение: «2. *перен.* Испытывать любовь, иметь склонность, пристрастие к чему-л.» [СЕ-I, 2000].

В словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой разведены слова *дружить* «1. *с кем.* Находиться с кем-н. в дружбе. 2. *перен., с чем.* Любить что-н., иметь пристрастие к чему-н. (разг.). *Д. с книгой. Д. со спортом*», — и *дружиться*: «*несов., с кем.* 1. Вступать в дружеские отношения. 2. То же, что дружить (в 1 знач.) (*прост.*)» [СО, 1999]. Аналогичное решение принимается для этих глаголов в словаре под редакцией С.А. Кузнецова. *Дружить*: «1. (*с кем*). Находиться с кем-л. в дружбе. 2. *с чем.* Любить что-л., питать к чему-л. склонность, пристрастие». *Дружиться*: «Нар.-разг. = Дружить (1 зн.)» [БТСРЯ, 2000].

В БАС также разделяются глаголы *дружить* и *дружиться*, при этом и для варианта *дружить*, и для варианта *дружиться* даются (с пометой *устаревшее*) и значения, отмеченные еще в словаре В.И. Даля. *Дружить*: «1. *Неперех.* Быть в дружеских, приятельских отношениях с кем-либо; быть друзьями. 2. *Перех.* Делать друзьями кого-либо; соединять (*устар.*)». *Дружиться*: «*В просторечии.* То же, что дружить (в 1-м знач.)// Примиряться (*устар.*). *И обреченный тяжкой долей, Почти дружился он с неволей.* Лерм. Кавк. Пленник» [БАС-III, 1954].

Обобщая словарные данные, сформулируем набор когнитивных признаков для процессуальной составляющей концепта «дружба»:

1. Быть, находиться в отношениях взаимной расположенности, приязни;
2. Вступать в отношения взаимной расположенности, приязни;
3. Испытывать любовь, иметь склонность, пристрастие к чему-л. (*разг.; перен.*);

4. Делать друзьями кого-либо; соединять (*устар.*);
5. Примиряться (*устар.*);
6. Покровительствовать, помогать (*устар.*).

В целом концептуальная схема смыслового наполнения концепта «дружба», имеющего структуру фрейма, выглядит следующим образом: 'Субъекты дружбы, обладающие взаимными дружескими чувствами, находятся в дружеских отношениях, которые имеют временную протяженность'. Каждому из трех выявленных ранее обязательных компонентов когнитивной ситуации дружбы — слотов можно приписать свой набор когнитивных признаков. Совокупное концептуальное содержание концепта «дружба» на данном уровне анализа тем самым составило 21 когнитивный признак (соответственно, компонент «чувство дружбы ↔ отношения дружбы» — 4 КП, субъектный компонент — 11 КП, процессуальный компонент — 6 КП):

I. Компонент «чувство дружбы ↔ отношения дружбы»:

- 1.1. Чувство взаимной расположенности, привязанности людей друг к другу;
- 1.2. Отношения между кем-л., основанные на чувстве взаимной привязанности, духовной близости, общности интересов и т. п.;
- 1.3. Дружелюбие, взаимопонимание и т. п. между народами, странами, государствами (= *дружба народов*);
- 1.4. Доброжелательные отношения друг к другу человека и животного.

II. Субъектный компонент:

- 2.1. Лицо, тесно связанное с кем-либо взаимным доверием, преданностью, любовью; близкий человек, верный товарищ;
- 2.2. Любимый человек, возлюбленный;
- 2.3. Приятель;
- 2.4. Сторонник, защитник, приверженец чего-л. или кого-л. (*Друг истины, свободы и т.п.*)
- 2.5. Лицо, коллектив, связанные с кем-либо общностью интересов, идей, единством цели;

- 2.6. Домашнее животное как объект чувства привязанности
- 2.7. Постоянный посетитель дома, семьи
- 2.8. Любовник хозяйки дома (*ирон.*);
- 2.9. Обращение к кому-л., с целью подчеркнуть хорошее отношение;
- 2.10. Обращение к чужому, незнакомому человеку (*разг., фамильярн.*);
- 2.11. То, что способствует нормальной деятельности человека (о неодушевленном явлении, объекте) (*перен., разг.*)

III. Процессуальный компонент:

- 3.1. Быть, находиться в отношениях взаимной расположенности, приязни;
- 3.2. Вступать в отношения взаимной расположенности, приязни;
- 3.3. Испытывать любовь, иметь склонность, пристрастие к чему-л. (*разг.; перен.*);
- 3.4. Делать друзьями кого-либо; соединять (*устар.*);
- 3.5. Примиряться (*устар.*);
- 3.6. Покровительствовать, помогать (*устар.*).

Выявленные когнитивные признаки составляют ядро концептуального содержания анализируемого концепта — фрейма.

2.2.2. Историко-этимологический анализ лексем — репрезентантов концепта «дружба» в русском языке

Предлагаемое в работе комплексное описание концепта носит синхронно-диахронный характер. Это означает, что в отличие от лексического значения слова, в которое принципиально не входит его внутренняя форма, т.е. этимология, в концептуальное содержание как раз включаются этимологические и историко-лингвистические сведения [Горшкова, Ручина, 2002 и 2011; Ручина, 2012; Русский язык, 2014; Радбиль, 2016 и 2017]. Также и по мнению Ю.С. Степанова, исходное содержание концепта формируется на основе внутренней формы воплощающих его слов и выражений [КСРК, 1997].

Важность внутренней формы слова для понимания концептуального содержания соответствующего концепта заключается в следующем. Внутренняя форма — это образ, который положен в основу названия того или иного явления, когда люди в своем опыте восприятия мира впервые столкнулись с этим явлением [Ковшова, 2013].

Новое человек может узнать лишь одним способом — сопоставить его с чем-то уже известным из опыта. Для этого используется механизм концептуальной метафоры Дж. Лакоффа – М. Джонсона [Лакофф, Джонсон, 2004]. Таким образом, благодаря внутренней форме мы можем узнать, как нашим предкам представлялась та или иная реальность жизни. Нам нужно для этого проанализировать понятие, лежащее в основе метафорического сопоставления с тем, которое называется этим словом.

У некоторых слов внутренняя форма прозрачна. Для других слов она забывается, стирается со временем. Такая внутренняя форма выявляется с помощью специальной методики этимологических исследований, основанной на сравнительно-историческом методе в языкознании. Таким образом, согласно принятой методике исследования, внутренняя форма корня ДРУГ- выявляется посредством анализа этимологических данных.

Достаточно подробно этимологические составляющие концепта «дружба» описаны в словарной статье «Дружба» в работе «Антология концептов» (2005). Авторы выдвигают гипотезу о том, что «в основе концепта ДРУЖБА лежит концептуальная метафора дерева, поскольку именно наличие подобной базовой метафоры способно объяснить сосуществование таких, например, исходных значений и.-е. корня *dhreugh, как «крепкий, прочный, верный», «держаться вместе», «следовать друг за другом». Данная метафора аккумулирует в себе синкретичный комплекс внутрисоциумных связей, поэтому прасемантику исследуемого концепта можно представить так: «замкнутый мир – прочное человеческое сообщество, члены которого связаны между собой повседневным общением и взаимными действиями, т.е. ситуационно; они могут не иметь друг с другом никаких отношений либо вступать

в различного рода отношения (родство, любовь, дружба, наставничество и т.д.), оформляемые законами или традициями». Вышесказанное определяет наличие областей пересечения анализируемого концепта с концептами упомянутых отношений» [Арапова, Гайсина, 2005, с. 59].

Все это дает надежную основу для версии, представленной применительно конкретно к слову *друг* в этимологическом словаре М. Фасмера. Слово *друг* рассматривается как родственное лит. *draĩgas* «спутник, товарищ», лтш. *drągs*, гот. *driugan* «воин», англос. *dreogan* «совершать, добиваться», гот. *gadraĩhts* «воины», д.-в.-н. *trucht* «отряд воинов, свита», д.-в.-н. *truhtīn* «военачальник, князь», лит. *sudrugti* «присоединиться» [ЭСРЯФ-I, 2009].

Данные этого словаря позволили нам выделить исконные для значения этого корня значения 'спутник, товарищ', т.е. сопровождающий в дороге или соучаствующий в каком-либо предприятии, 'воин', т.е. товарищ по оружию. В целом здесь можно говорить о семантике участия в какой-то совместной деятельности любого типа. Эти значения в общем сохранились и в современном русском языке, на что указывают данные Национального корпуса русского языка:

СПУТНИК: *Одним словом, Проктер был спутником и другом знаменитостей — сам он был слишком незначителен как человек и как поэт, чтобы претендовать на большее, если он действительно этого хотел...* [Григорий Кружков. 1. Пушкин как озерный поэт // «Дружба народов», 1999].

ТОВАРИЩ ПО ОРУЖИЮ: *Спешите же с ответами, мои друзья по оружию и идее!* [Ю. В. Трифонов. Отблеск костра (1965)].

В словаре П.Я. Черных корень рассматривается как родственный словен. *drug*, *sodrug*; словац. *druh*. Др.-рус. *другъ* — «друг», «товарищ», «слуга», «дружина». Ст.-сл. *дроугъ*. Общеславянское **drugъ* (индоевропейское **dhroughos*). Индоевропейская база *dh(e)reugh-*, корень **dher-* «поддерживать», «подпирать», «держать» [ИЭССРЯ-I, 1999].

Мы видим, что в этом словаре ожидаемо повторяются основные смыслы для исконного значения корня ДРУГ-. В целях нашего исследования важ-

но, что в древнем, индоевропейском состоянии языка корень ДРУГ- соотносился с идеей 'держать' (слова *друг* и *держать* восходят к общему корню в индоевропейском праязыке), 'подпирать' → 'поддерживать'.

Таким образом, на этой стадии этимологического анализа мы выявили еще одно важное для понимания концепта «дружба» в русской языковой картине мира значение — это идея опоры, поддержки; то, что поддерживает, подпирает кого-л. / что-л. Эта семантика в слове более древняя, в современных словарях она напрямую не отражается. Но в русской речи существует много примеров, когда значение слова *друг* так или иначе соотносится в контексте с значениями слов *опора*, *поддержка*, глагола *поддерживать*. Это можно видеть в примерах из Национального корпуса русского языка:

ОПОРА: *Спасибо, что лапу сломал, а не голову... Но — Филипп, близкий друг, опора и надежда артиста!* [Дина Рубина. Русская канарейка. Блудный сын (2014)]; *Как и все женщины, чувствую себя неуютно без опоры — надежного, верного друга* [Помогите нам встретиться // «Сельская новь», 2003.10.07].

ПОДДЕРЖКА: *Поддержка друзей Баллы от 0 до 5 Оцениваются профессиональные способности окружения кандидата — насколько оно готово стать эффективным предвыборным штабом* [Наталья Тимакова, Глеб Черкасов. Кандидатский минимум // «Коммерсантъ-Власть», 1998].

ПОДДЕРЖИВАТЬ: *«Полностью поддерживаю своего друга и соратника Антон Геращенко!..»* [Украинский депутат вылизал тарелку и рассказал о традициях // lenta.ru, 2017.12.09]; *Его поддерживают деньгами друзья проекта, те же меценаты* [Александра Виграйзер. Опасная правда // lenta.ru, 2017.05.22].

Таким образом, в современное представление говорящих по-русски о друге эти смыслы ('опора', 'поддержка', 'поддерживать / поддержать') также входят, пусть и на потенциальном уровне.

О национальной специфике в языковом выражении концепта могут свидетельствовать и этимологические связи разных слов языка. Эти смысло-

вые связи уже не ощущаются на современном уровне развития языка. Но они входят в ту часть содержания концепта, которая называется «этимологическая память концепта» [Стешина, 2018, с. 68].

В этом плане при анализе материалов словаря М. Фасмера нам важно указание на то, что семантика современного русского местоимения-существительного и местоимения-прилагательного *другой* однозначно восходит к *друг* в значении 'спутник, товарищ, близкий человек': «**Другой**, *друг друга*, укр. *другий* «второй», блр. *другі* — то же... || *Первонач.* Тожественно **друг**» [ИЭССРЯ-I, 1999]. В современном русском языке, согласно словарю Т.Н. Ефремовой, местоимение-прилагательное (иногда и в роли существительного) *другой* имеет следующие значения: «I. **сущ. разг.** Кто-то иной, не сам; II. **сущ. разг.** 1. Ни один из названных или из известных; 2. Кто-л. посторонний, чужой; III. **прилаг.:** А) 1. Не этот, не данный. 2. Противоположный (о стороне, крае и т.п. чего-л.). 3. Употр. при противопоставлении; Б) 1. Отличный от данного, прежнего; иной. 2. *разг.* Второй, следующий; В) Употр. при приблизительном указании количества, продолжительности чего-л.; IV. **местоим.:** 1. *разг.* Некий, некоторый; 2. *разг.* Некоторый, какой-нибудь, иной» [СЕ-I, 2000]. Как видим, для слова *другой* в словаре указано много значений, но ни одно из них напрямую не связано с значением *друг* 'товарищ, близкий человек'.

В этой этимологической связи, на наш взгляд, и можно искать национальную специфику представления о друге в русской языковой картине мира. Так, в работах Т.Б. Радбиля говорится о неслучайности этимологического сближения *друг* и *другой* 'тот, кто не Я, второй'. На концептуальном уровне это может означать значимое культурное представление о том, что в русской картине мира любой человек, тот, кто не Я, по умолчанию, автоматически считается другом, а не врагом или посторонним человеком [Радбиль, 2016 и 2017].

Отметим, что в других языках подобного сближения нет. Например, в английском *friend* 'друг' и *other / another* 'другой' совершенно закономерно

представлены разными корнями. Ведь, по сути, это абсолютно разные понятия, они и не должны быть логически связанными. А в русском языке на этимологическом уровне мы эту, вроде бы не обязательную связку наблюдаем, что не может быть случайно. Предки современных русских людей видели закономерность в сближении понятий «друг» и «другой» и отразили это в своем языке.

Таким образом, этимологический анализ позволил нам установить наличие важной концептуальной связки, актуальной для представления о друге в русской языковой картине мира. То, что *друг* и *другой* ассоциативно связаны в русском языковом сознании, доказывают и контексты употребления наречного выражения *друг друга*.

В современном русском языке это выражение означает 'один другого; взаимно' [СЕ-I, 2000] и не имеет никакой смысловой связи с представлением о друге. Но в контекстах употребления выражение *друг друга* очень часто употребляется именно в положительно окрашенных высказываниях, в которых речь идет о взаимной поддержке людей. Нередко даже слова с корнем ДРУГ- и выражение *друг друга* встречаются в пределах одного текстового фрагмента: *Возможно, именно она помогает им узнать **друг друга** и, наверное, подружиться* [коллективный. Форум: Рецензия на фильм «Поймай меня, если сможешь» (2006-2011)].

Похожим образом ведут себя и другие падежные формы этого наречного выражения — *друг другу, друг на друга, друг с другом* и пр.:

*«Полетели наши ребяташики, — подумал Кянукук. — Они откинули спинки кресел и сидят рядом, болтают об антимирах или читают стихи. Наверное, они **подружатся друг с другом**. Возможно, **подружатся** на всю жизнь».* [Василий Аксенов. Пора, мой друг, пора (1963)];

*А тут оба одновременно улыбнулись, и я вижу, что это **близкие друг другу люди*** [Елена Павлова. Вместе мы эту пропасть одолеем! // «Даша», 2004];

Эти парни друг за друга – в огонь и воду! [Светлана Беллендир. Уфа - Луганск. Дорога дружбы // «Бельские просторы», 2018].

В таких случаях можно говорить о том, что в результате паронимического сближения близких по звучанию слов с разным значением актуализуется их этимологическая семантика («этимологическая память концепта»).

Подведем некоторые итоги. Проведенный анализ историко-этимологической составляющей в концептуальном содержании концепта «дружба» позволил выявить его когнитивные признаки, заложенные в представление о дружбе и друге в русской культуре изначально. Это такие когнитивные признаки, как 'спутник, товарищ', 'воин = товарищ по оружию', 'опора, поддержка'. Кроме этого, этимологический анализ выявил наличие культурно значимой концептуальной связи между понятиями «друг» и «другой» (тот, кто не я, т.е. любой человек, потенциально осмысляется как друг). Эта исконная, подкреплённая общностью происхождения связь между словами *друг* и *другой* выступает как уникальная национально-специфичная концептуальная связка в русской языковой картине мира.

Теперь нам необходимо наложить полученные новые когнитивные признаки на выявленное ранее концептуальное содержание обязательных слотов концепта «дружба». В первый слот «**чувство дружбы ↔ отношения дружбы**» мы включаем когнитивные признаки (КП) 1.5 'опора' и 1.6 'поддержка'. Во второй слот «**субъекты дружбы**» мы включаем КП 2.12 'спутник, товарищ', КП 2.13 'воин = товарищ по оружию', КП 2.14 'второй, следующий' и КП 2.15 'кто-то иной, не сам говорящий'. В третий слот «**дружба как процесс**» мы включаем КП 3.7 'поддерживать'.

2.2.3. Концепт «дружба» в русской фразеологии и паремиологии

Анализ фразеологической и паремиологической репрезентации концепта «дружба» является наиболее изученным аспектом в описании данного концепта. Особенности его фразеологической объективации исследуются, в

частности, в работах [Арапова, 2004; Хизова, 2005; Лунцова, 2007]. Паремнологическая репрезентация освещается в исследованиях [Безуглая, 2017; Рахимова, 2018; Бисемалиева, 2020]. В нашем исследовании по данным русской фразеологии и паремнологии, согласно концепции нашего исследования, верифицируется и уточняется набор когнитивных признаков концепта «дружба», полученных на предыдущих этапах анализа, а также оценивается возможность обнаружения новых когнитивных признаков, характерных для бытования слов — репрезентантов этого концепта в фразеологическом фонде русского языка.

Концепт «дружба» по данным русской фразеологии. Фразеологизмы для анализа отбирались по данным русских толковых словарей [БАС-III, 1954; БТСРЯ 2000; МАС-I, 1985; СД-I, 1999] и фразеологических словарей [ФСРЯ, 1968; СОВРЯ, 1995; СРФИЭС, 1998; БФСРЯ, 2006; НФСРЯК, 2009].

Всего нами выявлено порядка 30 фразеологических единиц русского языка, или включающих лексемы *друг, дружба, дружить, дружеский* и пр. в свой состав, или имеющие семантику дружеских отношений на уровне фразеологического значения.

Сначала мы показали, что многие из выявленных ранее когнитивных признаков отражается и в фразеологизмах русского языка. Так, например, в фразеологизмах с лексемой *дружба* отражаются следующие когнитивные признаки компонента «чувство дружбы ↔ отношения дружбы». Фразеологизм *не в службу, а в дружбу* в значении ‘не по обязанности, а из чувства расположения’ [ФСРЯ, 1968; БАС-III, 1954; БТСРЯ, 2000] в общем соответствует выявленному ранее когнитивному признаку ‘1.1. Чувство взаимной расположенности, привязанности людей друг к другу’. Этот же когнитивный признак выражается в следующих устойчивых сочетаниях с компонентом *дружба*: *сделать что-л. из дружбы; сделать что-либо по дружбе; сделать что-либо в знак дружбы* [БТСРЯ, 2000].

Другой аспект данного компонента «отношения дружбы» проявляется в значении таких фразеологизмов, как *завязать дружбу с кем-либо*

‘вступить в дружеские, приятельские отношения’; *водить дружбу с кем-либо* ‘поддерживать дружеские, приятельские отношения’ [БТСРЯ, 2000]. Последний фразеологизм имеет вариант, в который не входит компонент *дружба*: *водить хлеб-соль* (устар.) с тем же значением [ФСРЯ, 1968].

В фразеологических единицах компонент ‘дружба как отношение’ может получать добавочные смысловые характеристики, например, указание на интенсивность этого чувства (крепкая, прочная дружба), на его длительный срок (на всю жизнь) — *дружба до гроба* ‘крепкая дружба на всю жизнь’. Идея прочности, крепости дружеских отношений также выражается в фразеологизме, в котором не используется компонент с корнем *друг-*, но который в образной форме отражает это представление: *не разлей вода* ‘быть неразлучными, очень дружными’ [ФСРЯ, 1968]. Также в ряде фразеологизмов может нейтрализоваться разграничение дружбы как чувства и дружбы как отношения, например, фразеологизм *жить в любви и дружбе* [БТСРЯ, 2000] означает одновременно и ‘испытывать чувство дружбы по отношению друг к другу’ и ‘находиться в отношениях дружбы’.

Ранее было выявлено, что дружба может пониматься и как отношение между народами, странами, государствами, что нашло свое отражение в когнитивном признаке ‘1.3. Дружелюбие, взаимопонимание и т. п. между народами, странами, государствами’. Этот же когнитивный признак выражается и в некоторых фразеологизмах, например, *дружба народов* [ФСРЯ, 1968; БАС-III, 1954; БТСРЯ, 2000], а также *дерево дружбы* ‘символ отношений дружелюбия, взаимопонимания и т. п. между народами, странами, государствами’, *поезда / рейсы дружбы* ‘в СССР: туристические поездки в дружественные страны с какой-л. культурной или общественно-политической целью’ [БТСРЯ, 2000].

Анализ фразеологизмов с компонентом *дружба* позволил выявить и новые когнитивные признаки. Прежде всего это связано с значением устаревшего фразеологизма *Сделай дружбу* ‘устар. Выражение просьбы, с которой обращаются к приятелю или к близкому человеку’ [БАС-III, 1954]. Ре-

альность выделенного когнитивного признака подкрепляется наличием другого фразеологизма, с компонентом друг: *будь другом* 'для выражения усиленной просьбы' [БАС-III, 1954]. Новый когнитивный признак, входящий в обязательный слот I «дружба как чувство и как отношение», можно сформулировать так: 1.7 'Выражение усиленной просьбы, с которой обращаются к приятелю или к близкому человеку'.

Еще один когнитивный признак, подчеркивающий обязательное наличие искренности для чувства дружбы или отношения дружбы, выражается как бы «от противного» в фразеологизме *дружба дружбой, а табачок врозь* 'о неискренних отношениях' [БАС-III, 1954; БТСРЯ, 2000]. Новый когнитивный признак, также входящий в обязательный слот I «дружба как чувство и как отношение», можно сформулировать так: КП 1.8 'Наличие искренности в чувствах или отношениях между людьми'.

Еще одно обязательное условие дружбы — наличие доброй воли, с которой люди вступают в дружеские отношения. Это значение акцентируется «от противного» в фразеологизме, вместо *компонента* дружба использующем компонент *друзья*: *набиваться в друзья* 'напрашиваться, навязываться на дружеские отношения с кем-либо, помимо его воли' [БАС-III, 1954; БТСРЯ, 2000]. Это позволяет нам сформулировать еще один когнитивный признак, также входящий в обязательный слот I «дружба как чувство и как отношение»: КП 1.9 'Наличие взаимной доброй воли в отношениях расположенности, привязанности людей друг к другу'.

Нами также выявлен фразеологизм с ограниченной сферой употребления, который используется применительно к итогу спортивных состязаний, игр и под.: *победила дружба* — говорится о ничейном исходе матча, спортивной встречи, спортивного поединка или состязания, когда ни одна из сторон не получила преимущества, не выиграла, не одержала победы. Идея равенства результатов позволяет нам сформулировать новый когнитивный признак 1.10 'Отсутствие итогового преимущества у соревнующихся, состязающихся в какой-либо сфере сторон'.

Анализ фразеологизмов с компонентом *друг* позволяет верифицировать выявленные ранее когнитивные признаки субъектного компонента концептуального содержания «дружба». Основной когнитивный признак в этом компоненте — это КП 2.1 ‘Лицо, тесно связанное с кем-либо взаимным доверием, преданностью, любовью; близкий человек, верный товарищ’. Во фразеологизмах он, как правило, получает дополнительные смысловые характеристики по признаку интенсивности и долгого срока дружеских отношений, конкретизируя содержание факультативного слота фрейма «дружба» IV «**признак, свойство, качество, характеристика чувства / отношения дружбы**»: *закадычный друг* ‘прост., иногда ирон. или шутл. Близкий, душевный друг, приятель’ [БТСРЯ, 2000]. То же видим и для устойчивых сочетаний *друг детства; друзья до гроба* ‘до конца, до смертного часа’ [БТСРЯ, 2000]. В фразеологизмах этот когнитивный признак часто образно представляется через номинацию частей тела: *рука друга; плечо друга* [БТСРЯ, 2000].

Когнитивный признак 2.3 ‘Приятель’ реализован в фразеологизме, где вместо компонента — слова *дружба* использовано прилагательное *дружеский*: *быть на дружеской ноге* ‘находиться в приятельских, дружеских отношениях’ [ФСРЯ, 1968; БАС-III, 1954; БТСРЯ, 2000]. Когнитивный признак 2.5 ‘Лицо, коллектив, связанные с кем-либо общностью интересов, идей, единством цели’ отражен в фразеологизме *в кругу друзей* (= *в дружеском кругу*) [БАС-III, 1954; БТСРЯ, 2000]. Когнитивный признак 2.6 ‘Домашнее животное как объект чувства привязанности’ отражен в фразеологизме *четвероногий друг* [БТСРЯ, 2000]. Когнитивный признак 2.7 ‘Постоянный посетитель дома, семьи’ отражен в фразеологизме *друг дома* ‘частый гость, пользующийся симпатией и доверием всего семейства’ [11]. Когнитивный признак 2.8 ‘Любовник хозяйки дома (ирон.)’ отражен в фразеологизме *друг дома* ‘о любовнике хозяйки дома’ [БАС-III, 1954]. Когнитивный признак 2.9. ‘Обращение к кому-л., с целью подчеркнуть хорошее отношение’ отражен в фразеологизме *друг ситный* ‘прост., пренебр. Форма шутливо непринуждённого, фамильярного обращения к кому либо’ [ФСРЯ, 1968; БАС-III, 1954].

Также во фразеологизмах выражается когнитивный признак, выявленный в результате анализа этимологических данных — это КП 2.13 ‘воин = товарищ по оружию’. Он выражается во фразеологизме *друзья по оружию*, который изначально означал буквально ‘соратники, те, кто вместе воевал против общего врага’, а потом стал употребляться в переносном смысле, расширительно, применительно к любой ситуации взаимного сотрудничества. Расширенное значение данного фразеологизма позволяет сформулировать новый когнитивный признак, развивающий общую идею о товариществе, о сотрудничестве в каком-либо деле, — это КП 2.16 ‘Напарник, тесно сотрудничающий с кем-либо для достижения общей цели, в какой-либо сфере общей деятельности’.

Еще один новый когнитивный признак отражен в фразеологизме *друзья по несчастью* ‘разг., ирон. тот, кто вместе с кем-либо связан общим несчастьем, общей бедой, попал в одну и ту же неблагоприятную ситуацию, неприятное положение’ [БТСРЯ, 2000]. Этот новый когнитивный признак можно сформулировать следующим образом — КП 2.17 ‘Тот, кто вместе с кем-либо попал в одну и ту же ситуацию, оказался связанным общностью условий существования или результатов деятельности, как правило, неблагоприятных’.

Процессуальный компонент концептуального содержания «дружба», в норме выражаемый глаголами *дружить* / *дружиться* в русской фразеологии выражается в основном образованиями на базе рассмотренных выше субстантивных фразеологизмов с компонентами *дружба* и *друг*. Ср., например: *друг дома* → *дружить домами*; *дружба до гроба* → *друг до гроба* → *дружить до гроба* [ФСРЯ, 1968; БАС-III, 1954; БТСРЯ, 2000]. В основном они выражают следующие, выявленные ранее когнитивные признаки — КП 3.1 ‘Быть, находиться в отношениях взаимной расположенности, приязни’ и КП 3.2 ‘Вступать в отношения взаимной расположенности, приязни’.

Возможность выявления нового процессуального когнитивного признака связана с переносно-метафорической семантикой фразеологизма *не*

дружить с головой 'быть ненормальным, сумасшедшим'. Наличие данного фразеологизма позволяет нам рассматривать глагола *дружить* как выразителя идеи нормального, правильного функционирования чего-либо, когда работа всех частей, компонентов согласована между собой. Новый когнитивный признак можно сформулировать так — КП 3.8 'Функционировать согласованно, имея правильную связь между компонентами чего-либо в составе целого'.

Концепт «дружба» по данным русской паремиологии. Разные аспекты воплощения концепта «дружба» в русских пословицах и поговорках, как уже было отмечено выше, широко представлены в научной литературе.

В словаре «Базовые ценности носителей русской культуры» (2019), составленном сотрудниками Института языкознания РАН, обобщаются данные по анализу пословиц и поговорок о дружбе. С точки зрения составителей словаря, значимыми для паремиологического фонда русского языка являются следующие ценности дружбы: преданность (*Лучше друг верный, чем камень драгоценный; Друг денег дороже: друг другу терем строит, а недруг — гроб тешет*); ценность друзей (*Легче друга потерять, чем найти; Дружба не гриб — в лесу не найдешь*); поддержка (*С милым другом и под забором рай; Друзья и в тесной избе поместятся*); взаимовыручка (*Друг познаётся в беде; Друга в верности без беды не узнаешь*); надежность (*Старый друг лучше новых двух. Друга узнать — вместе пуд соли съесть*); бескорыстность (*Для милого (доброего) друга и вола с плуга. Для друга всё не туго*); ответственность (*Кто друга в беде покидает, тот сам в беду попадает; Что другу нальешь, то сам и выпьешь*); негативно-ироническое отношение к ненастоящей дружбе (*Дружба в обед, а как скатерть со стола — и дружба сплыла*) [БЦНРК, 2019, с. 157].

Нетрудно видеть, что данные этого словаря в целом повторяют основные когнитивные признаки концепта «дружба», выявленные нами на предыдущих этапах анализа. Наш собственный анализ материала пословиц преследует и дополнительную цель — не просто выявить какие-либо когнитивные

признаки, но соотнести их с общим смысловым наполнением концепта и по возможности установить новые когнитивные признаки, не обнаруженные нами ранее.

Пословицы и поговорки отбирались по данным известного сборника В.И. Даля «Пословицы русского народа» [ПРН, 2000], лингвострановедческого словаря «Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения» В.П. Фелицыной и Ю.Е. Прохорова [РППКВ, 1979], большого словаря русских поговорок» В.М. Мокиенко и Т.Г. Никитиной [БСРП, 2008] и собственного интернет-мониторинга автора [ИМ].

Всего нами выявлено более 300 пословиц и поговорок русского языка, или включающих лексемы *друг, дружба, дружить, дружеский* и пр. в свой состав, или имеющие семантику дружеских отношений на уровне совокупного смысла устойчивого выражения — пословицы или поговорки, но не включающие слова с корнем *друг-* / *друж-* в свой состав.

Практически все выявленные на предыдущих этапах анализа когнитивные признаки получают свою верификацию на материале русских пословиц и поговорок, пусть и выражены эти признаки в паремиях несколько особым способом, в образной или экспрессивной форме.

С одной стороны, в них отражены исторические события, обычаи и традиции русской жизни, содержатся сведения об общественном устройстве и производственных отношениях, о быте, обрядах, праздниках, о самых разных сторонах русской жизни. С другой стороны, в пословицах и поговорках в сжатой форме представлена народная мудрость, выражена система ценностей и отношений, поведенческие стереотипы и установки, принципы народной морали и нравственности.

В I смысловом компоненте «чувство дружбы ↔ отношения дружбы» нашли свое подтверждение следующие когнитивные признаки:

1.1 'Чувство взаимной расположенности, привязанности людей друг к другу':

Человек без дружбы, что дерево без корня;

В дружбе правда;

Дружбу помни, а злобу забывай;

Дружба да братство дороже всякого богатства;

Без дружбы нет счастья;

1.2 'Отношения между кем-л., основанные на чувстве взаимной привязанности, духовной близости, общности интересов и т. п.':

Крепкую дружбу и топором не разрубишь;

Какову дружбу заведешь, такову и жизнь поведешь;

Дружба дороже денег;

Кто дружбу водит, тот счастье находит;

Счет дружбе не помеха;

Счет дружбы не портит;

Дружба дружбой, а денежкам счет;

Дружба дружбой, а в карман (а в горюх) не лезь;

Дружба дружбой, а служба службой;

По службе нет дружбы;

1.3 'Дружелюбие, взаимопонимание и т. п. между народами, странами, государствами (= дружба народов)':

Потому хорошо живется, что дружба народов в нашей стране ведется;

Народная дружба и братство дороже всякого богатства;

Кому дружба народов дорога, тот бьет врага;

Дружба народов увеличивает их силу;

1.5 'опора':

Дружба крепка не лестью, а правдой и честью;

Отец — наставник, брат — опора, а друг — и то, и другое;

1.6 'поддержка':

С милым другом и горе пополам разгорюешь;

Друзья и в тесной избе поместятся;

С милым другом и под забором рай;

1.8 'Наличие искренности в чувствах или отношениях между людьми':

Дружба крепка не лестью, а правдой и честью;

Жить в дружбе можно, когда она не ложна;

Не та дружба сильна, что в словах заведена, а та, что делом скреплена;

Рожь да пшеница годом родится, а верный друг всегда пригодится;

1.9 'Наличие взаимной доброй воли в отношениях расположенности, привязанности людей друг к другу':

За дружбу дружбой платят;

Хочешь дружбы, будь другом.

Не нашли подтверждения в пословицах когнитивный признак 1.4. 'Доброжелательные отношения друг к другу человека и животного', а также КП 1.7 'Выражение усиленной просьбы, с которой обращаются к приятелю или к близкому человеку', КП 1.10 'Отсутствие итогового преимущества у соревнующихся, состязающихся в какой-либо сфере сторон'

Во II смысловом, субъектном, компоненте нашли свое подтверждение следующие когнитивные признаки:

2.1. 'Лицо, тесно связанное с кем-либо взаимным доверием, преданностью, любовью; близкий человек, верный товарищ':

Не мил и свет, когда друга нет;

Не имей сто рублей, а имей сто друзей;

Старый друг лучше новых двух;

Друзьям и в одной могиле не тесно;

Больше той любви не бывает, как друг за друга умирают;

Над другом посмеялся, над собою поплачешь;

Делай другу добро, да себе б без беды;

Любить себя — любить друга;

Скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты;

Не пожелай другу, чего себе не желаешь;

2.2. 'Любимый человек, возлюбленный':

*Ради милого **дружка** и сережка из ушка;*

*Лучшая подруженька уведет **дружка**;*

*Три **друга**: отец, мать да верная жена;*

2.3. 'Приятель':

*Бой красен мужеством, а **приятель** дружеством;*

*И много **друзей**, да нет **дружка**;*

***Друзей**-то много, да **друга** ни одного;*

*Был бы **друг**, будет и досуг;*

*Был бы **друг**, а время будет (видаться);*

2.6. 'Домашнее животное как объект чувства привязанности':

*Собака — **друг** человека.*

2.12 'Спутник, товарищ':

*Свой своему поневоле **друг**;*

Сам пропадай, а товарища выручай;

2.13 'Воин = товарищ по оружию':

***Дружба** солдатская крепче каменных стен;*

***Друг за друга** стой и выиграешь бой;*

2.16 'Напарник, тесно сотрудничающий с кем-либо для достижения общей цели, в какой-либо сфере общей деятельности':

***Дружные** сороки и гуся съедят, **дружные** чайки и ястреба забьют;*

Все за одного, а один за всех, тогда и в деле будет успех;

2.17 'Тот, кто вместе с кем-либо попал в одну и ту же ситуацию, оказался связанным общностью условий существования или результатов деятельности, как правило, неблагоприятных (= *друзья по несчастью*)':

*Не бросай **друга** в несчастье;*

***Друг** познается в несчастье / в беде;*

*Без беды **друга** не узнаешь.*

Не нашли своего отражения в русских пословицах когнитивные признаки — КП 2.4 'Сторонник, защитник, приверженец чего-л. или кого-л. (*Друг истины, свободы и т.п.*)'; КП 2.5 'Лицо, коллектив, связанные с кем-

либо общностью интересов, идей, единством цели'; КП 2.7 'Постоянный посетитель дома, семьи'; КП 2.8 'Любовник хозяйки дома (*ирон.*)'; КП 2.9 'Обращение к кому-л., с целью подчеркнуть хорошее отношение'; КП 2.10 'Обращение к чужому, незнакомому человеку (*разг., фамильярн.*)'; КП 2.11 'То, что способствует нормальной деятельности человека (о неодушевленном явлении, объекте) (*перен., разг.*)'. ', КП 2.14 'второй, следующий' и КП 2.15 'кто-то иной, не сам говорящий'.

В III смысловом, процессуальном, компоненте нашли свое подтверждение следующие когнитивные признаки:

3.1. 'Быть, находиться в отношениях взаимной расположенности, приязни':

*Давай **дружить** — то я к тебе (обедать), то ты меня к себе (зови)!;*

3.2. 'Вступать в отношения взаимной расположенности, приязни':

*Легко **подружиться**, тяжело разлучиться;*

***Дружиться дружись**, а за саблю держись;*

*С водою, с ветром да с огнем не **дружись!** не верь им, не плошись;*

*С ним (с медведем) **дружись**, а за топор держись;*

3.4. 'Делать друзьями кого-либо; соединять, с вин. пад. (*устар.*)':

*Нас **дружат** согласные понятия и мысли;*

*Нужда **дружит** и собаку с кошкой;*

3.5. 'Примиряться (*устар.*)':

*На что с тем **дружиться**, кто охоч браниться;*

3.6. 'Покровительствовать, помогать, с дат. пад. (*устар.*)':

*Кому счастье **дружит**, тому и люди;*

***Другу не дружить**, недругу не мстить.*

Не обнаружен в русских пословицах когнитивный признак 3.3 'Испытывать любовь, иметь склонность, пристрастие к чему-л. (*разг.; перен.*)', КП 3.7 'поддерживать'.

Поскольку в пословицах ярко выражены именно экспрессивно-оценочные смыслы, новые когнитивные признаки связаны с воплощением

иронически-сниженной оценки ситуации дружбы как не соответствующей норме в каком-то отношении (как неправильной, ненастоящей дружбы). Применительно к слоту I «**чувство дружбы ↔ отношения дружбы**» эти признаки можно сформулировать следующим образом:

- КП 1.11 'Неискреннее, ненастоящее чувство расположенности, привязанности (*негат.-оцен., ирон.*)':

Дружба как стекло: разобьешь — не сложишь;

Дружбу дружи, а камень за пазухой держи;

Дружба дружбе рознь, а иную хоть брось;

- КП 1.12 'Неискренние, ненастоящие отношения между кем-л., основанные на чувстве взаимной привязанности, духовной близости, общности интересов (*негат.-оцен., ирон.*)':

Жить в дружбе можно, когда она не ложна;

Дружба в обед, а как скатерть со стола — и дружба сплыла;

Дружба дружбой, а табачок врозь!

Применительно к слоту II «**субъекты дружбы**» можно сформулировать КП 2.18 'ненастоящий, мнимый, не выдержавший проверки близкий человек, верный товарищ (*негат.-оцен., ирон.*)':

Друзья — до черного дня;

Друг до поры — тот же недруг;

Кто скуп да жаден, тот в дружбе неладен.

По итогам исследования в разделе 2.2 мы можем сформировать уточненное и дополненное совокупное семантическое наполнение концепта-фрейма «дружба»:

I. Слот «чувство дружбы ↔ отношения дружбы»:

1.1. Чувство взаимной расположенности, привязанности людей друг к другу;

1.2. Отношения между кем-л., основанные на чувстве взаимной привязанности, духовной близости, общности интересов и т. п.;

- 1.3. Дружелюбие, взаимопонимание и т. п. между народами, странами, государствами (= *дружба народов*);
- 1.4. Доброжелательные отношения друг к другу человека и животного;
- 1.5. Опора;
- 1.6. Поддержка;
- 1.7. Выражение усиленной просьбы, с которой обращаются к приятелю или к близкому человеку;
- 1.8. Наличие искренности в чувствах или отношениях между людьми.
- 1.9. Наличие взаимной доброй воли в отношениях расположенности, привязанности людей друг к другу;
- 1.10. Отсутствие итогового преимущества у соревнующихся, состязающихся в какой-либо сфере сторон;
- 1.11. Неискреннее, ненастоящее чувство расположенности, привязанности (*негат.-оцен., ирон.*);
- 1.12. Неискренние, ненастоящие отношения между кем-л., основанные на чувстве взаимной привязанности, духовной близости, общности интересов (*негат.-оцен., ирон.*).

II. Слот «субъекты дружбы»:

- 2.1. Лицо, тесно связанное с кем-либо взаимным доверием, преданностью, любовью; близкий человек, верный товарищ;
- 2.2. Любимый человек, возлюбленный;
- 2.3. Приятель;
- 2.4. Сторонник, защитник, приверженец чего-л. или кого-л. (*Друг истины, свободы и т.п.*)
- 2.5. Лицо, коллектив, связанные с кем-либо общностью интересов, идей, единством цели;
- 2.6. Домашнее животное как объект чувства привязанности
- 2.7. Постоянный посетитель дома, семьи
- 2.8. Любовник хозяйки дома (*ирон.*);
- 2.9. Обращение к кому-л., с целью подчеркнуть хорошее отношение;

- 2.10. Обращение к чужому, незнакомому человеку (*разг., фамильярн.*);
- 2.11. То, что способствует нормальной деятельности человека (о неодушевленном явлении, объекте) (*перен., разг.*);
- 2.12. Спутник, товарищ;
- 2.13. Воин = товарищ по оружию;
- 2.14. Второй, следующий;
- 2.15. Кто-то иной, не сам говорящий;
- 2.16. Напарник, тесно сотрудничающий с кем-либо для достижения общей цели, в какой-либо сфере общей деятельности;
- 2.17. Тот, кто вместе с кем-либо попал в одну и ту же ситуацию, оказался связанным общностью условий существования или результатов деятельности, как правило, неблагоприятных;
- 2.18. Ненастоящий, мнимый, не выдержавший проверки близкий человек, верный товарищ (*негат.-оцен., ирон.*)

III. Слот «дружба как процесс»:

- 3.1. Быть, находиться в отношениях взаимной расположенности, приязни;
- 3.2. Вступать в отношения взаимной расположенности, приязни;
- 3.3. Испытывать любовь, иметь склонность, пристрастие к чему-л. (*разг.; перен.*);
- 3.4. Делать друзьями кого-либо; соединять (*устар.*);
- 3.5. Примиряться (*устар.*);
- 3.6. Покровительствовать, помогать (*устар.*).
- 3.7. Поддерживать;
- 3.8. Функционировать согласованно, имея правильную связь между компонентами чего-либо в составе целого.

Таким образом, на данном этапе анализа совокупный смысловой объем составил уже 38 когнитивных признаков (соответственно, компонент «чувство дружбы ↔ отношения дружбы» — 12 КП, субъектный компонент — 18 КП, процессуальный компонент — 8 КП).

2.3. Языковая репрезентация концепта «дружба»

На данном этапе описания концепта «дружба», в соответствии с концепцией исследования, последовательно рассматриваются словообразовательные, парадигматические и синтагматические связи и отношения между словами — репрезентантами анализируемого концепта.

2.3.1. Словообразовательные особенности языковой объективации концепта «дружба»

Описание деривационных особенностей языковой объективации концепта, по замыслу исследования, заключается в анализе семантики производных слов, входящих в словообразовательное гнездо с вершиной *друг*. Это позволит уточнить набор выявленных ранее когнитивных признаков.

Словообразовательное гнездо с вершиной *друг* формируется в работе по данным «Словообразовательного словаря русского языка» А.Н. Тихонова [ССРЯ-I, 1985] и дополняется дериватами внелитературного характера из «Большого словаря русской разговорной экспрессивной речи» В.В. Химика [БСРРЭР, 2004]. Семантика дериватов толкуется по данным семнадцатитомного «Словаря современного русского литературного языка» [БАС-III, 1954; БАС-IV, 1955; БАС-VII, 1958; БАС-IX, 1959; БАС-X, 1960; БАС-XII, 1961; БАС-XIII, 1962; БАС-XIV, 1963; БАС-XVI, 1964]. Значение словообразовательных моделей приводится по «Русской грамматике» [Русская грамматика-I, 1980]. Для удобства восприятия словообразовательное гнездо представлено в графической форме на **Схеме 2.1**.

Гнездо с вершиной *друг* в современном русском языке включает 53 слова (52 деривата разной степени производности, с учетом словообразовательной омонимии, обозначенной на схеме надстрочными индексами 1 и 2).

Это говорит о том, что данное словообразовательное гнездо характеризуется разветвленной структурой с богатыми и разнообразными словообразовательными связями. Этот факт, в свою очередь, согласно А. Вежбицкой, является объективным свидетельством «культурной разработанности» представления о дружбе в русском языковом сознании, его культурной отмеченности, значимости для русских людей [Вежбицкая, 2001].

ДРУГ	→ друж-ок	→ дружоч-ек	
	→ друж-ищ-е		
	→ друж-е		
	→ не-друг		
	→ по-друг-а	→ подруж-к-а	
		→ подруж-еньк-а	
	→ со-друж-еств-о		
	→ друж-н-ый	→ друж-н-о	→ не-дружно ¹
		→ не-дружный	→ недружн-о ²
		→ дружн-ость	
	→ друж-еск-ий	→ по-дружеск-и	
		→ не-дружеск-ий	
	→ дружеств-енн-ый	→ дружественн-о	
		→ дружествен-ность	
		→ не-дружественн-ый	
	→ друж-и-ть	→ дружить-ся	→ по-дружиться ¹
		→ друж-б-а	
		→ по-дружить	→ подружить-ся ²
		→ с-дружить-ся ¹	
		→ за-дружить	→ задружить-ся
		→ пере-дружить	→ передружить-ся
		→ при-дружить	
		→ раз-дружить	→ раздружить-ся
		→ с-дружить	→ сдружить-ся ²
		→ у-дружить	
	→ друж-е-любн-ый	→ дружелюбн-о	→ не-дружелюбно ¹
		→ не-дружелюбн-ый	→ недружелюбн-о ²
			→ недружелюб-иј-е ¹
		→ дружелюб-иј-е	→ не-дружелюбије ²
	→ друж-еств-о (устар.)		
	→ друж-к-а (устар.)		
	→ по-друж-иј-е (устар.)		
	НЕОБЩЕУПОТРЕБИТЕЛЬНЫЕ ДЕРИВАТЫ:		
	→ друж-бан (простор.)		
	→ друг-ан (простор.)		

Схема 2.1.

Словообразовательное гнездо с вершиной *друг* в русском языке

В словообразовательном гнезде представлены слова разных знаменательных частей речи — существительные, глаголы, прилагательные и наречия. Далее в работе приводится концептуальный анализ основных дериватов с целью уточнения и возможного расширения числа выявленных на предыдущем этапе исследования когнитивных признаков концепта «дружба».

Концептуальный анализ субстантивных дериватов. Субстантивные дериваты в основном уточняют содержание таких, выявленных ранее концептуальных блоков (слов) в смысловом наполнении концепта «дружба», как I «дружба как чувство и отношение» и II «субъект дружбы».

Концептуальный блок I «дружба как чувство и отношение» представлен следующими дериватами. Это устаревшее слово *дружество*: «То же, что дружба» [БАС-III], которое соответствует выявленным ранее КП 1.1. 'Чувство взаимной расположенности, привязанности людей друг к другу' и 1.2. 'Отношения между кем-л., основанные на чувстве взаимной привязанности, духовной близости, общности интересов и т. п.'. Наличие устаревшего антонимического деривата *недружество* 'Устар. Нерасположение, нелюбовь, неприязнь» [БАС-X, 1960] — также подтверждает реальность данных когнитивных признаков.

Дериват *содружество* имеет два значения. В первом значении 'Взаимная дружба, дружеское единение' [БАС-XIV, 1963] это слово также соответствует выявленным ранее КП 1.1 и КП.1.2. Однако значение 2 'Объединение кого-либо, основанное на дружбе, единстве взглядов, интересов' [БАС-XIV, 1963] позволяет выделить этот смысловой компонент как новый когнитивный признак, который можно сформулировать так — **КП 1.13 'Объединение кого-либо, основанное на дружбе, единстве взглядов, интересов; сотрудничество'.**

Еще один новый когнитивный признак связан с семантикой деривата *дружелюбие*: 'Приветливое, доброжелательное отношение к кому-либо' [БАС-III, 1954]. Это значение представляется более широким, чем базовое значение лексемы *дружба*, потому что предполагает наличие добрых чувств

к людям, не обязательно связанным дружескими отношениями с субъектом этого отношения. Имеется в виду особый тип этически окрашенного отношения к действительности — национально обусловленная установка на наличие добрых чувств к миру вообще, которая является одной из ключевых идей русской языковой картины мира [Вежбицкая, 2001; Зализняк и др., 2005]. Реальность данного когнитивного признака для русской языковой картины мира подтверждает и наличие антонимического производного слова — *недружелюбие*: «Неприятное отношение, нерасположение к кому либо» [ССР-ЛЯ-Х, 1960, стлб. 858]. Таким образом, сформулируем **КП 1.14 'Приветливое, доброжелательное отношение к кому-либо'**.

Значительно большей разработанностью отличается фрагмент словообразовательного гнезда, отвечающий за воплощение концептуального блока II «субъект дружбы». Определенные смысловые параллели с представлением о друге воплощает антонимическое производное слово *недруг*: «1. Человек, враждебно, неприятно относящийся к кому-либо; враг; 2. *Народно-поэт*. Неприятель, противник в военных действиях» [БАС-VII, 1958]. Здесь можно видеть отражение таких выявленных ранее когнитивных признаков, как КП 2.1 'Лицо, тесно связанное с кем-либо взаимным доверием, преданностью, любовью; близкий человек, верный товарищ' и КП 2.3 'Приятель', а также КП 2.13, обнаруженный на стадии историко-этимологического анализа — 'воин = товарищ по оружию' [Ару, 2020, с. 80].

Далее следует отметить наличие эмоционально окрашенных дериватов от слова *друг*, отражающих оценочный компонент концептуального содержания субъектного компонента концепта «дружба». Это прежде всего дериват *дружок* в двух значениях: «1. *ласкат.* к слову *друг*; 2. *просторечн.* Возлюбленный, милый» [БАС-III, 1954]. Здесь можно видеть соответствие таким выявленным ранее когнитивным признакам, как 2.1. 'Лицо, тесно связанное с кем-либо взаимным доверием, преданностью, любовью; близкий человек, верный товарищ' и 2.2. 'Любимый человек, возлюбленный'. Отражение особого типа отношения к объекту дружбы — эмпатии [Вежбицкая, 2001; Рус-

ский язык, 2014] выражается в образовании еще одного диминутива — *дружочек* ‘разг., ласкат. к дружок’ [БАС-III, 1954].

Устаревшая застывшая форма звательного падежа *друже* [БАС-III, 1954] также отмечается как экспрессивно-окрашенная, уважительная (в ряде контекстов – ироническая). Однако эта форма тяготеет все же к выражению когнитивного признака 2.3 ‘Приятель’, а также 2.9 ‘Обращение к кому-л., с целью подчеркнуть хорошее отношение’ и 2.10 ‘Обращение к чужому, незнакомому человеку (разг., фамильярн.)’. КП 2.9 и 2.10 воплощаются и в деривате *дружище* ‘Разг. Дружеское обращение к кому-л., фамильярное обращение к другу’ [БАС-III, 1954].

Внелитературные варианты молодежного жаргона *друган* ‘Жарг. Друг, приятель, знакомый человек’ и *дружбан* ‘Шутл.-фамил. Жарг. = друган’ [БСРРЭР, 2004, с. 154] — также отражают эмоционально-экспрессивную реализацию КП 2.1. ‘Лицо, тесно связанное с кем-либо взаимным доверием, преданностью, любовью; близкий человек, верный товарищ’, КП 2.3 ‘Приятель’, КП 2.9 ‘Обращение к кому-л., с целью подчеркнуть хорошее отношение’ и КП 2.10 ‘Обращение к чужому, незнакомому человеку (разг., фамильярн.)’.

Коррелят в женском роде *подруга* в принципе воплощает уже указанные выше компоненты смысла, но, в сравнении с *друг*, имеет более узкое значение: ‘Девочка, девушка или женщина, находящаяся в дружбе с кем-либо’ [БАС-X, 1960]. Также в словаре отмечается значение, определяющее временные пределы — *подруга детства, юности* и пр. Диминутивы *подружка* ‘Разг., ласк. к подруга’ и *подруженька* ‘Разг., ласк. к подруга, подружка’ имеют то же значение [БАС-X, 1960], но при этом сопровождаются эмоционально-экспрессивными оттенками смысла. В устойчивом выражении — коллокации *подруга жизни* в значении ‘о жене’ [БАС-X, 1960] можно видеть новый когнитивный признак ‘супруг (как правило, применительно к женскому полу)’. Возможность для коррелята женского пола обозначать супругу подчеркивается и наличием в русском языке устаревшего слова *по-*

дружие ‘Устар. Жена; возлюбленная’ [БАС-Х, 1960]. Отметим, что коррелят в мужском роде *друг*, в отличие от *подруга*, в русском языке не может обозначать субъект супружеских отношений (*друг* — всегда обозначение неофициального типа отношений).

Еще выявлено устаревшее и диалектное слово *дружка*, которое в одном из значений толкуется как ‘Устар. и обл. друг, подруга; пара’ [БАС-III, 1954]. В этом значении слово расширяет сочетаемость выявленного ранее значения ‘супруга’, потому что может употребляться и по отношению к животным, что видно из иллюстрации к толкованию: *Между тем, селезни, покинутые своими утками, долго держатся около тех луж: и озерков, где потеряли своих дружек*. С. Акс. Зап. руж. охотн [БАС-III, 1954].

Новый когнитивный признак концепта «дружба», не выявленный ранее при анализе лексикографических источников, воплощается во втором значении слова *дружка* ‘Один из одинаковых парных предметов’ [БАС-III, 1954]. В целях нашего исследования в этой словарной статье важно указание на возможность распространительного употребления данного слова в метафорических контекстах: *Хоть эта книжка писана и прозою, тем не менее она составляет решительную дружку к стихотворениям г. Молчанова*. Бел. «Супр. истина» [там же, стлб. 1133], т.е. второй предмет, который дополняет первый, исходный предмет в каком-либо отношении до единого целого, т.е. составляет с ним пару. Отметим, что указание на парность как значимый смысл концептуальной составляющей «субъект дружбы», возможно, связано с этимологической связью *друг* и *другой*, которая была нами рассмотрена на предыдущих этапах анализа. Имеются в виду когнитивные признаки КП 2.14 ‘Второй, следующий’ и КП 2.15 ‘Кто-то иной, не сам говорящий’, установленные при анализе значений местоимения-существительного *другой*.

Кстати, отметим еще одно диалектное значение этого слова: «Обл. Одно из лиц народного свадебного обряда, распорядитель на свадьбе со стороны жениха» [БАС-III, 1954]. Однако слово *дружка* в этом значении имеет в

словаре отдельную словарную статью, а значит, должно рассматриваться как омоним.

Концептуальный анализ глагольных дериватов. Глагольные дериваты воплощают выявленные ранее когнитивные признаки, формирующие концептуальный блок (слот) III «дружба как процесс» и выражают разные аспекты процесса дружбы или состояния. Это разнообразные приставочные, суффиксальные и постфиксальные слова, которые в целом отражают соответствующие словообразовательные модели для данных способов словообразования [Русская грамматика-I, 1980]:

- *Подружить*: «1. *Перех.* Сделать друзьями, сблизить, сдружить. 2. *Неперех. Разг.* Дружить некоторое время. *Подружить* недолго. 3. *Неперех. Разг.* Начать дружить; подружиться с кем-либо» [БАС-X, 1960]; ср. также — *подружиться*: «*Сов.* Сделаться, стать друзьями; завязать дружбу [БАС-X, 1960];

- *Задружить*: «*Неперех. Простореч.* То же, что подружиться [БАС-IV, 1955], т.е. начать дружить, в соответствии с данной словообразовательной моделью [РГ-I, 1980];

- *Передружить*: «*Разг.* Подружить многих, всех или со многими, со всеми» [БАС-IX, 1959];

- *Сдружать (сдружить)*: «Делать друзьями» [БАС-XIII, 1962];

- *Раздружить*: «*Разг.* Прервать, прекратить чью-либо дружбу» [БАС-XII, 1961]. Ср. также возвратный вариант — *раздружиться*: *Разг.* Прервать, прекратить свою дружбу с кем-либо» [БАС-XII, 1961].

Указанные выше глаголы соответствуют выявленным ранее когнитивным признакам 3.1 'Быть, находиться в отношениях взаимной расположенности, приязни' и 3.2 'Вступать в отношения взаимной расположенности, приязни'.

Метафорический когнитивный признак 3.3 'Испытывать любовь, иметь склонность, пристрастие к чему-л., любить заниматься ч.-л. (*разг.; перен.*)' выражается в переносных употреблениях следующих глагольных дериватов:

- *Сдружаться (сдружиться)*: «Разг. Примиряться, свыкаться с чем-либо, приникать к чему-либо» [БАС-ХІІІ, 1962];

- *Раздружить*: «Перен. Заставить потерять расположение к чему-либо, перестать заниматься чем-либо» [БАС-ХІІ, 1961] — и *раздружиться*: «Перен. Потерять расположение к чему-либо, перестать заниматься чем-либо. Раздружиться с книгами [БАС-ХІІ, 1961].

Новый когнитивный признак, не отмеченный на предыдущих стадиях исследования, на наш взгляд, выражается в таком деривате, как *удружить*: «Разг. Оказать дружескую услугу, услужить» [БАС-ХVІ, 1964]. Данный перенос значения стал возможным на базе когнитивной схемы 'поступить как друг / повести себя как друг'.

Концептуальный анализ адъективных и наречных дериватов. Анализ производных слов — прилагательных и наречий — позволил поставить вопрос о семантическом заполнении необязательного, факультативного слота ІV «**признак, свойство, качество, характеристика дружбы как чувства / отношения**», наличие которого было постулировано при анализе экстралингвистического содержания концепта, в разделе 2.1 данной главы, который отвечает за признаковую составляющую в совокупном смысловом наполнении концепта «дружба». Этот слот заполняют смыслы, связанные с качествами, признаками, свойствами характеристиками отношения дружбы, со степенью его проявления. Набор концептуальных признаков, формирующих этот блок, зависит от особенностей семантики производных прилагательных и образованных от них наречий.

Качественное прилагательное *дружный* имеет следующие значения: «1. Связанный взаимным расположением, дружбой; приятельский, товарищеский; сплоченный. // Находящийся в дружеских, приятельских отношениях с кем-либо (для краткой формы *дружен*, -а, -ы). 2. Происходящий одновременно; единодушный, согласный» [БАС-ІІІ, 1954]. Примерно те же значения приводятся для качественного наречия *дружно*: «1. По-приятельски, в согласии. 2. Одновременно, согласованно; вместе» [БАС-ІІІ, 1954]. Антони-

мический дериват *недружный* по своей семантике в целом соответствует указанному выше набору значений: «1. Не расположенный к дружбе, взаимному согласию. *Недружная семья*. // Сопровождающийся взаимным несогласием, неприязнью. *Недружная жизнь*. 2. Происходящий, совершаемый одновременно, несогласно» [БАС-VII, 1958]. То же — для наречия *недружно*.

Таким образом, на этом этапе анализа мы можем сформулировать некоторые когнитивные признаки для IV признакового компонента концептуального содержания «дружба»: КП 4.1 'Связанный взаимным расположением, дружбой; приятельский, товарищеский'; КП 4.2 'Сплоченный'; КП 4.3 'Находящийся в дружеских, приятельских отношениях с кем-либо'; КП 4.4 '*Перен.* Происходящий одновременно'; КП 4.5 '*Перен.* Единодушный, согласный'. Данный набор когнитивных признаков характеризует такую сторону концепта «дружба», как **«дружба как отношение»**.

Прилагательное *дружеский* имеет следующие значения: «1. Относящийся к другу, друзьям, принадлежащий им. 2. Основанный на взаимном расположении, дружбе; приятельский, товарищеский; свойственный друзьям» [БАС-III, 1954]. Аналогичные значения можно видеть у наречий *дружески, по-дружески*: «По-приятельски, как друг, друзья» [БАС-III, 1954]. Антонимические соответствия демонстрируют примерно схожий круг смыслов — *недружеский*: «Неприязненный, недружелюбный» [БАС-VII, 1958].

Если второе значение прилагательного *дружеский* синонимично первому значению качественного прилагательного *дружный*, то его первое значение связано с его лексико-грамматическим разрядом — относительно-притяжательное. Оно позволяет сформировать новый КП 4.6 'Относящийся к другу, друзьям, принадлежащий им'. Данный КП тоже характеризует такую сторону концепта «дружба», как **«дружба как отношение»**.

Прилагательное *дружественный* тяготеет к отображению такого выявленного ранее когнитивного признака, как 1.3 'Дружелюбие, взаимопонимание и т. п. между народами, странами, государствами (= *дружба народов*)', что видно из его толкования в первом значении (во втором значении прила-

гательное синонимично первому значению для *дружный* и второму — для *дружеский*): «1. Основанный на дружбе, выражающий дружбу; взаимно-благожелательный (преимущественно о государствах и отношениях между ними). 2. Свойственный друзьям; дружелюбный, приятельский» [БАС-III, 1954]. То же отмечается в словаре для субстантивного деривата *дружественность* и для наречного производного слова *дружественно* [БАС-III, 1954], а также для антонимических соответствий *недружественный* и *недружественно* [БАС-VII, 1958].

Анализ позволяет выявить еще один КП 4.7 ‘Основанный на дружбе, выражающий дружбу; взаимно-благожелательный (преимущественно о государствах и отношениях между ними)’, тоже характеризующий такую сторону концепта «дружба», как **«дружба как отношение»**.

Прилагательное *дружелюбный* имеет следующие значения: «Проникнутый дружелюбием, основанный на дружелюбии; доброжелательный» [БАС-III, 1954]. Для образованного от него наречия словарь указывает значение ‘доброжелательно’. Примерно те же значения отражены «от противного» в толковании антонимического деривата *недружелюбный*: «Неприятно настроенный, недоброжелательно относящийся к кому-либо. // Выражающий недружелюбие, неприязнь» [БАС-VII, 1958]. То же отмечается и для наречия *недружелюбно*.

Анализ данных толкований позволяет сформулировать еще два когнитивных признака: КП 4.8 ‘Проникнутый дружелюбием, основанный на дружелюбии’ и КП 4.9 ‘доброжелательный’. Данный набор когнитивных признаков характеризует уже другую сторону концепта «дружба» — **«дружба как чувство»**.

В целом проведенный анализ словообразовательной репрезентации концепта «дружба» в русской языковой картине мира выявил существенный ценностный потенциал концепта: это выражается в наличии дериватов, отражающих разнообразные типы эмоционально-экспрессивной и стилистиче-

ской отмеченности — неофициальная, фамильярная, ироническая, уважительная, ласкательная и пр.

Проведенный анализ также позволил обнаружить ряд новых когнитивных признаков концепта «дружба», которые не были выявлены на предыдущем этапе анализа. На основе анализа семантики субстантивных дериватов концептуальный блок (слот) I «дружба как чувство и отношение» был пополнен когнитивными признаками **1.13 'Объединение кого-либо, основанное на дружбе, единстве взглядов, интересов; сотрудничество'** и **1.14 'Приветливое, доброжелательное отношение к кому-либо'**.

Также анализ семантики субстантивных дериватов позволил обогатить концептуальный блок (слот) II «субъекты дружбы» за счет включения в его семантический объем такого когнитивного признака, как **КП 2.19 'Субъект супружеских отношений (только для лиц женского пола)'**, и метафорического когнитивного признака, полученного путем семантического расширения — **КП 2.20 'Предмет, составляющий пару с другим предметом, образующий вместе с ним единое целое'**.

Анализ глагольных дериватов способствовал обнаружению нового когнитивного признака в концептуальном блоке (слоте) III «дружба как процесс» — это концептуально-метафорический **КП 3.9 'Оказать дружескую услугу, услужить'**, т.е. 'поступить как друг / повести себя как друг'.

Анализ адъективных и наречных дериватов показал возможность реального семантического заполнения слота IV «**признак, свойство, качество, характеристика дружбы как чувства / отношения**», который на предыдущих стадиях исследования характеризовался как необязательный, факультативный в структуре когнитивной ситуации — фрейма «дружба». Состав этого блока формируют следующие когнитивные признаки: **КП 4.1 'Связанный взаимным расположением, дружбой; приятельский, товарищеский'**; **КП 4.2 'Сплоченный'**; **КП 4.3 'Находящийся в дружеских, приятельских отношениях с кем-либо'**; **КП 4.4 'Перен. Происходящий одновременно'**; **КП 4.5 'Перен. Единодушный, согласный'**; **КП 4.6 'Относящийся к другу,**

друзьям, принадлежащий им»; КП 4.7 'Основанный на дружбе, выражающий дружбу; взаимно-благожелательный (преимущественно о государствах и отношениях между ними)'; КП 4.8 'Проникнутый дружелюбием, основанный на дружелюбии'; КП 4.9 'Доброжелательный'.

Таким образом, уточненное и расширенное совокупное семантическое наполнение концепта «дружба» на этом этапе анализа выглядит следующим образом (жирным шрифтом выделены когнитивные признаки, обнаруженные в результате анализа словообразовательной репрезентации концепта):

I. Слот «чувство дружбы ↔ отношения дружбы»:

- 1.1. Чувство взаимной расположенности, привязанности людей друг к другу;
- 1.2. Отношения между кем-л., основанные на чувстве взаимной привязанности, духовной близости, общности интересов и т. п.;
- 1.3. Дружелюбие, взаимопонимание и т. п. между народами, странами, государствами (= *дружба народов*);
- 1.4. Доброжелательные отношения друг к другу человека и животного;
- 1.5. Опора;
- 1.6. Поддержка;
- 1.7. Выражение усиленной просьбы, с которой обращаются к приятелю или к близкому человеку;
- 1.8. Наличие искренности в чувствах или отношениях между людьми.
- 1.9. Наличие взаимной доброй воли в отношениях расположенности, привязанности людей друг к другу;
- 1.10. Отсутствие итогового преимущества у соревнующихся, состязающихся в какой-либо сфере сторон;
- 1.11. Неискреннее, ненастоящее чувство расположенности, привязанности (*негат.-оцен., ирон.*);
- 1.12. Неискренние, ненастоящие отношения между кем-л., основанные на чувстве взаимной привязанности, духовной близости, общности интересов (*негат.-оцен., ирон.*);

1.13. Объединение кого-либо, основанное на дружбе, единстве взглядов, интересов; сотрудничество;

1.14. Приветливое, доброжелательное отношение к кому-либо.

II. Слот «субъекты дружбы»:

2.1. Лицо, тесно связанное с кем-либо взаимным доверием, преданностью, любовью; близкий человек, верный товарищ;

2.2. Любимый человек, возлюбленный;

2.3. Приятель;

2.4. Сторонник, защитник, приверженец чего-л. или кого-л. (*Друг истины, свободы и т.п.*)

2.5. Лицо, коллектив, связанные с кем-либо общностью интересов, идей, единством цели;

2.6. Домашнее животное как объект чувства привязанности

2.7. Постоянный посетитель дома, семьи

2.8. Любовник хозяйки дома (*ирон.*);

2.9. Обращение к кому-л., с целью подчеркнуть хорошее отношение;

2.10. Обращение к чужому, незнакомому человеку (*разг., фамильярн.*);

2.11. То, что способствует нормальной деятельности человека (о неодушевленном явлении, объекте) (*перен., разг.*);

2.12. Спутник, товарищ;

2.13. Воин = товарищ по оружию;

2.14. Второй, следующий;

2.15. Кто-то иной, не сам говорящий;

2.16. Напарник, тесно сотрудничающий с кем-либо для достижения общей цели, в какой-либо сфере общей деятельности;

2.17. Тот, кто вместе с кем-либо попал в одну и ту же ситуацию, оказался связанным общностью условий существования или результатов деятельности, как правило, неблагоприятных;

2.18. Ненастоящий, мнимый, не выдержавший проверки близкий человек, верный товарищ (*негат.-оцен., ирон.*);

2.19. Субъект супружеских отношений (только для лиц женского пола);

2.20. Предмет, составляющий пару с другим предметом, образующий вместе с ним единое целое.

III. Слот «дружба как процесс»:

3.1. Быть, находиться в отношениях взаимной расположенности, приязни;

3.2. Вступать в отношения взаимной расположенности, приязни;

3.3. Испытывать любовь, иметь склонность, пристрастие к чему-л. (*разг.; перен.*);

3.4. Делать друзьями кого-либо; соединять (*устар.*);

3.5. Примиряться (*устар.*);

3.6. Покровительствовать, помогать (*устар.*).

3.7. Поддерживать;

3.8. Функционировать согласованно, имея правильную связь между компонентами чего-либо в составе целого;

3.9. Оказать дружескую услугу, услужить.

IV. Слот «признак, свойство, качество, характеристика дружбы как чувства / отношения»:

4.1. Связанный взаимным расположением, дружбой; приятельский, товарищеский;

4.2. Сплоченный;

4.3. Находящийся в дружеских, приятельских отношениях с кем-либо;

4.4. *Перен.* Происходящий одновременно;

4.5. *Перен.* Единодушный, согласный;

4.6. Относящийся к другу, друзьям, принадлежащий им;

4.7. Основанный на дружбе, выражающий дружбу; взаимно-благожелательный (преимущественно о государствах и отношениях между ними);

4.8. Проникнутый дружелюбием, основанный на дружелюбии;

4.9. Доброжелательный.

Итак, на данном этапе анализа совокупный смысловой объем составил 52 когнитивных признака (соответственно, компонент «чувство дружбы ↔ отношения дружбы» — 14 КП, субъектный компонент — 20 КП, процессуальный компонент — 9 КП, новый, признаковый компонент — 9 КП).

2.3.2. Парадигматические особенности языковой объективации концепта «дружба»

Анализ парадигматики концепта «дружба» предполагает описание синонимических, антонимических и иных типов семантических отношений между лексемами, объективирующими данный концепт в лексико-семантической системе языка.

Анализ синонимических отношений проводился по таким лексикографическим источникам, как словарь В.И. Даля, МАС, БАС, словарь под ред. Д.Н. Ушакова [БАС, 1950-1965; МАС, 1985–1989; СУ, 1996; СД, 1999]. словари синонимов Н. Абрамова и З.Е. Александровой, словарь синонимов под ред. А.П. Евгеньевой [ССРЯА, 1991; СРСА, 1999; ССРЯЕ, 2003] новый объяснительный словарь синонимов русского языка под ред. Ю.Д. Апресяна [НОССРЯ, 1997]. Примеры контекстов употребления приводятся по данным Национального корпуса русского языка (НКРЯ).

В словаре В.И. Даля лексема *дружба* представлена следующим образом: «взаимная привязанность двух или более людей, тесная связь их; с добрым помыслом, бескорыстная, стойкая приязнь, основанная на любви и уважении; тесная связь, основанная на взаимных выгодах» [СД-I, 1999]. В словаре Т.Ф. Ефремовой дается следующее толкование: «1. Отношения между людьми, основанные на взаимной привязанности, духовной близости, общности интересов и т.п. // Взаимная расположенность, привязанность, характерная для таких отношений. // Дружелюбие, взаимопонимание и т.п. между

народами, странами, государствами. 2. *перен. разг.* Доброжелательное отношение друг к другу человека и животного» [СЕ-I, 2000]. — Отсюда мы можем выявить синонимию этого слова со словом *привязанность, близость, дружелюбие, взаимопонимание*.

Полученные данные уточняем посредством анализа словарей синонимов. В словаре З.Е. Александровой приводится такой синонимический ряд: *товарищество, приятельствование* (разг.), *корешкование* (простор.), *дружество* (устар.). Также словарь указывает в качестве синонимов словосочетания *дружеские (товарищеские, приятельские, близкие, короткие) отношения* [ССРЯА, 1991]. В словаре под ред. А.П. Евгеньевой приводятся такие синонимы: *дружество (устар.), товарищество, приятельство* [ССРЯЕ, 2003].

Указанные синонимы выражают следующие когнитивные признаки концептуального блока (слота) I «дружба как чувство и отношение»:

КП 1.1. Чувство взаимной расположенности, привязанности людей друг к другу;

КП 1.2. Отношения между кем-л., основанные на чувстве взаимной привязанности, духовной близости, общности интересов и т. п.;

КП 1.8. Наличие искренности в чувствах или отношениях между людьми;

КП 1.9. Наличие взаимной доброй воли в отношениях расположенности, привязанности людей друг к другу;

КП 1.13. Объединение кого-либо, основанное на дружбе, единстве взглядов, интересов; сотрудничество;

КП 1.14. Приветливое, доброжелательное отношение к кому-либо.

Новых признаков анализ синонимов не выявил.

Лексема *друг* в словаре В.И. Даля трактуется как «близкий человек, приятель, хороший знакомый; в самом тесном смысле, связанный узами дружбы [СД-I, 1999]. Отсюда мы можем выявить синонимию между *друг* и *приятель*, а также со словосочетаниями *близкий человек* и *хороший знакомый*. В словарном толковании в МАС и в БАС *друг* тоже определяется через

приятель, а также, в других значениях, даются синонимические толкования: (1) 'Любимый человек, возлюбленный'; 'Сторонник, приверженец, защитник (кого-, чего-либо)' [БАС-III, 1954; МАС-I, 1985]. Аналогичные сближения встречаем и в «Толковом словаре русского языка» под ред. Д.Н. Ушакова [СУ-I, 1996].

Далее в работе рассматриваются данные по словарям синонимов. В словаре под ред. А.П. Евгеньевой приводятся следующие синонимы: *товарищ, приятель, дружок (разг.)*. Кроме того, указано, что в просторечии в качестве синонимов с усилительным значением употребляются слова *кореш* и *корешок* [ССРЯЕ-I, 2003]. В более раннем по дате создания (1915 г.) словаре Н. Абрамова встречаем такие синонимы: *доброжелатель, приятель, благоприятель, наперсник, побратим, побратанец, товарищ* [СРСА, 1999]. Не трудно видеть, что такие слова, как *побратанец* и *благоприятель*, сейчас не употребляются, а слово *наперсник* носит устаревший характер. В словаре З.Е. Александровой дается два синонимических ряда: (1) в значении 'близкий приятель' — *приятель, товарищ; дружок; закадычный друг, друг приятель (разг.); неразлейвода, кореш, корешок, дружбан (простор.); благоприятель (устар.)*; (2) в функции обращения — *дружище, старик, старина (разг.); друг ситный (простор., шутл.)* / в собирательном употреблении — *братва* [ССРЯА, 1991]. Слова *брат* и *братва*, приводимые в словаре З.Е. Александровой заставляют нас предположить, что лексема *друг* в одном из своих значений может синонимически сближаться с одним из производных значений слова *брат*. Это подтверждает, например, словарное толкование слова *брат* в МАС: «2. *Высок.* Всякий человек, объединенный с говорящим общими интересами, положением, условиями. // *по чему.* Единомышленник в чем-либо; собрат. 3. Фамильярное и дружеское обращение к мужчине, юноше, мальчику» [МАС-I, 1985].

В целях нашего исследования важны указания на некоторые отличия в синонимах, приведенные в словаре под ред. А.П. Евгеньевой: «Друг — человек, близкий по духу, по убеждениям, на которого можно во всем положить»

ся; товарищ — человек, близкий по роду деятельности, занятий, по условиям жизни и т. п. и связанный общностью взглядов, дружескими отношениями; приятель — человек, с которым сложились хорошие, простые, но не очень близкие отношения; дружок — слово разговорной речи, имеет ласково-фамильярный или иронический, пренебрежительный характер (в зависимости от условий употребления)» [ССРЯЕ-I, 2003]. Это позволило нам выявить два основных смысловых пласта в представлении о друге: *друг — товарищ* и *друг — приятель*.

Более точно и подробно смысловое разграничение этих синонимических пар представлено в «Новом объяснительном словаре синонимов русского языка» под ред. Ю.Д. Апресяна. Авторы разграничивают понятие *друг* и понятия *приятель*, *товарищ* по признаку наличия / отсутствия отношений духовной близости, внутренней общности. Поэтому по-русски можно сказать *близкий друг*, но нельзя **близкий товарищ, приятель*» [НОССРЯ-I, 1997, с. 297].

Обобщим поведенный выше анализ. Таким образом, у нас получилось несколько синонимических рядов для слова *друг* в разных его значениях:

- *товарищ, собрат, соратник, сотоварищ, близкий человек, дружок, дружбан, кореш / корешок, брат, братан, наперсник, доброжелатель, благоприятель, побратим;*

- *приятель, хороший знакомый;*

- *любимый, возлюбленный, любовник;*

- *приверженец, сторонник, защитник;*

- *единомышленник, соратник, брат;*

- (в роли неформального обращения) *брат, приятель, дружище, старик, старина, друг ситный*.

В соответствии с принятой концепцией исследования, полученные данные надо соотнести с выявленными ранее когнитивными признаками субъектного компонента концепта «дружба», который воплощен в лексеме *друг*. Выявленные синонимические ряды конкретизируют и уточняют следу-

ющие когнитивные признаки (далее — КП), обнаруженные нами на предыдущих этапах исследования применительно к описанию слота II «субъект дружбы»:

КП 2.1. Лицо, тесно связанное с кем-либо взаимным доверием, преданностью, любовью; близкий человек, верный товарищ — ему соответствует синонимический ряд ДРУГ — *товарищ, собрат, соратник, сотоварищ, близкий человек, дружок, дружбан, кореш / корешок, брат, братан, наперсник, доброжелатель, приятель, побратим*;

КП 2.2. Любимый человек, возлюбленный — ему соответствует синонимический ряд ДРУГ — *любимый, возлюбленный, любовник*;

КП 2.3. Приятель — ему соответствует синонимический ряд ДРУГ — *приятель, хороший знакомый*;

КП 2.4. Сторонник, защитник, приверженец чего-л. или кого-л. (*Друг истины, свободы и т.п.*) — ему соответствует синонимический ряд ДРУГ — *приверженец, сторонник, защитник*;

КП 2.9. Обращение к кому-л., с целью подчеркнуть хорошее отношение и КП 2.10. Обращение к чужому, незнакомому человеку (*разг., фамильярн.*) — они нерасчлененно представлены в синонимическом ряде ДРУГ — *брат, приятель, дружище, старик, старина, друг ситный*.

Как видим, получили подтверждение 6 из выявленных ранее когнитивных признаков, входящих в состав субъектного компонента концепта «дружба». Кроме того, проведенный анализ за счет наличия синонимического ряда *единомышленник, соратник, брат* позволил выявить новую грань в КП 2.1 ‘Лицо, тесно связанное с кем-либо взаимным доверием, преданностью, любовью; близкий человек, верный товарищ’, а именно — ‘человек одинаковых с кем-л. взглядов, мыслей, убеждений’ (именно так трактуют лексему *единомышленник* толковые словари) [БАС-III, 1954; МАС-I, 1985]). Полагаем, что этот смысловой компонент может претендовать на статус полноценного нового когнитивного признака в субъектной составляющей кон-

цептуального содержания «дружба» — КП 2.21. **‘Единомышленник; человек одинаковых с кем-л. взглядов, мыслей, убеждений’.**

О том, что смысловой компонент ‘единомышленник’ может входить в совокупное представление о друге в русской языковой картине мира, могут свидетельствовать примеры из Национального корпуса русского языка, в которых в контексте синонимически сближаются лексемы *друг* и *единомышленник*:

— *Еще есть кто-то из мультипликаторов, кого бы вы назвали своим другом, единомышленником?* [А. А. Данилова, Г. М. Гупало. Юрий Норштейн: Опять забыли человека // 2016];

Сидели дома до 4 лет, потом у нее стало рвать крышу, потому что очень хотелось к детям, а друзей-единомышленников у нас тут нет [коллективный. Форум: Запуталась кто прав, кто виноват (2012)];

И привлекать туристов надо не поодиночке, а с их единомышленниками (друзьями) [И. Афанасьев. Так кто же полетит в космос? // «Наука и жизнь», 2006];

Если по доброте душевной начинаешь говорить с ними как с друзьями, единомышленниками, то тогда надо доказывать, что ты знаешь и умеешь больше их, а кто ж в своей неинформированности добровольно признается, особенно в провинции, фанаберия — легчайшая защита... [Ольга Новикова. Мне страшно, или Третий роман // «Звезда», 2003].

Анализ антонимических отношений проводился по таким лексикографическим источникам, как БАС, МАС и «Словарь антонимов русского языка» М.Р. Львова [БАС-II, 1951; БАС-III, 1954; БАС-VII, 1958; БАС-XI, 1961; МАС-I, 1985; САРЯ, 1988].

Для лексемы *дружба* как выразителя компонента ‘дружба как отношение / чувство’ в словаре М.Р. Львова отмечается одна антонимическая пара: *дружба — вражда* [САРЯ, 1988, с. 105]. В традиционной классификации антонимов такая антонимия считается векторной (характеризуется разнонаправленностью отношений).

Наличие данной антонимии подтверждается и примерами из Национального корпуса русского языка:

*С воцарением идеи «двуличности» головы стали носителями самых разных символов: красоты и безобразия, молодости и старости, **дружбы** и **вражды**, веселья и печали* [А. Калинин. Двуликий Янус // «Наука и жизнь», 2007];

*А впрочем, в России от **дружбы** до **вражды** путь всегда недалекий* [Владимир Войнович. Монументальная пропаганда // «Знамя», 2000];

*С крещением постепенно распространится грамота, из Византии придет общая культура, с Византией и с государствами Западной Европы возрастет торговля, а с торговлей, вместо прежней **вражды**, зародится и **дружба*** [С. М. Голицын. Сказания о земле Московской (1968-1988)].

В русских толковых словарях лексема *вражда* толкуется следующим образом: (1) МАС: «Отношения и действия, проникнутые неприязнью, взаимной ненавистью» [МАС-I, 1985]; (2) БАС: «1. Отношения и действия, проникнутые неприязнью, ненавистью; недоброжелательство; 2. Рознь, столкновение, вызванные противоположностью классовых, национальных, религиозных и т. п. интересов, вызывающие противодействие, борьбу. *Вражда национальная, религиозная* и т. п.» [БАС-III, 1954].

Мы видим, что находит свое подтверждение выявленное на предыдущем этапе анализа значимое концептуальное разграничение дружбы как отношения (вражда = отношения и действия) и дружбы как чувства (компонент толкования *вражда* в БАС 'недоброжелательство'). Таким образом, мы можем верифицировать следующие когнитивные признаки концепта «дружба»:

- КП 1.1 'Чувство взаимной расположенности, привязанности людей друг к другу';

- КП 1.2 'Отношения между кем-л., основанные на чувстве взаимной привязанности, духовной близости, общности интересов и т. п.'.

Однако при этом отметим, что в лексеме *вражда* активен и смысловой компонент 'действия, вызванные такими отношениями', т.е. в русской языко-

вой картине мира имеется представление о вражде как о деятельности, что не отмечено для дружбы.

Можно констатировать еще ряд расхождений между концептуализацией дружбы и вражды в русской лингвокультуре. С одной стороны, когнитивный признак 1.3 'Дружелюбие, взаимопонимание и т. п. между народами, странами, государствами (= *дружба народов*)' — обнаруживает в толковании лексемы *вражда* неполное соответствие, так как вражда в социально-политическом смысле может быть не только между народами (*национальная вражда*), но и классовая, религиозная и т.п. Возможно, это следствие более деятельного характера вражды, в сравнении с дружбой.

С другой стороны, когнитивный признак дружбы 1.4 'Доброжелательные отношения друг к другу человека и животного' не нашел своего отражения в толковании вражды вообще. Иными словами, отношения между человеком и животным могут осмысляться в терминах дружбы, но не вражды.

Для лексемы *друг* как выразителя субъектного компонента концепта «дружба» в словаре М.Р. Львова отмечается три антонимических пары: *друг* — *враг*, *друг* — *недруг* и *друг* — *противник* [САРЯ, 1988, с. 104–105]. Пара *друг* — *недруг* рассматривается как контрадикторные антонимы, а остальные две пары — как антонимы комплементарные. Примеры из Национального корпуса русского языка также подтверждают реальность данной антонимии:

ДРУГ — ВРАГ: Люди должны определиться, где их враги и где друзья и в чём их интересы. [Андрей Андреев. Будущее принадлежит нам! // «Завтра», 2003.08.22]; Опримитивление соперника, равно как и партнера, врага или друга, всегда приводило к плачевным последствиям [К. Н. Кулматов. Новые публикации // «Дипломатический вестник», 2004.06.29];

ДРУГ — НЕДРУГ: Отец и мама до сих пор умеют радоваться мелочам: солнцу, хорошей погоде, успехам друзей и даже недругов [Анастасия Ниточкина, Зураб Церетели. ...И никакой политики // «Огонек». № 3, 1991]; Тут можно отомстить не только недругам, но и друзьям, которые уже до-

стигли бессмертия, тогда как ты — по-прежнему смертный [Феликс Кривин. Хвост павлина (1981-1987)];

ДРУГ — ПРОТИВНИК: — На войне многое происходит. Вчерашние противники вдруг оказываются друзьями [Гарри всегда в оппозиции // «64 — Шахматное обозрение», 2004.10.15]; *Самым страшным было то, что муж, самый близкий мой друг, вдруг стал противником, врагом* [Женщина + мужчина: Брак (форум) (2004)].

Для лексемы *враг* в БАС находим следующие толкования: «1. Кто-либо враждебно относящийся к кому-либо; противник, недруг. / Враг кого, чего. / Враг кому /. Переносное *Идейный враг, враг науки* и пр. 2. Противник существующего общественного политического строя. / Враги народа. 3. Неприятель, противник на войне, в военных действиях. 4. *В просторечии и обл.* То же, что бес; дьявол» [БАС-П, 1951].

Мы можем видеть подтверждение следующим когнитивным признакам в субъектной составляющей концепта «дружба»:

КП 2.1 'Лицо, тесно связанное с кем-либо взаимным доверием, преданностью, любовью; близкий человек, верный товарищ';

КП 2.3 'Приятель';

КП 2.4 'Сторонник, защитник, приверженец чего-л. или кого-л. (*Друг истины, свободы* и т.п.)';

КП 2.5 'Лицо, коллектив, связанные с кем-либо общностью интересов, идей, единством цели';

КП 2.11 'То, что способствует нормальной деятельности человека (о неодушевленном явлении, объекте) (*перен., разг.*)' (= враг желудка).

Также обратим внимание на некоторые концептуальные расхождения. С одной стороны, в концептуальном представлении субъекта дружбы не находят отражение такие смысловые компоненты *враг*, как 'Противник существующего общественного политического строя' (= *враг народа*), 'Неприятель, противник на войне, в военных действиях' и 'Бес, дьявол'.

С другой стороны, в представлении о враге не отражены присущие представлению о друге смыслы, связанные с любовными отношениями, с отношениями между семьями, с отношениями между человеком и животным, а также способы обращаться к людям, знакомым и незнакомым. Это может быть связано с тем, что в русской системе ценностей представление о друге, скорее, тяготеет к отражению межличностных отношений, тогда как, напротив, представление о враге более характерно для характеристики социальных, политических, идеологических и пр. взаимодействий. Для друга, как отмечалось нами ранее, характерна такая ценностная доминанта русского мира, как эмпатия, духовная близость, а враг обозначается по иным, внешним по отношению к человеку основаниям.

Для лексемы *недруг* в БАС находим следующие толкования: «1. Человек, враждебно, неприязненно относящийся к кому-либо; враг. 2. *Народно-поэт*. Неприятель, противник в военных действиях» [БАС-VII, 1958].

Здесь отметим частичное соответствие между *недруг* и *враг* в первом и третьем значениях. Различие коренится в том, что лексема *недруг* не употребляется в сочетании с неодушевленными существительными, в отличие от *друг* и *враг*, также для нее не отмечены переносные употребления. Поэтому в ее семантике находит свое подтверждение меньшее количество когнитивных признаков для субъектного компонента концепта «дружба»:

КП 2.1 'Лицо, тесно связанное с кем-либо взаимным доверием, преданностью, любовью; близкий человек, верный товарищ';

КП 2.3 'Приятель'. Точно так же, как и в случае с лексемой *враг*, не имеет соответствия в концептуальном содержании *друг* «военный» элемент толкования: '*Народно-поэт*. Неприятель, противник в военных действиях'.

Для лексемы *противник* в БАС находим следующие толкования: «1. Человек, относящийся враждебно или отрицательно к кому-, чему-либо; враг. 2. *Собир.* Неприятельские вооруженные силы; неприятель. 3. Человек, стремящийся победить другого (в споре, стычке, драке); соперник. // Участник

дуэли (в отношении к другому ее участнику). // Участник игры, спортивного соревнования (в отношении к другому, другим участникам)» [БАС-ХІ, 1961].

Мы видим, что в слове *противник*, кроме первого, базового значения лексемы друг, также актуализованы такие смыслы в концептуальном содержании субъектной составляющей концепта «дружба», которые связаны с идеей 'быть сторонником кого- / чего-либо'. Таким образом, с одной стороны, подтверждаются следующие когнитивные признаки:

КП 2.1 'Лицо, тесно связанное с кем-либо взаимным доверием, преданностью, любовью; близкий человек, верный товарищ';

КП 2.4 'Сторонник, защитник, приверженец чего-л. или кого-л. (*Друг истины, свободы и т.п.*)'.

С другой стороны; в лексеме *противник* активен смысловой компонент противостояния по какому-либо значимому признаку — в споре, борьбе, драке, в дуэли, на войне, в спортивном состязании и т.п. В этом отношении данная лексема синонимична, скорее, словам *союзник*, *соратник* и под. или вообще не имеет антонимов (например, в значениях типа 'участник дуэли').

В целом проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы. В антонимической репрезентации концепта «дружба» верифицируются и уточняются два когнитивных признака из четырех для компонента 'дружба как отношение / чувство' и 5 когнитивных признаков для субъектной составляющей концептуального содержания «дружба». Новых когнитивных признаков анализ не выявил.

Зато мы обнаружили значимую в целях нашего дальнейшего исследования своего рода асимметрию между представлениями о дружбе и вражде в ценностной сфере русской языковой картины мира. Дружба и друг в целом обладают большей ценностной значимостью и распространяются на более широкий круг явлений, связанных с внутренней жизнью человека и межличностными отношениями человека (а также отношениями между человеком и животным). Вражда и враг осмысляются, скорее, по внешним признакам, незначимым в поле духовной активности человека. При этом в отношении

дружбы человек всегда вступает добровольно, а враждебные отношения зачастую могут быть вызваны внешними обстоятельствами.

Таким образом, в целом анализ парадигматической репрезентации концепта «дружба» выявил лишь один новый когнитивный признак, относящийся к слоту II «субъекты дружбы». Это КП 2.21. 'Единомышленник; 'человек одинаковых с кем-л. взглядов, мыслей, убеждений'.

2.3.3. Синтагматические особенности языковой объективации концепта «дружба»

Согласно принятой концепции исследования, синтагматический анализ заключается в описании стандартной узуальной сочетаемости лексем — репрезентантов концепта «дружба», а также в изучении их нестандартной сочетаемости, в которой реализуются употребления по моделям концептуальной метафоризации.

Контексты стандартной сочетаемости лексем — репрезентантов концепта «дружба». Характеристика контекстов стандартной сочетаемости осуществляется по словарям [СССРЯ, 1983; БУСРЯ, 2017].

ДРУЖБА.

Контексты атрибутивной сочетаемости: *старая, давняя, давнишняя* (разг.), *долгая, долголетняя, многолетняя, настоящая, истинная, прочная, крепкая, большая, бескорыстная, братская, мужская, фронтовая ... дружба* [СССРЯ, 1983]; *старая (давняя, давнишняя (разг.), долгая, многолетняя, истинная, настоящая, большая* зд. книжн., *крепкая, прочная, верная, горячая, нежная, искренняя, детская, мужская, братская, испытанная, фронтовая...)* *дружба* [БУСРЯ, 2017].

Контексты падежных и предложно-падежных сочетаний: *дружба ко-го*: ~ ребят, сверстников. *Ани и Миши ... дружба ко-го с кем*; *дружба с кем л. ко-го*: (о человеке) ~ сына, дочери, мужа ...; *дружба ко-го-л. с кем*: (о че-

ловеке) с одноклассником, с ним, с ней, с Мишей ... **дружба** между кем-чем: ~ (о людях) ~ между людьми, между детьми, между ними, между Аней и Мишей ... между [какими-л.] народами, между [какими-л.] странами, между Советским Союзом и Польшей ... [СССРЯ, 1983].

Контексты генитивной сочетаемости: *Узы* (высок.), *основа, характер, укрепление ... дружбы* [СССРЯ, 1983]. *Узы* высок. (чувство, характер, сила, прочность, бескорыстие, видимость, залог книжн. ...) **дружбы** [БУСРЯ, 2017].

Контексты субъектно-предикатной и объектно-предикатной сочетаемости: **Дружба** связывает кого-что-л., крепнет, обязывает к чему л. ... *На дружбе* (что-либо основывается) [СССРЯ, 1983]; **дружба** связывает кого-либо, обязывает к чему-либо, бескорыстна [БУСРЯ, 2017].

Контексты глагольного прямого и косвенного управления: *ценить, оберегать, водить* (разг.) *с кем-л., укреплять* (о дружбе между народами), *крепить* (высок.) (о дружбе между народами) ... **дружбу**. *Изменить, угрожать... дружбе*. *Гордиться ... дружбой* [СССРЯ, 1983]; *ценить* (завязывать, заводить, водить, поддерживать, предлагать, навязывать, прекратить) **дружбу**; *поощрять, (не) одобрять дружбу*; *не одобрять чьей-либо дружбы*; *быть верным (изменить) дружбе, дорожить (злоупотреблять) чьей-либо дружбой, быть в дружбе с кем-либо, жить в любви и дружбе, делать что-либо в знак дружбы, по дружбе, во имя дружбы, сделать что-либо из дружбы* [БУСРЯ, 2017].

Кроме того, в данных «Большого универсального словаря русского языка» отдельно приводится сочетаемость для слова *дружба* в значении КП 1.2 'Отношения многостороннего общения и сотрудничества, основанные на взаимном доверии и уважении (по отношению к странам, государствам и пр..)': *Братская (интернациональная, нерушимая, испытанная, прочная...) дружба; Дружба народов каких-либо стран; Дружба между народами; Узы* высок. (*основа, характер, проявления, корни, истоки, политика, традиции, символ, атмосфера...*) **дружбы**; *Договор о дружбе и сотрудничестве*;

Укреплять дружбу; Что-либо проходит в обстановке дружбы и взаимопонимания; Делать что-либо во имя дружбы; Стремиться к дружбе; Основывать что-либо на дружбе; Дружба крепнет (нерушима) [БУСРЯ, 2017].

Таким образом, контексты стандартной сочетаемости для слова *дружба* позволяют верифицировать следующие когнитивные признаки концептуального блока (слота) I «**чувство дружбы ↔ отношения дружбы**»:

- 1.1. Чувство взаимной расположенности, привязанности людей друг к другу;
- 1.2. Отношения между кем-л., основанные на чувстве взаимной привязанности, духовной близости, общности интересов и т. п.;
- 1.3. Дружелюбие, взаимопонимание и т. п. между народами, странами, государствами (= *дружба народов*);
- 1.4. Доброжелательные отношения друг к другу человека и животного;
- 1.5. Опора: *на дружбе что-л. основывается*;
- 1.6. Поддержка: *крепкая, прочная дружба*;
- 1.8. Наличие искренности в чувствах или отношениях между людьми: *искренняя дружба*;
- 1.9. Наличие взаимной доброй воли в отношениях расположенности, привязанности людей друг к другу: *делать что-либо в знак дружбы, по дружбе, во имя дружбы, сделать что-либо из дружбы*;
- 1.13. Объединение кого-либо, основанное на дружбе, единстве взглядов, интересов; сотрудничество: *дружба связывает, обязывает кого-л.*;
- 1.14. Приветливое, доброжелательное отношение к кому-либо: *атмосфера дружбы*.

Новых когнитивных признаков не выявлено.

ДРУГ.

Атрибутивная сочетаемость: *хороший, лучший, плохой, близкий, старый, давний, новый, настоящий, верный, искренний, преданный, закадычный (разг. школьный, фронтовой, единственный, мой, его ... друг; неразлучные ... друзья [СССРЯ, 1983]; хороший (старый, новый, давний, давнишний, боль-*

шой, близкий, закадычный, истинный, настоящий, испытанный, верный, надежный, преданный, искренний, единственный, школьный, общий ..) **друг**; *Неразлучные, короткие **дружья*** [БУСРЯ, 2017].

Субъектная сочетаемость: ***Дружья** и враги. **Друг** кого-чего:* (о человеке) ~ мужа, брата, сына, Петра ... семьи, дома ...; **друг** детства ... [СССРЯ, 1983]; **друг** детства; **друг** мужа, семьи; **друг** по институту [БУСРЯ, 2017].

Генитивная сочетаемость: *мнение, совет, помощь, поддержка, приезд, письмо, день рождения, портрет, фотография, судьба, характер, здоровье, болезнь, смерть, гибель, семья, отец, мать, жена, сын, дочь, адрес, телефон ... **друга*** [СССРЯ, 1983]; *помощь **друга**; встреча, круг **друзей**; найти, потерять **друга**; лишиться **друга*** [БУСРЯ, 2017].

Контексты глагольного прямого и косвенного управления: *иметь, найти, разыскать, поздравить с чем-л., выручить, поддержать, попросить о чём-л., подвести, обидеть, предать, сохранить, потерять, представить кому-л., познакомить с кем-л. ... **друга** (вин.). Лишиться, избегать ... **друга** (род.). Верить, доверять, помочь, советовать что-л., сочувствовать, быть преданным, написать, позвонить, подражать ... **другу**. Гордиться ... [своим] **другом**; быть, стать, остаться, считаться ... чьим-л. **другом**; стать, остаться ... **друзьями** [СССРЯ, 1983]; *найти, потерять **друга**, лишиться **друга**, быть чьим-либо **другом**, считать кого-либо своим **другом**, быть, стать, остаться **друзьями*** [БУСРЯ, 2017].*

Контексты глагольного предложного управления: *В **друга** (верить ~ ...). В **друге** (ошибиться ~ ...). Для **друга** (сделать что-л. ~ ...). За **друга** (заступиться ~, вступить ~, поручиться ~, беспокоиться ~ ...). К **другу** (пойти ~, поехать ~, зайти ~, обратиться ~ ...). На **друга** (надеяться ~, сердиться ~, обидеться ~ ...). О **друге** (помнить ~, рассказывать ~, расспросить ~, скучать ~, беспокоиться ~ ...). По **другу** (скучать — ...). С **другом** (встретиться ~, поговорить ~, спорить ~, поссориться —, помириться ~, потерять связь*

~, познакомить кого-л ~ ...). У **друга** (жить остановиться остаться ~ ...) [СССРЯ, 1983; БУСРЯ, 2017].

Контексты субъектно-предикатного и объектно-предикатного употребления: У кого-л есть **друг**, нет **друга**. [СССРЯ, 1983; БУСРЯ, 2017].

Таким образом, контексты стандартной сочетаемости для слова *друг* позволяют верифицировать следующие когнитивные признаки концептуального блока (слота) II «субъекты дружбы»:

2.1. Лицо, тесно связанное с кем-либо взаимным доверием, преданностью, любовью; близкий человек, верный товарищ;

2.2. Любимый человек, возлюбленный;

2.3. Приятель;

2.4. Сторонник, защитник, приверженец чего-л. или кого-л. (*Друг истины, свободы и т.п.*)

2.5. Лицо, коллектив, связанные с кем-либо общностью интересов, идей, единством цели;

2.6. Домашнее животное как объект чувства привязанности: *четвероногий друг*;

2.7. Постоянный посетитель дома, семьи: *друг семьи*;

2.8. Любовник хозяйки дома (*ирон.*); *друг дома*;

2.11. То, что способствует нормальной деятельности человека (о неодушевленном явлении, объекте) (*перен., разг.*): *друг желудка*;

2.12. Спутник, товарищ: *круг друзей*;

2.13. Воин = товарищ по оружию: *фронтвой друг*;

2.16. Напарник, тесно сотрудничающий с кем-либо для достижения общей цели, в какой-либо сфере общей деятельности: *школьный друг*;

2.17. Тот, кто вместе с кем-либо попал в одну и ту же ситуацию, оказался связанным общностью условий существования или результатов деятельности, как правило, неблагоприятных: *друг по несчастью*;

2.18. Ненастоящий, мнимый, не выдержавший проверки близкий человек, верный товарищ (*негат.-оцен., ирон.*): *в друге ошибиться*.

Новых когнитивных признаков не выявлено.

ДРУЖИТЬ (ДРУЖИТЬСЯ).

Контексты глагольного управления: **дружить** с кем: (о человеке) ~ с одноклассником, с чьим-л. сыном, с чьей л. сестрой, с ним, с ней, с ними, с Петром, с Аней ... **Дружить** с какого времени: ~ со скольких-л. (с десяти ••) лет, с детских (с юношеских ...) лет, с давних (с тех ...) пор, с детства, с войны, с какого года [СССРЯ, 1983; БУСРЯ, 2017].

Наречные сочетания: **дружить** как долго: ~ сколько-л. лет, давно, недавно, долго, всю жизнь ... **Дружить** как: ~ крепко, по-настоящему ... [СССРЯ, 1983; БУСРЯ, 2017].

Инфинитивные конструкции: *начать, продолжать, перестать, хотеть ...* **дружить** [с кем-л.] [СССРЯ, 1983; БУСРЯ, 2017].

Предикативные сочетания: *кто-л (мы, они Аня и Миша, Аня с Мишей ...)* **дружит** [СССРЯ, 1983].

Таким образом, контексты стандартной сочетаемости для слова **дружить** позволяют верифицировать следующие когнитивные признаки концептуального блока (слота) III «**дружба как процесс**»:

- 3.1. Быть, находиться в отношениях взаимной расположенности, приязни;
- 3.2. Вступать в отношения взаимной расположенности, приязни;
- 3.3. Испытывать любовь, иметь склонность, пристрастие к чему-л. (разг.; перен.).

Анализ современных контекстов сочетаемости выявил случаи образования новой модели предложного управления для слова **дружить** с предлогом *против*, что видно по следующим примерам из Национального корпуса русского языка:

*Вот и **дружить против** коммунальщиков тоже решили сообща* [обобщенный. Испытание метелью (2012.12.01) // «Новгородские ведомости», 2012];

*Америка зовет **дружить против** Европы, обретя по отношению к России вдруг неожиданно ласковый тон* [Светлана Лурье. Жесткий разговор о любви // «Спецназ России», 2003.05.15].

Это позволяет выделить новый когнитивный признак для концептуального блока (слота) III «**дружба как процесс**» — КП 3.10 '**Объединяться на почве общей вражды к кому-, чему-л. (шутл.-ирон.)**'.

ДРУЖНЫЙ

(1) в значении: 'связанный дружбой, взаимным согласием':

- *Ребята, семья, коллектив, группа, класс, команда, компания ...;*

- *Дружен с к е м:* (о человеке) ~ с ним, с ней, с Анной... *Дружны* между собой;

- *Очень удивительно ... дружный;*

- *Быть, считаться, казаться ... дружным;*

- *Кто-л. дружен с кем-л.; ребята (Аня и Миша, Таня с Мишей ...)*

дружные / дружны; что-л. дружное / дружно;

- *Дружно* (нареч.) *жить* ... [СССРЯ, 1983; БУСРЯ, 2017];

(2) в значении: 'такой, который происходит одновременно, согласованно; единодушный':

- *Работа, усилия, отпор, смех, хохот, аплодисменты, пение, крик, лай ...;*

- *Очень, на редкость ... дружный;*

- *Быть ... дружным;*

- *Что-л. дружное / дружно;*

- *Дружно* (нареч.) *работать, взяться за что-л., приняться за что-л., запеть* ... [СССРЯ, 1983; БУСРЯ, 2017].

ДРУЖЕСТВЕННЫЙ

- *Страна, держава (высок), народ, нация, классы, политика, связи, отношения, взаимоотношения, встреча, шаг, тон, обстановка; атмосфера, акт, помощь, беседа, внимание, расположение, послание, письмо ...*

- *Быть, стать ... дружественным.*

- *Что-л. дружественное* [СССРЯ, 1983; БУСРЯ, 2017].

ДРУЖЕСКИЙ

Отношения, связи, круг, компания, вечеринка, беседа, совет, пожелания, тон, улыбка, шутка, шарж, участие, расположение, внимание, обмен мнениями, помощь, встреча, забота, сочувствие, атмосфера ...;

Очень, по-настоящему ... дружеский;

Быть, стать, сделаться ... дружеским;

Что-л. дружеское;

По-дружески (нареч.), *дружески* (нареч.) *советовать, разговаривать, встретиться, проститься ...* [СССРЯ, 1983; БУСРЯ, 2017].

Таким образом, контексты стандартной сочетаемости для слов *дружный* (дружно), *дружественный* (дружественно), *дружеский* (*по-дружески, дружески*) позволяют верифицировать следующие когнитивные признаки для факультативного концептуального блока (слота) IV «**признак, свойство, качество, характеристика дружбы как чувства / отношения**»:

4.1. Связанный взаимным расположением, дружбой; приятельский, товарищеский: **дружный класс**;

4.2. Сплоченный: **дружная работа**;

4.3. Находящийся в дружеских, приятельских отношениях с кем-либо: *ребята (Аня и Миша, Таня с Мишей ...)* **дружные / дружны**;

4.4. *Перен.* Происходящий одновременно: **дружный смех**;

4.5. *Перен.* Единодушный, согласный: **дружный отпор**;

4.6. Относящийся к другу, друзьям, принадлежащий им: **дружеская беседа**;

4.7. Основанный на дружбе, выражающий дружбу; взаимно-благожелательный (преимущественно о государствах и отношениях между ними): **дружественная обстановка**;

4.8. Проникнутый дружелюбием, основанный на дружелюбии: **дружественная атмосфера**;

4.9. Доброжелательный: **дружеское расположение**.

Новых когнитивных признаков не выявлено.

Смысловые преобразования лексемы «дружба» в моделях концептуальной метафоризации. Национальная специфика языковой объективации концепта «дружба» особенно ярко проявляется в контекстах дискурсивной актуализации слова *дружба* как базового репрезентанта одноименного концепта в русской речи, когда данная лексема подвергается разного рода метафорическим преобразованиям в соответствии с разнообразными моделями концептуальной метафоры.

В основе данного этапа исследования — некоторые положения современной теории концептуальной метафоры, в соответствии с которыми многие абстрактные понятие в их естественно-языковом представлении переосмысляются как чувственно воспринимаемые, конкретные предметы и явления или как одушевленные сущности [Лакофф, Джонсон, 2004; Русский язык, 2017]. Непосредственная методика лингвокогнитивного анализа контекстов концептуальной метафоризации лексемы *дружба* состоит в обнаружении и последующей интерпретации случаев переносного употребления слова *дружба* в сочетании со словами разных частей речи, которые в норме сочетаются с существительными, обозначающими физические или биологические предметы, вещи, вещества или явления, конкретные объекты социального мира и пр. Подобный метод представлен, например, в известной работе Л.О. Чернейко, в которой рассматриваются сочетания абстрактных лексем типа *время*, *судьба* и пр. с глаголами физического действия или восприятия, в моделях генитивной сочетаемости с конкретными существительными и под. [Чернейко, 1997].

В соответствии с принятой концепцией исследования мы рассмотрели две группы моделей концептуальной метафоризации дружбы: (1) модели овеществления (реификации), когда дружба метафорически представляется как неодушевленный конкретно-чувственный объект, как точка, локализованная в пространстве, как вещество (субстанция), как контейнер (вместилище), как физическая среда; (2) модели одушевления, когда дружба метафори-

чески представляется либо вообще как живая, активно действующая сущность, либо как сверхъестественное или человеческое существо.

Дружба как конкретно-чувственный объект, вещь, вещество, явление природы. Во многих примерах типичной сочетаемостью для лексемы *дружба* является ее употребление с глаголами возникновения, исчезновения или изменения физического состояния объекта — *крепнуть, обрываться, завязываться, иссякать* и пр.:

*Он сиял своими лучистыми глазами и сказал, как бы навек **скрепляя** нашу **дружбу**...* [В. П. Катаев. Алмазный мой венец (1975-1977)];

*Примерно через месяц после переезда в Йер он писал в Нью-Йорк прозаiku Роману Борисовичу Гулю, с которым **завязалась** у него эпистолярная **дружба**...* [Вадим Крейд. Георгий Иванов в Йере // «Звезда», 2003];

*Когда **дружба** в бэдэтэвцами **окрепла**, мы каждое лето встречались в Крыму ...* [Сати Спивакова. Не всё (2002)];

*— Вы едете и ездаяте, — сказал он, не поднимая головы, — а у нас и в Калуге дел по горло. И я уехал. Наша **дружба** с Семеном Кузьмичом **оборвалась*** [Булат Окуджава. Искусство кройки и житья (1985)];

Дружба** между величайшими физиками отечественной науки, теоретиком и экспериментатором, после этой передраги **иссякла [Илья Кашницкий. Незаменимый // «Зеркало мира», 2012].

Дружба как чувственно воспринимаемый объект представлена, например, в таких контекстах: ***Дружба, правда, выглядит** несколько односторонней: "Золотой орёл", как известно, провозгласил себя единственной кинопремией страны и "Нику" полностью игнорирует* [Мария Кувшинова. «Ника» отстывает, но не сдается. Старейшая киноакадемия объявила о своих планах // «Известия», 2003.02.25].

Дружба может переосмысляться как связующее средство между людьми: *... к слову, Кузнецову и Сафину **связывает** крепкая **дружба**, которую они регулярно подкрепляют, обмениваясь SMS-сообщениями по мобильным телефонам...* [Денис Быстров. Первый эшелон. Светлана Кузнецова оказалась

11-й российской теннисисткой в первой сотне мирового рейтинга // «Известия», 2002.08.13].

Дружба может трактоваться не только как объект физический, но и как биологический, из мира растений — это довольно распространенные контексты генитивной сочетаемости с существительным *плод*, например: *Плодом этой дружбы стала нежность, осветившая последние годы жизни одного и зрелость другой, и — эти воспоминания* [Мария Игнатьева. Последний секретарь Вениамина Каверина // «Стороны света», 2014].

Типичным примером «онтологической метафоры», по Дж. Лакоффу и М. Джонсону, является метафора вещества (субстанции) [Лакофф, Джонсон, 2004]. Так, дружба может мыслиться:

- как источник света, естественная светонесущая субстанция: *Детская дружба с сестрой — пусть он её обижал, но дружба! — до сих пор светит из прошлого* [И. Грекова. Фазан (1984)];

- как искусственное вещество (по типу красящей субстанции): *Не перестаю изумляться этому человеку, присутствием, голосом, дружбой которого окрашено уже полвека нашей жизни* [М. С. Харитонов. Стенография конца века. Из дневниковых записей (2008) // М.: Новое литературное обозрение, 2002., 2002].

Дружба как товар, ресурс или социально значимый продукт, дружба в контекстах строительной или технической метафоры. В концепции Дж. Лакоффа и М. Джонсона в качестве источника концептуальной метафоризации выступают не только природные вещи или явления, но и объекты социальной действительности, продукты, ресурсы, товары, т.е. артефакты культуры [Лакофф, Джонсон, 2004; Русский язык, 2014; Радбиль, 2016 и 2017].

Так, в уже упомянутой книге этих авторов о метафоре рассматривается метафорическая модель *время как ресурс, труд как ресурс*. Дружба тоже может мыслиться как ресурс: *В сущности, такую же веру исповедует и мэр города, «образцовый православный христианин», для него церковь, дружба с*

епископом — своеобразный административный **ресурс**, лишняя гарантия накануне выборов [Вера Краснова. Царь гордецов // «Эксперт», 2015].

Схожая с упомянутой выше концептуально-метафорическая модель — модель переосмысления дружбы как запасов полезных для жизни вещей, которые надо пополнять: *И если в обычной жизни **запасы** доброты **можно восполнить** любовью, **дружбой**, искусством, наконец, то в армии родник пересыхает* [Д. С. Филиппов. Билет в Катманду (2009) // «Волга», 2012].

Дружба выступает как символ общественного признания, как объект, которым можно награждать: *И низкий поклон вологжанам за то, что на десять лет приютили они меня с семьёй, сердечно обогрели, дали возможность плодотворно работать, **наградили дружбой**, иногда делились последним куском хлеба* [Виктор Астафьев. Затеси (1999) // «Новый Мир», 2000].

Представление о дружбе как о продукте, который имеет цену, в том числе и — как о товаре — реализовано в следующих контекстах:

*Но произошло это сразу после войны, ещё **в цене** была фронтовая **дружба**, и ребята в одночасье признались друг другу, что завербованы* [Василь Быков. Бедные люди (1998)];

*Газовую трубу можно продать разве что как политическую идею, точно так же, как раньше **торговали** российско-украинской **дружбой*** [Валентин Жаронкин. Вот и поговорили // «Однако», 2010].

В ряде моделей концептуальной метафоризации дружба воспринимается как техническое устройство, механизм, который можно наладить, настроить, части которого можно, например, спаять:

*Так **спаялась** их **дружба**, несмотря на различие возрастов, биографий и вкусов* [Александр Солженицын. В круге первом, т.1, гл. 26-51 (1968) // «Новый Мир», 1990];

*Мы сами скоро там будем и **наладим дружбу** народов* [Василий Аксенов. Звездный билет // «Юность», 1961];

*Дружбу с ним необходимо научиться **выстраивать**, вернее **настраивать*** [Татьяна Швайцер. «Лекарство» для плохого настроения // «Психология на каждый день», 2011].

Одной из самых распространенных концептуальных метафор в европейской культуре считается «строительная метафора» [Лакофф, Джонсон, 2004]. Примеры этого встречаем и в нашем материале:

*Правда, чаще всего на **фундаменте дружбы** ничего не выросло, хотя сами по себе отношения мужчины и женщины, не связанных откровенно сексуальными узами, но испытывающих к друг другу явную симпатию, всегда имели эротический подтекст* [Н. Б. Лебина. Мужчина и женщина Тело, мода, культура. СССР — оттепель (2014)];

*Приходилось **восстанавливать дружбу** с Галиной Леонидовной, бассейны она давно облюбовала для ударов по психике женатых мужчин* [Анатолий Азольский. Лопушок // «Новый Мир», 1998].

Дружба в концептуально-метафорических моделях контейнера (вместилища), пути (направления) или пространственной среды. В уже упомянутых работах Дж. Лакоффа и М. Джонсона обсуждаются также такие разновидности онтологических метафор, как метафора вместилища, среды или пути (направления) [Лакофф, Джонсон, 2004]. Все эти разновидности также широко представлены в наших примерах.

Так, метафора трехмерного контейнера, вместилища, в который можно физически поместить некий объект, обычно реализуется в соответствующих контекстах пребывания, нахождения в какой-то емкости. Обычный контекст употребления — *быть, находиться и пр. в X.*:

*Чем раньше ты с таким столкнулась, тем скорее **найдешь укрытие в другом: в дружбе, в детях...** В чем хочешь, даже, может, в работе* [В. И. Букур, Н. В. Горланова. Моя тихая радость (2009) // «Волга», 2010];

*Сошедший с легковой машины полковник в папаше серебристого каракуля, какую можно было добыть, либо командуя армией, либо **находясь в***

дружбе с фронтовым интендантом, смотрел на пленных [Василий Гроссман. Жизнь и судьба, часть 3 (1960)].

Схожей по типу метафоризации является модель пространственной среды, в которой можно пребывать и по которой можно перемещаться. Это, как правило, такие контексты, как быть, жить в X..., передвигаться по X... и пр., например: *Можно было бы всё так и оставить, пусть каждый считает своей. Какая разница. Живут в дружбе, и всё...* [Токарева Виктория. Своя правда // «Новый Мир», 2002].

Метафоры подобного рода имплицитно существуют для того или иного пространства:

Конечно, у них были друзья и в городе, в школе и во дворе, но московская дружба была ограничена и скована, как сама тамошняя жизнь [Алексей Варламов. Купавна // «Новый Мир», 2000];

Но я не жалею, что наши отношения никогда не переходили границу дружбы [А. Г. Колмогоров. Мне доставшееся: Семейные хроники Надежды Лухмановой (2012)].

К этому же классу моделей концептуальных метафор относится и распространенная в европейской культуре метафора пути — она часто реализуется в модели генитивной метафоры со словом *путь*, например: *Некоторые выбрали путь дружбы с уже существующими мебельными и аксессуарными компаниями, равнозначными им по уровню* [Юлия Пешкова. Дом мод // «Домовой», 2002.09.04].

Проанализированный материал обнаруживает определенные связи с данными, полученными на предыдущих этапах анализ концепта «дружба». Так, еще на стадии исследования историко-этимологического материала выявлен потенциал для овеществления концепта «дружба». Мы показали наличие в этимологической сфере концептуального содержания дружбы исходной метафоры дерева. Также на этой основе был выявлен конкретно-чувственный по характеру семантики когнитивный признак 1.5 'опора'. Сама распространенность контекстов концептуальной метафоризации дружбы по моделям

овеществления обусловила необходимость постулировать новый когнитивный признак в слоте I «дружба как чувство и как отношение» — КП 1.15 'чувственно воспринимаемый объект, продукт, вещество с особыми свойствами (*метаф.*)'.

Дружба в концептуально-метафорических моделях одушевления.

Метафорическое представление о дружбе как о живом существе, имеющем животную, человеческую или сверхъестественную природу, является одним из древнейших в мировой цивилизации. Это можно видеть и в примерах из мировой и отечественной художественной литературы [Безуглая, 2017; Рахимова, 2018]. Иначе говоря, в мировой культуре существуют модели метафорического одушевления дружбы, что отражается и в фактах русского языка. Это характерно и для концепта дружбы. Далее, в главе III мы покажем, как активны образно-метафорические схемы одушевления представления о дружбе в поэзии, в частности, в поэзии А.С. Пушкина и других поэтов «пушкинского круга».

Данные Национального корпуса русского языка также демонстрируют распространенность метафорических моделей одушевления дружбы. Одушевление дружбы, по нашим данным, может иметь разные формы.

Прежде всего это может быть наиболее общее, нерасчлененное представление о живом существе, которое возникает за счет того, что дружбе приписан предикат, в норме сочетающийся с существительными, которые обозначают одушевленные объекты: *Вначале, когда дружба лишь зародилась — дамы познакомились в Ессентуках лет семь назад, — Рита отзывалась о Ларисе с простодушным восторгом* [Юрий Трифонов. Предварительные итоги (1970)].

Как любое живое существо, дружба может жить или умирать, например: *Тот благодарил бойца с седой головой: дружба, мол, как вера, без дел мертва, сердечно признателен, Михайла Семёнович, всё это прекрасно, посылаю на первоначальное обзаведение двадцать пять тысяч ассигнациями* [Юрий Давыдов. Синие тюльпаны (1988-1989)].

Но чаще всего речь идет о переосмыслении дружбы как сущности из мира человека. Ведь в норме только человеку могут быть приписаны такие предикаты, как, например, *любить, обманывать, побеждать*:

Дружба не любит, чтобы её пытали, это её унижает и обесценивает [Фазиль Искандер. Летним днем (1969)];

Дружба обманывала. Стоящие в гостиной клавикорды и влекомая из ночи в ночь на постелю (вместо возжеленной Алымушки) скрипица утешали мало [Борис Евсеев. Евстигней // «Октябрь», 2010];

Но дело даже не в формальных победах. В таких случаях говорят: побеждает дружба. А для политиков взаимопонимание — очень важный фактор [Владимир Плотников. Надо уметь держать удар // «Аграрный журнал», 2002.02.15].

Существуют даже устойчивые модели генитивной метафоры ,в которых дружбе приписываются атрибуты человека — *лицо, душа, дух, глаза, руки* и пр. дружбы, например: *Премьер-министр Михаил Касьянов делал одно за другим заявления в том духе, что врагам бывшего друга протянута рука дружбы...* [Они о нас // «Коммерсантъ-Власть», 2000].

Также дружба может переосмысляться и в качестве сверхъестественного существа — бога, духа, демона и под., которым, например, следует приносить жертвы: *Дружбе с автономными республиками не должны приноситься такие жертвы!* [Анна Уткина, Н. А. Шапиро. Надежда Шапиро: «Я читала детям Бродского и говорила, что это-поэт Мартынов» // 2016].

Проанализированный материал дает основание для выделения еще одного нового когнитивного признака для концептуального блока (слота) I «дружба как чувство и дружба как отношение». Это КП 1.16 '*одушевленная сущность, человеческое или сверхъестественное существо (метаф.)*'.

Проведенный анализ продемонстрировал, что концепт «дружба» в русской языковой картине мира имеет значительный потенциал смыслового обогащения и развития по линии овеществления и одушевления. Мы показали, что лексема *дружба* регулярно и активно употребляется в моделях кон-

цептуальной метафоризации по типу конкретизации абстракции. В контекстах метафорического овеществления она последовательно переосмысливается как конкретно-чувственный объект, вещь, вещество, явление природы, как товар, ресурс или социально значимый продукт, как строительный объект или механизм, техническое устройство, как вместилище, путь, пространственная среда, имеющая границы. В контекстах метафорического одушевления лексема *дружба* представлена как живая сущность, активно и целесообразно действующая, как человеческое или сверхъестественное существо.

Важно, что эти контексты не являются окказиональными, они вполне стандартные и очень распространены в русской речи. Это ведет к образованию устойчивых и воспроизводимых сочетаний — коллокаций фразеологического типа, например, *рука дружбы, побеждает дружба, дружба крепнет* и под. Подобным образом ведут себя и другие значимые исконно русские абстрактные понятия типа *мысль, разум, время* и под.

В целях нашего исследования существенным является и тот факт, что рассмотренные в работе смысловые преобразования значительно расширяют объем концептуального содержания дружбы, который отражен в лексикографических источниках. Именно поэтому проведенный анализ стал основой для формулирования двух новых когнитивных признаков концепта «дружба», которые расширили его совокупное семантическое наполнение.

Таким образом, анализ парадигматики и синтагматики концепта «дружба» в целом позволил выявить еще 4 когнитивных признака:

- в слоте I «дружба как чувство и дружба как отношение»:

КП 1.15 'чувственно воспринимаемый объект, продукт, вещество с особыми свойствами (*метаф.*)';

КП 1.16 'одушевленная сущность, человеческое или сверхъестественное существо (*метаф.*)';

- в слоте II «субъекты дружбы» — КП 2.21. 'Единомышленник; человек одинаковых с кем-л. взглядов, мыслей, убеждений';

- в слоте III «дружба как процесс» — КП 3.10 'Объединяться на почве общей вражды к кому-, чему-л. (*шутл.-ирон.*)'.

По итогам осуществленного в главе II исследования мы можем смоделировать итоговый набор когнитивных признаков для всех 4 концептуальных блоков (слотов) концепта «дружба». В результате совокупное семантическое наполнение концепта выглядит следующим образом:

I. Слот «чувство дружбы ↔ отношения дружбы»:

1.1. Чувство взаимной расположенности, привязанности людей друг к другу;

1.2. Отношения между кем-л., основанные на чувстве взаимной привязанности, духовной близости, общности интересов и т. п.;

1.3. Дружелюбие, взаимопонимание и т. п. между народами, странами, государствами (= *дружба народов*);

1.4. Доброжелательные отношения друг к другу человека и животного;

1.5. Опора;

1.6. Поддержка;

1.7. Выражение усиленной просьбы, с которой обращаются к приятелю или к близкому человеку;

1.8. Наличие искренности в чувствах или отношениях между людьми.

1.9. Наличие взаимной доброй воли в отношениях расположенности, привязанности людей друг к другу;

1.10. Отсутствие итогового преимущества у соревнующихся, состязающихся в какой-либо сфере сторон;

1.11. Неискреннее, ненастоящее чувство расположенности, привязанности (*негат.-оцен., ирон.*);

1.12. Неискренние, ненастоящие отношения между кем-л., основанные на чувстве взаимной привязанности, духовной близости, общности интересов (*негат.-оцен., ирон.*);

1.13. Объединение кого-либо, основанное на дружбе, единстве взглядов, интересов; сотрудничество;

1.14. Приветливое, доброжелательное отношение к кому-либо;

1.15. Чувственно воспринимаемый объект, продукт, вещество с особыми свойствами (*метаф.*);

1.16. Одушевленная сущность, человеческое или сверхъестественное существо (*метаф.*).

II. Слот «субъекты дружбы»:

2.1. Лицо, тесно связанное с кем-либо взаимным доверием, преданностью, любовью; близкий человек, верный товарищ;

2.2. Любимый человек, возлюбленный;

2.3. Приятель;

2.4. Сторонник, защитник, приверженец чего-л. или кого-л. (*Друг истины, свободы и т.п.*)

2.5. Лицо, коллектив, связанные с кем-либо общностью интересов, идей, единством цели;

2.6. Домашнее животное как объект чувства привязанности

2.7. Постоянный посетитель дома, семьи

2.8. Любовник хозяйки дома (*ирон.*);

2.9. Обращение к кому-л., с целью подчеркнуть хорошее отношение;

2.10. Обращение к чужому, незнакомому человеку (*разг., фамильярн.*);

2.11. То, что способствует нормальной деятельности человека (о неодушевленном явлении, объекте) (*перен., разг.*);

2.12. Спутник, товарищ;

2.13. Воин = товарищ по оружию;

2.14. Второй, следующий;

2.15. Кто-то иной, не сам говорящий;

2.16. Напарник, тесно сотрудничающий с кем-либо для достижения общей цели, в какой-либо сфере общей деятельности;

2.17. Тот, кто вместе с кем-либо попал в одну и ту же ситуацию, оказался связанным общностью условий существования или результатов деятельности, как правило, неблагоприятных;

2.18. Ненастоящий, мнимый, не выдержавший проверки близкий человек, верный товарищ (*негат.-оцен., ирон.*);

2.19. Субъект супружеских отношений (только для лиц женского пола);

2.20. Предмет, составляющий пару с другим предметом, образующий вместе с ним единое целое;

2.21. 'Единомышленник; человек одинаковых с кем-л. взглядов, мыслей, убеждений'.

III. Слот «дружба как процесс»:

3.1. Быть, находиться в отношениях взаимной расположенности, приязни;

3.2. Вступать в отношения взаимной расположенности, приязни;

3.3. Испытывать любовь, иметь склонность, пристрастие к чему-л. (*разг.; перен.*);

3.4. Делать друзьями кого-либо; соединять (*устар.*);

3.5. Примиряться (*устар.*);

3.6. Покровительствовать, помогать (*устар.*).

3.7. Поддерживать;

3.8. Функционировать согласованно, имея правильную связь между компонентами чего-либо в составе целого;

3.9. Оказать дружескую услугу, услужить;

3.10. Объединяться на почве общей вражды к кому-, чему-л. (*шутл.-ирон.*).

IV. Слот «признак, свойство, качество, характеристика дружбы как чувства / отношения»:

4.1. Связанный взаимным расположением, дружбой; приятельский, товарищеский;

4.2. Сплоченный;

- 4.3. Находящийся в дружеских, приятельских отношениях с кем-либо;
- 4.4. *Перен.* Происходящий одновременно;
- 4.5. *Перен.* Единодушный, согласный;
- 4.6. Относящийся к другу, друзьям, принадлежащий им;
- 4.7. Основанный на дружбе, выражающий дружбу; взаимно-благожелательный (преимущественно о государствах и отношениях между ними);
- 4.8. Проникнутый дружелюбием, основанный на дружелюбии;
- 4.9. Доброжелательный.

Итоговый смысловой объем концепта «дружба» составил 56 когнитивных признаков (соответственно, компонент «чувство дружбы ↔ отношения дружбы» — 16 КП, субъектный компонент — 21 КП, процессуальный компонент — 10 КП, новый, признаковый компонент — 9 КП).

Далее мы можем смоделировать **семантическую структуру** концепта — фрейма «дружба». Семантическая структура предполагает установление иерархических отношений между слотами фрейма и внутри самих слотов. Ниже для наглядности уточненная и дополненная семантическая структура концепта «дружба» представлена графически (см. **Схему 2.2**).

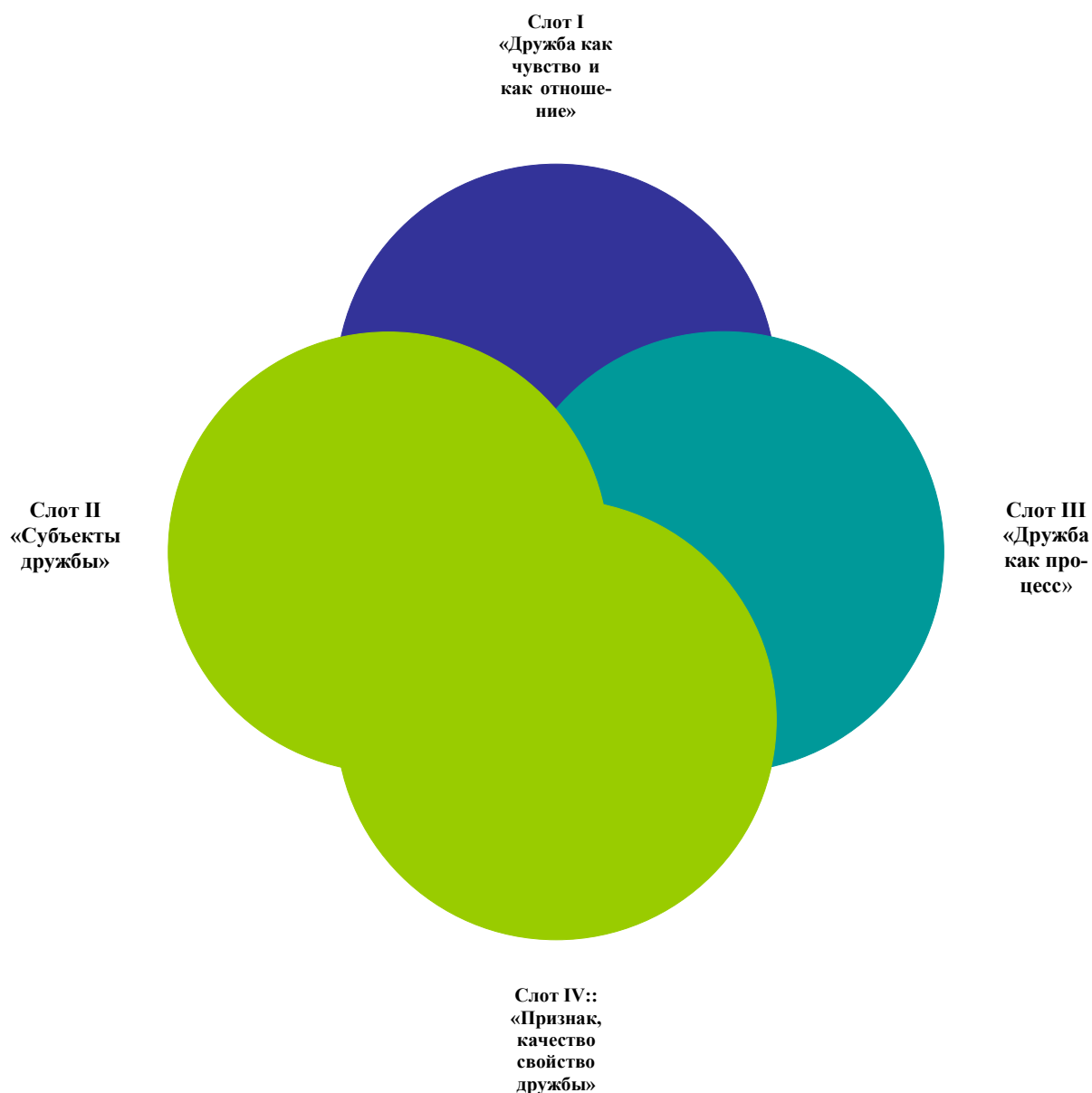

Схема 2.2.

Семантическая структура концепта — фрейма «дружба»

Основные выводы по главе II

В главе II проведено комплексное, лингвокогнитивное и лингвокульту-
рологическое, описание семантического наполнения, смыслового объема и
семантической структуры концепта «дружба» в экстралингвистическом и
собственно лингвистическом аспектах.

На первом этапе анализа было осуществлено исследование экстралингвистического содержания представления о дружбе в научно-философском, социологическом и психологическом освещении. На этой основе была смоделирована когнитивная ситуация дружбы, имеющая структуру фрейма. Фрейм дружбы включает в себя три обязательных слота: I 'дружба как интерпретация ситуации (включающий разновидности — дружба как чувство и дружба как отношение), II 'субъект дружбы' и III 'дружба как процесс', один факультативный слот IV 'признак, свойство, качество, характеристика дружбы как чувства / отношения / процесса', а также две импликации: на субъект (положительная оценочная реакция на переживание чувства дружбы или дружеских отношений) и на объект («добрые дела», поступки людей, продиктованные чувством дружбы или дружескими отношениями). Каждый обязательный или факультативный слот, а также импликационные слоты включают в себя комплекс более элементарных понятийных составляющих — отдельно взятых когнитивных признаков концепта.

На следующем этапе мы исследовали смысловое наполнение концепта «дружба» по данным основных русских толковых словарей. Был выявлен 21 когнитивный признак (соответственно, компонент «чувство дружбы ↔ отношения дружбы» — 4 КП, субъектный компонент — 11 КП, процессуальный компонент — 6 КП).

Далее полученные данные были дополнены исследованием историко-этимологической составляющей концептуального содержания. Была доказана устойчивая концептуальная связь между понятиями *друг* и *другой*, которые в современном русском языке не имеют общих семантических компонентов. Показано, что семантика современного русского местоимения-существительного и местоимения-прилагательного *другой* однозначно восходит к *друг* в значении 'спутник, товарищ, близкий человек'. То, что *друг* и *другой* ассоциативно связаны в русском языковом сознании, доказывают и контексты употребления наречного выражения *друг друга*. Также на этой стадии исследования были выявлены новые когнитивные признаки. В первый

слот «чувство дружбы ↔ отношения дружбы» включены когнитивные признаки (КП) 1.5 'опора' и 1.6 'поддержка'. Во второй слот «субъекты дружбы» вошли КП 2.12 'спутник, товарищ', КП 2.13 'воин = товарищ по оружию', КП 2.14 'второй, следующий' и КП 2.15 'кто-то иной, не сам говорящий'. В третий слот «дружба как процесс» включен КП 3.7 'поддерживать'.

В соответствии с принятой концепцией исследования полученные данные были уточнены и дополнены посредством анализа языковых материалов фразеологического и паремиологического фонда русского языка.

Анализ фразеологизмов дал основание включить в смысловое наполнение концепта новые когнитивные признаки. Для слота I «дружба как чувство и дружба как отношение» это КП 1.7 'Выражение усиленной просьбы, с которой обращаются к приятелю или к близкому человеку'; КП 1.8 'Наличие искренности в чувствах или отношениях между людьми'; 1.9 'Наличие взаимной доброй воли в отношениях расположенности, привязанности людей друг к другу'; 1.10 'Отсутствие итогового преимущества у соревнующихся, состязающихся в какой-либо сфере сторон'. Для слота II «субъекты дружбы» это КП 2.16 'Напарник, тесно сотрудничающий с кем-либо для достижения общей цели, в какой-либо сфере общей деятельности' и КП 2.17 'Тот, кто вместе с кем-либо попал в одну и ту же ситуацию, оказался связанным общностью условий существования или результатов деятельности, как правило, неблагоприятных'. Для слота III «дружба как процесс» это КП 3.8 'Функционировать согласованно, имея правильную связь между компонентами чего-либо в составе целого'.

Анализ пословиц позволил выявить следующие новые когнитивные признаки. Применительно к слоту I «чувство дружбы ↔ отношения дружбы» это КП 1.11 'Неискреннее, ненастоящее чувство расположенности, привязанности (*негат.-оцен., ирон.*)' и КП 1.12 'Неискренние, ненастоящие отношения между кем-л., основанные на чувстве взаимной привязанности, духовной близости, общности интересов (*негат.-оцен., ирон.*). Применительно к слоту

II «субъекты дружбы» это КП 2.18 'ненастоящий, мнимый, не выдержавший проверки близкий человек, верный товарищ (*негат.-оцен., ирон.*)'.

Таким образом, на данном этапе анализа совокупный смысловой объем составил уже 38 когнитивных признаков (соответственно, компонент «чувство дружбы ↔ отношения дружбы» — 12 КП, субъектный компонент — 18 КП, процессуальный компонент — 8 КП).

Следующий этап комплексного описания концепта «дружба» состоял в анализе особенностей его словообразовательной, парадигматической и синтагматической объективации.

Анализ особенностей словообразовательных связей и отношений заключался в исследовании семантики и структуры словообразовательного гнезда с вершиной *друг*. На основе анализа семантики субстантивных дериватов концептуальный блок (слот) I «дружба как чувство и отношение» был пополнен когнитивными признаками 1.13 'Объединение кого-либо, основанное на дружбе, единстве взглядов, интересов; сотрудничество' и 1.14 'Приветливое, доброжелательное отношение к кому-либо'. Анализ семантики субстантивных дериватов позволил обогатить концептуальный блок (слот) II «субъекты дружбы» за счет включения в него КП 2.19 'Субъект супружеских отношений (только для лиц женского пола)' и КП 2.20 'Предмет, составляющий пару с другим предметом, образующий вместе с ним единое целое'. Анализ глагольных дериватов способствовал обнаружению нового когнитивного признака в концептуальном блоке (слоте) III «дружба как процесс» — это концептуально-метафорический КП 3.9 'Оказать дружескую услугу, услужить', т.е. 'поступить как друг / повести себя как друг'. Анализ адъективных и наречных дериватов показал возможность реального семантического заполнения слота IV **«признак, свойство, качество, характеристика дружбы как чувства / отношения»**, который на предыдущих стадиях исследования характеризовался как необязательный, факультативный в структуре когнитивной ситуации — фрейма «дружба». Состав этого блока сформировали 9 когнитивных признаков.

На данном этапе анализа совокупный смысловой объем концепта «дружба» составил 52 когнитивных признака (соответственно, компонент «чувство дружбы ↔ отношения дружбы» — 14 КП, субъектный компонент — 20 КП, процессуальный компонент — 9 КП, новый, признаковый компонент — 9 КП).

Анализ парадигматических связей и отношений заключался в описании языковых и концептуальных синонимических и антонимических отношений между словами — репрезентантами концепта «дружба». На этом уровне анализа был выявлен только один новый когнитивный признак в концептуальном блоке (слоте) II «субъекты дружбы». Это КП 2.21. 'Единомышленник; человек одинаковых с кем-л. взглядов, мыслей, убеждений'.

Анализ синтагматических связей и отношений заключался в описании стандартной узуальной сочетаемости лексем — репрезентантов концепта «дружба» и контекстов концептуальной метафоризации лексики *дружба* по моделям овеществления и одушевления. В результате анализа контекстов стандартной сочетаемости был выделен новый когнитивный признак для концептуального блока (слота) III «дружба как процесс». Это КП 3.10 'Объединяться на почве общей вражды к кому-, чему-л. (*шутл.-ирон.*)'. В результате анализа неузуальных контекстов употребления слова *дружба* в моделях концептуально-метафорических преобразований по линии овеществления и одушевления мы выявили новые когнитивные признаки для слота I «дружба как чувство и как отношение»: КП 1.15 'чувственно воспринимаемый объект, продукт, вещество с особыми свойствами (*метаф.*)' и 1.16 'одушевленная сущность, человеческое или сверхъестественное существо (*метаф.*)'.

По итогам осуществленных в главе II этапов комплексного, лингвокультурологического и лингвокогнитивного, описания концепта «дружба» его совокупный смысловой объем составил 56 когнитивных признаков (соответственно, компонент «чувство дружбы ↔ отношения дружбы» — 16 КП, субъектный компонент — 21 КП, процессуальный компонент — 10 КП, но-

вый, признаковый компонент — 9 КП). Также была смоделирована и для удобства восприятия представлена в графической форме семантическая структура концепта «дружба».

Заключительный этап анализа, согласно замыслу исследования, заключающийся в верификации полученных данных посредством изучения особенностей дискурсной актуализации слов — репрезентантов концепта «дружба» в русской нехудожественной и художественной речи, а также в анализе новых явлений в языковой объективации концепта «дружба» на лексико-семантическом и словообразовательном уровнях. Это и будет реализовано в следующей, III главе работы.

ГЛАВА III. Дискурсная реализация концепта «дружба» в русской речи

В главе представлен завершающий этап комплексного, лингвокультурологического и лингвокогнитивного, описания концепта «дружба». На этом этапе исследования анализируются особенности речевой актуализации слов, репрезентирующих анализируемый концепт. Осуществляется верификация выявленных на предыдущих этапах анализа когнитивных признаков, а также выявляются новые явления в дискурсивном варьировании концепта в нехудожественной речи (раздел 3.1). Далее проводится сопоставительный анализ полученных данных по текстовой реализации концепта «дружба» с результатами исследования бытования этого концепта в русской художественной речи. В качестве материала для сопоставительного исследования берутся тексты лицейской поэзии А.С. Пушкина и других поэтов «пушкинской поры» (раздел 3.2).

3.1. Текстовая репрезентация концепта «дружба» в дискурсах нехудожественного типа

3.1.1. Дискурсивное варьирование концепта «дружба» по данным Национального корпуса русского языка

Мы рассмотрим особенности дискурсной реализации когнитивных признаков концепта «дружба» в контекстах употребления слов *дружба*, *друг*, *дружить*, *дружный* (*дружно*), *дружеский* (*дружески*, *по-дружески*), *дружественный* (*дружественно*) и др. по данным Национального корпуса русского языка (НКРЯ) и собственного интернет-мониторинга автора (ИМ). В данном

подразделе приводятся текстовые иллюстрации по каждому когнитивному признаку в составе каждого концептуального блока (слота) I–IV концепта — фрейма «дружба», которые призваны подтвердить реальность указанных когнитивных признаков в речевой практике носителей русского языка.

I. СЛОТ «ЧУВСТВО ДРУЖБЫ ↔ ОТНОШЕНИЯ ДРУЖБЫ»:

1.1. Чувство взаимной расположенности, привязанности людей друг к другу:

*Прощаясь с тобой, дорогой Дмитрий, я хочу сказать, что ты в моей жизни являешься тем редким человеком, в котором **чувство дружбы** никогда не исчезает* [Даниил Гранин. Зубр (1987)];

Дружба — это хорошо! Дружба — это хорошее чувство, которое испытывают люди и животные, которое позволяет людям делать друг другу хорошее...» [Б. В. Зейгарник. Патопсихология (1986)]

1.2. Отношения между кем-л., основанные на чувстве взаимной привязанности, духовной близости, общности интересов и т. п.;

*Хотя порой казалось, что **дружба между двумя большими артистами по-прежнему незыблема*** [Сати Спивакова. Не всё (2002)];

*У Ольги Леонардовны мы теперь иногда бывали вместе, и она была очень ласкова с Николаем Ивановичем, а у Софьи Ивановны с ним сразу завязалась **крепкая дружба*** [Софья Пилявская. Грустная книга (2000)];

1.3. Дружелюбие, взаимопонимание и т. п. между народами, странами, государствами (= **дружба народов):**

*Это монументальное сооружение станет подарком от дружественной столицы Казахстана Москве. **Дружба народов — дело святое*** [Леонид Смирнов. Парк Дружбы станет садом камней // «Известия», 2002.05.16];

*Всем людям нужен мир, и мы просто обязаны на деле укреплять **дружбу народов*** [По-соседству. Не надо отрывать от корней // «Марийская правда» (Йошкар-Ола), 2003.01.10];

1.4. Доброжелательные отношения друг к другу человека и животного:

*Наконец, вместо глубокого мудрого месседжа Спилберг предлагает мысль о том, что война — это плохо, а **дружба животного и человека** — хорошо* [Сергей Уваров. DVD/Blue-ray // Известия, 2012.05.03];

*А еще через дружбу с миниатюрной лошадкой ребенку гораздо легче войти во взрослый мир большой **дружбы с животными*** [Качаева Иоланта. КОНЕК-ГОРБУНОК ПО ИМЕНИ ТЕТКА // Труд-7, 2003.11.26];

1.5. Опора:

*Спасибо, что лапу сломал, а не голову... Но — Филипп, близкий **друг, опора** и надежда артиста!* [Дина Рубина. Русская канарейка. Блудный сын (2014)];

*Как и все женщины, чувствую себя неуютно без **опоры** — надежного, верного **друга*** [Помогите нам встретиться // «Сельская новь», 2003.10.07];

1.6. Поддержка:

*Для этого ребята использовали музыку, стихи, видеоинсталляции и **поддержку друзей*** [Денежный сертификат от Сбербанка — лучшему студенту // Комсомольская правда, 2011.03.04];

1.7. Выражение усиленной просьбы, с которой обращаются к приятелю или к близкому человеку;

*У Митяя спрашивать неудобно, но попасть впросак тоже не хочется. Может, я им помешала чем? Расскажи, **будь другом**, очень надо. Кубик по началу запырался, потом все выложил. Еще бы — история крайне занимательная* [Екатерина Завершнева. Высотка (2012)];

1.8. Наличие искренности в чувствах или отношениях между людьми:

*И последние лет двадцать это была самая **настоящая дружба** — **верная и искренняя*** [Василий Катанян. Лиля Брик. Жизнь (1999)];

И в процессе трудной, изнуряющей работы возникает истинная дружба и крепится, «схватывается», как будто хорошим раствором [Алла Боссарт. Капля в море // «Юность», 1971];

1.9. Наличие взаимной доброй воли в отношениях расположенности, привязанности людей друг к другу;

*Сколько себя помню, старался **делать** людям, **друзьям** моим, **добро**, как-то **помогать, поддерживать** [В. Д. Алейников. Тадзимас (2002)];*

*Мимо гробницы великого Дария; на ней было написано: «Я — Дарий, царь великий, царь царей, царь персов, царь народов; никто не **сделал** столько **добра друзьям** и зла врагам своим; я мог все» [М. Л. Гаспаров. Занимательная Греция (1998)];*

1.10. Отсутствие итогового преимущества у соревнующихся, состязающихся в какой-либо сфере сторон:

*Когда ближе к ее финалу американские болельщики будут аплодировать русской пятерке «Детройт Ред Уингз», ощущаешь не гордость, а единение — хотя бы в хоккейной битве сверхдержав **победила дружба** [Денис Рузаев. Что курят тайные агенты // lenta.ru, 2015.08.28];*

1.11. Неискреннее, ненастоящее чувство расположенности, привязанности (негат.-оцен., ирон.):

*Но на квартиру Гаврилов Шустикову денег не дал, потому как **дружба дружбой**, а деньги счет любят [Плата за собственную казнь // «Криминальная хроника», 2003.06.10];*

*Но срубить ничего не удавалось. Самое большое — старые шмотки. **Дружба дружбой**, а деньги врозь. Ирина была счастлива, что освободилась от ненавистной Людки [Токарева Виктория. Своя правда // «Новый Мир», 2002];*

1.12. Неискренние, ненастоящие отношения между кем-л., основанные на чувстве взаимной привязанности, духовной близости, общности интересов (негат.-оцен., ирон.):

Борис сразу же предложил другу место в научной ассоциации при этом университете, что означало паек, комнату, жалованье, занятие своей наукой и не больше четырех часов в неделю лекций. Но дружба — дружбой, а мировоззрение... [Геннадий Горелик. Андрей Сахаров. Наука и свобода (2004)];

1.13. Объединение кого-либо, основанное на дружбе, единстве взглядов, интересов; сотрудничество;

*Либеральным будет, таким образом, не сообщество свободных индивидов, а **содружество** свободных общностей* [Александр Кустарев. Друзья и враги свободы // «Неприкосновенный запас», 2010];

1.14. Приветливое, доброжелательное отношение к кому-либо:

*А ведь вот это **дружелюбие**, эта готовность помочь — ничего не значит* [Н. Б. Черных. Слабые, сильные. Часть первая // «Волга», 2015];

*И такими приятными манерами, что одно его появление где бы то ни было приносило в любое общество деликатную уместность, достоинство и ненавязчивое **дружелюбие*** [Дина Рубина. Русская канарейка. Блудный сын (2014)];

1.15. Чувственно воспринимаемый объект, продукт, вещество с особыми свойствами (метаф.):

*Дружба между величайшими физиками отечественной науки, теоретиком и экспериментатором, после этой передраги **иссякла*** [Илья Кашницкий. Незаменимый // «Зеркало мира», 2012];

*Так **спаялась** их дружба, несмотря на различие возрастов, биографий и вкусов* [Александр Солженицын. В круге первом, т.1, гл. 26-51 (1968) // «Новый Мир», 1990];

*Детская **дружба** с сестрой — пусть он её обижал, но **дружба!** — до сих пор **светит** из прошлого* [И. Грекова. Фазан (1984)];

1.16. Одушевленная сущность, человеческое или сверхъестественное существо (метаф.):

Дружба не любит, чтобы её пытали, это её унижает и обесценивает [Фазиль Искандер. Летним днем (1969)];

Дружбе с автономными республиками не должны приноситься такие жертвы! [Анна Уткина, Н. А. Шапиро. Надежда Шапиро: «Я читала детям Бродского и говорила, что это-поэт Мартынов» // 2016].

II. СЛОТ «СУБЪЕКТЫ ДРУЖБЫ»:

2.1. Лицо, тесно связанное с кем-либо взаимным доверием, преданностью, любовью; близкий человек, верный товарищ:

*В «Статистическое учреждение» назначили нового «главного», которым оказывается **старый друг** одной из сотрудниц — Рыжовой* [коллективный. Форум: рецензии на фильм «Служебный роман» (2006-2010)];

2.2. Любимый человек, возлюбленный:

*И неплохо бы, конечно, чтобы сладкий голос пел, чтобы **милый друг сердечный** тут же рядышком сопел!* [Тимур Кибиров. Хорошо бы сложить стихи // «Дружба народов», 1999.09.15];

*И сердцем близ тебя, **друг милый**, обновясь..,* [Светлана Волошина. «Я положу предел этому разврату». Ангелы, грибы и сказки: нелепые цензурные запреты XIX века (2017.06.07)];

2.3. Приятель:

*Планирую поехать в Европу, у меня там **много друзей*** [коллективный. Форум: Были вы в стране преподаваемого языка? (2008-2011)];

*На днях я в **компании друзей** отправился в цирк!* [коллективный. Форум: Поход в цирк (2010)];

2.4. Сторонник, защитник, приверженец чего-л. или кого-л. (Друг истины, свободы и т.п.):

*Противовластные — **друг свободы** сенатор Маккейн, **друг свободы** и Маккейна Б. Е. Немцов etc.* [Максим Соколов. Карантинные мероприятия // Известия, 2014.02.25];

*Так полагал и Пестель, Друг человечества и **Друг свободы*** [Юрий Давыдов. Заговор, родивший мышь (1993)];

2.5. Лицо, коллектив, связанные с кем-либо общностью интересов, идей, единством цели:

Потому и хотят поляки, чехи, прибалты и прочие «друзья по социализму» в случае опасности с Востока спрятаться за широкую спину дядюшки Сэма [Александр Кондрашов. Россия в кольце // «Аргументы и факты», 2001.04.04];

2.6. Домашнее животное как объект чувства привязанности:

Получается, что для желающего завести в качестве домашнего питомца собаку почти нет опасности ошибиться в выборе, потому что оправдать надежды на демонстрацию любви может практически любой четвероногий друг [Елена Непринцева. Счастье на двоих // «Психология на каждый день», 2011];

Мама стала убеждать папу, что он неправильно ее понял, что она очень сильно его любит, несмотря на желание иметь четвероногого друга [М.С. Аромштам. Мохнатый ребенок (2010)];

2.7. Постоянный посетитель дома, семьи:

Такие замечательные актёры — друзья дома, можно ли не мечтать о театре? [Ольга Брушлинская, Лариса Васильева. Когда поёт душа // «Наука и религия», 2010];

Мол, как же иначе, ежели в доме отца-писателя бывала Ахматова, друзьями дома были Зощенко, Шварц, Эйхенбаум, Мариенгоф? [С. Б. Рассадин. Книга прощаний. Воспоминания о друзьях и не только о них (2004-2008)];

2.8. Любовник хозяйки дома (ирон.):

Ребята из рок-группы взяли такой аккорд, что у слушателей, резонируя, громко завибрировали зубные коронки. — Друг дома? Вот с домом и дружи, а не с моей женой! [Никита Богословский. Заметки на полях шляпы (1997)];

2.9. Обращение к кому-л., с целью подчеркнуть хорошее отношение;

— Ну что же, это наша первая репетиция, **друзья**, — сказал он, перечеркнув все мои попытки и, может, даже победы [Саша Денисова. Театральный роман // «Русский репортер», № 15 (143), 22-29 апреля 2010];

— Видите ли, **друзья**, фреска — не шедевр, но очень редкая [Алексей Иванов (Алексей Маврин). Псоглавцы. Гл. 1-20 (2011)];

2.10. Обращение к чужому, незнакомому человеку (разг., фамильярн.):

— Ты не понял, **друг**, — парень понизил голос [Наталья Александрова. Последний ученик да Винчи (2010)]

— Или ты, **друг**, шутишь, или я не понял, чего тебе надо [Михаил Гиголашвили. Чертово колесо (2007)];

2.11. То, что способствует нормальной деятельности человека (о неодушевленном явлении, объекте) (перен., разг.):

*Лучший **друг желудка** — вино СЕН-РАФАЭЛЬ. Из толпы в фойе Александринки выделился по-юношески прямой и стройный господин с седыми, однако, висками и полуседой бородкой* [Василий Аксенов. Любовь к электричеству (1969)];

*Я похудел, побледнел, перестал расти — и было решено поить меня вином Сан-Рафаэль «**Друг желудка**», для укрепления здоровья* [В. А. Каверин. Освещенные окна (1974-1976)];

2.12. Спутник, товарищ:

*Одним словом, Проктер был **спутником и другом** знаменитостей — сам он был слишком незначителен как человек и как поэт, чтобы претендовать на большее, если он действительно этого хотел...* [Григорий Кружков. 1. Пушкин как озерный поэт // «Дружба народов», 1999];

*Но главная женищина во всей истории с мигрантами — это Лидия Графова, мой давний **друг по «Комсомолке»**, а потом — и «Литературной газете»* [Капитолина Кожевникова. У парадного подъезда // «Вестник США», 2003.07.23];

*Это еще хорошо, что принявшие революцию Каверин и его **друзья по ОПОЯЗу и «Серпионовым братьям»** особенной политической активности не проявили, занимались обоснованием теории нового искусства, а не нового государства [Андрей Арьев. По большому счету // «Звезда», 2002];*

2.13. Воин = товарищ по оружию:

*Спешите же с ответами, мои **друзья по оружию** и идеи! [Ю. В. Трифонов. Отблеск костра (1965)];*

2.14. Второй, следующий:

*С **другой стороны**, я не могу не принимать во внимание, в чьих руках находится власть, какая у нее идеология [коллективный. Форум: 12 часов в день? Не могу согласиться с М. Прохоровым (2010-2011)];*

*[Rud, nick] – кричала бабушка, воинственно потрясая рефлексором и хлопая ладонью **другой руки** по дымящейся юбке [коллективный. Форум: Похороните меня за плинтусом. Фильм (2009-2011)];*

2.15. Кто-то иной, не сам говорящий:

***Другие** могут сказать: ну, да, неплохое кино, или, скажем, да как-то не очень — это ничего не изменит, потому что это твоё кино [коллективный. Форум: рецензии на фильм «Служебный роман» (2006-2010)];*

*В университете нужно получить тот минимум знаний и опыта, которые позволят строить свою собственную, не зависящую от **других** жизнь [коллективный. Форум: Школа или универ где легче?)) (2006)];*

2.16. Напарник, тесно сотрудничающий с кем-либо для достижения общей цели, в какой-либо сфере общей деятельности:

***Друг по переписке:** телефон-ручка PenPhone О подобном устройстве футурологи мечтали давно — например, в романе Мэри Шелли «Паутина» описана кисточка, запоминающая все рисунки, которые ею нарисованы [Алексей Андреев. Друг по переписке: телефон-ручка PenPhone // «Парадокс», 2004.05.01];*

*Вы мои верные **друзья по борьбе с плотью**, сказал Арсений комарам [Евгений Водолазкин. Лавр (2012)];*

Опримитивление соперника, равно как и партнера, врага или друга, всегда приводило к плачевным последствиям [К. Н. Кулматов. Новые публикации // «Дипломатический вестник», 2004.06.29];

2.17. Тот, кто вместе с кем-либо попал в одну и ту же ситуацию, оказался связанным общностью условий существования или результатов деятельности, как правило, неблагоприятных:

Это было интересно и новые друзья по несчастью [коллективный. Форум: Как жить так, чтобы не убить себя (2013)];

Об этом ему сказали «друзья по нарам» — заключенные «специальной» транзитной камеры [Александр Богомолов. Живи, Серега. «Я не заражу окружающих». Из дневника 22-летнего ВИЧ-инфицированного // «Известия», 2002.11.29];

2.18. Ненастоящий, мнимый, не выдержавший проверки близкий человек, верный товарищ (негат.-оцен., ирон.):

— А кто говорил, что идет со мной за компанию? Друг, называется! Таких друзей в младенчестве убивать надо! — Я бы и утопился, если бы ты утопился [Оксана Ефремова. История одного самоубийства (2002)];

— Он выдавал зарплату. И подсунул мне запачканные. Друг называется! Предал меня! — Да он тебе всегда завидовал, — вставила Соня [Юрий Мамлеев. Конец света/Валюта (1975-1999)];

2.19. Субъект супружеских отношений (только для лиц женского пола):

Не простое это дело — правильно выбрать подругу жизни, мать будущих детей [Токарева Виктория. Своя правда // «Новый Мир», 2002];

Сам обращался в клубы знакомств, получил немало писем, но подруги жизни не выбрал [Ирина Калмыкова. За рыбу платят одиночеством? // «Рыбак Приморья», 2003.01.02];

Ее призвание — быть поддержкой мужу, его надежным тылом, она была бы примерной домохозяйкой. Лучшую подругу жизни представить се-

бе трудно. Многие ищут и не находят. А она — одна [Надежда Трофимова. Третье желание // «Звезда», 2003];

2.20. Предмет, составляющий пару с другим предметом, образующий вместе с ним единое целое:

Много лет спустя, когда эта же картина, вместе со своей дружкой попала в столовую наших друзей Оливов, стоило мне во время какого-либо обеда, взглянуть на эти столь знакомые башни и дворцы, <...> чудилось, будто я снова слышу те унылые нотки, что отбивали на клавишах мои детские пальцы [А. Н. Бенуа. Жизнь художника (1955)];

2.21. Единомышленник; человек одинаковых с кем-л. взглядов, мыслей:

Сидели дома до 4 лет, потом у нее стало рвать крышу, потому что очень хотелось к детям, а друзей-единомышленников у нас тут нет [коллективный. Форум: Запуталась кто прав, кто виноват (2012)];

И привлекать туристов надо не поодиночке, а с их единомышленниками (друзьями) [И. Афанасьев. Так кто же полетит в космос? // «Наука и жизнь», 2006].

III. СЛОТ «ДРУЖБА КАК ПРОЦЕСС»:

3.1. Быть, находиться в отношениях взаимной расположенности, приязни:

Написала книгу о Зинаиде Волконской, очень дружит с Вячеславом Ивановым, водила знакомство с Бродским [Сати Спивакова. Не всё (2002)];

3.2. Вступать в отношения взаимной расположенности, приязни:

Когда я в середине шестидесятых подружился с Наташей Горбаневской, она брала у меня стихи и не просто читала их, а перепечатывала [В. Д. Алейников. Тадзимас (2002)];

В своем родном Монпелье он сначала придумывал духи, а потом подружился с хозяйкой изысканного чайного салона и стал вместе с ней создавать новые блюда [Марина Каминарская. День пожирателей цветов // «Домовой», 2002.08.04];

3.3. Испытывать любовь, иметь склонность, пристрастие к чему-л. (разг.; перен.):

*Будучи совсем молодым человеком, пока не открыл для себя девушек и крепленые вина, Вячик много и увлеченно читал, что называется, **дружил с книгой** (как, впрочем, и после, только оставалось для этой дружбы все меньше свободного времени)* [Федор Чернин. Вячик Слонимиров и его путешествие в непонятное // «Звезда», 2002];

*Отец у Васьки был здоровее его, никогда не **дружил с законом** и ментов откровенно презирал.* [Виктор Ремизов. Воля вольная // «Новый мир», 2013];

3.4. Делать друзьями кого-либо; соединять (устар.):

*Пусть **солнце дружит с красотой**: мягкая защита от ультрафиолета* [Пусть солнце дружит с красотой: мягкая защита от ультрафиолета // «Даша», 2004];

3.5. Примиряться (устар.):

*И обреченный тяжелой долей, Почти **дружился он с неволей*** [М.Ю. Лермонтов. «Кавказский пленник», I, 12 (1954)];

*Устал очень. Настроение твердое, хорошее. **Сдружился с Театром**. Кое-что там делаю (не канцелярия). Затеял ехать на месяц в санаторий (областной)* [Эмма Герштейн. Мандельштам в Воронеже (по письмам С. Б. Рудакова) (1985-2002)];

3.6. Покровительствовать, помогать (устар.):

***Ветерок дружит** нам, попутный* [В.И. Даль. Словарь живого великорусского языка, т. I (1999)];

*Говорят, что Милеев за последний год очень хорошо **«подружился»** с людьми из команды Зивенко* [Екатерина Селезнева. «Я ни с кем не дружу» // «Дело» (Самара), 2002.09.15];

3.7. Поддерживать:

*«Полностью **поддерживаю** своего **друга** и соратника Антон Геращенко!..»* [Украинский депутат вылизал тарелку и рассказал о традициях // lenta.ru, 2017.12.09];

*Его **поддерживают** деньгами **друзья** проекта, те же меценаты* [Александра Виграйзер. Опасная правда // lenta.ru, 2017.05.22];

3.8. Функционировать согласованно, имея правильную связь между компонентами чего-либо в составе целого:

*Сумбур в своей голове он пытается проецировать на других, но другие, в отличие от гения, **дружат с логикой*** [коллективный. Б. Акунин говорит: есть мы и есть они (2015)];

*К сожалению, дизайнеры берутся делать перепланировки, хотя в вопиющем большинстве абсолютно не **дружат с математикой** и не обладают пространственным воображением* [коллективный. Форум: Нужно ли нанимать дизайнера для ремонта квартиры (2013)];

3.9. Оказать дружескую услугу:

*Все у него выходило легко и весело, все были счастливы ему **удружить*** [Владимир Рецептер. Узлов, или Обращение к Казанове (1993)];

3.10. Объединяться на почве общей вражды к кому-, чему-л. (шутл.-ирон.):

*Вот и **дружить против** коммунальщиков тоже решили сообща* [обобщенный. Испытание метелью (2012.12.01) // «Новгородские ведомости», 2012];

*Америка зовет **дружить против** Европы, обретя по отношению к России вдруг неожиданно ласковый тон* [Светлана Лурье. Жесткий разговор о любви // «Спецназ России», 2003.05.15].

IV. СЛОТ «ПРИЗНАК, СВОЙСТВО, КАЧЕСТВО, ХАРАКТЕРИСТИКА ДРУЖБЫ КАК ЧУВСТВА / ОТНОШЕНИЯ»:

4.1. Связанный взаимным расположением, дружбой; приятельский, товарищеский:

*Сохранившиеся дома по улице Гоголя помогают представить, как члены **дружной семьи** учителей Носковых, что переселились с Аксаковской улицы в съемную квартиру на Гоголевскую, 22 [Светлана Семенова. Александр Носков и «квартал пионеров» // «Бельские просторы», 2018];*

*На редкость **дружное семейство**, спорят только из-за мест за столом [Дина Сабитова. Где нет зимы (2011)];*

4.2. Сплоченный:

*— В своей работе я опираюсь на наш **дружный коллектив** [Алина Бериашвили. Доверяй, но проверяй (2013.03.29) // «Новгородские ведомости», 2013];*

4.3. Находящийся в дружеских, приятельских отношениях с кем-либо:

*Спиваков с Плетневым знакомы очень давно, с тех пор, как Миша учился у Флиера, с которым Володя был **дружен** и в юности даже жил у него дома [Сати Спивакова. Не всё (2002)];*

*Они были **дружны**, бывший казанский студент и бывший царскосельский лицеист [Юрий Давыдов. Синие тюльпаны (1988-1989)];*

4.4. Перен. Происходящий одновременно:

*Иной раз перед лекцией, стоя за дверью, она даже слышала этот **дружный хохот**, смолкавший, когда она входила. [И. Грекова. Под фонарем (1963)];*

*Она появилась, как и полагается, под стрекот камер и **дружный плеск** аплодисментов [Сергей Николаевич. Уроки французского (2018.01.30) // «Сноб», 2018];*

4.5. Перен. Единодушный, согласный:

*А в общем всё это — люди в камуфляже, шествия, периодические взрывы, **дружное нежелание** говорить о том, что происходит вокруг, — постепенно наслаивалось одно на другое, и картина складывалась невеселая [Сергей Шикера. Египетское метро // «Волга», 2016]*

4.6. Относящийся к другу, друзьям, принадлежащий им:

*А интереснее всего смотреть на малейшие изменения мимики актеров — как крохотными нюансами меняется ощущение от милой **дружеской беседы** до смертельно опасной схватки* [коллективный. Форум: 17 мгновений весны (2005-2010)];

*Ни в выдумках, ни в весельях он не принимал участия, но и не был совсем уж угрюмым, мог оказаться в **дружеской компании** и даже стакан вина выпить* [Алексей Слаповский. Гибель гитариста (1994-1995)];

4.7. Основанный на дружбе, выражающий дружбу; взаимно-благожелательный (преимущественно о государствах и отношениях между ними);

*Сколько раз говорить вам: не вмешивайтесь во внутренние дела **дружественного государства**, проводящего линию на дальнейшее укрепление дружбы с СССР* [Анатолий Азольский. Глаша // «Новый Мир», 2003];

*В другом **еженедельнике**, тоже **дружественном мэрии**, компромат "слили" на бывшего главу Волжского района, советника губернатора Анатолия Зотова...* [Моральный вред с правом передачи - 2. // «Богатей» (Саратов), 2003.05.15];

4.8. Проникнутый дружелюбием, основанный на дружелюбии:

*Лена подняла на меня спокойный, **дружелюбный взгляд*** [Сергей Довлатов. Наши (1983)];

4.9. Доброжелательный:

*А лишь на **дружественное сочувствие** рассчитывала я* [Татьяна Соломатина. Девять месяцев, или «Комедия женских положений» (2010)].

Таким образом, анализ контекстов текстовой актуализации слов — репрезентантов концепта «дружба» в целом подтвердил реальность выявленных на предыдущем этапе исследования когнитивных признаков каждого из четырех концептуальных блоков (слотов) концепта. — фрейма «дружба». Далее мы рассмотрим новые явления в функционировании слов, воплощающих концепт «дружба», в современной русской речи.

3.1.2. Новые явления в языковой объективации концепта «дружба» в современной русской речи

На данном этапе исследования рассматриваются новые явления в языковой репрезентации концепта «дружба» в современной русской речи на лексическом и словообразовательном уровне. Анализ проводится по данным Национального корпуса русского языка и собственного интернет-мониторинга автора.

Новые явления на лексическом уровне. В работах Т.Б. Радбиля активные процессы в лексике делятся на две разновидности — это процессы на **собственно семантическом и лексико-семантическом уровнях** [Радбиль, 2019; Радбиль и др., 2021].

К явлениям на собственно семантическом уровне можно условно отнести две группы явлений: семантические преобразования, связанные с расширением сочетаемости лексем — репрезентантов концепта «дружба», и явления семантической деривации, т.е. изменения лексического значения слова, связанного с переносом наименования, семантическим калькированием и пр.

Процессы **расширения сочетаемости** мы покажем на примере лексемы *друг*. В наше время мы наблюдаем существенное расширение сочетаемости для слова *друг*, прежде всего атрибутивной сочетаемости (по модели «прилаг.» + «сущ.»), в результате чего происходит обогащение смыслового объема и изменение коннотативно-оценочного потенциала.

Обогащение смыслового объема для контекстов употребления слова *друг* связано с возможностью использования этого слова в предметных областях, к которым ранее это понятие было неприложимо. Чаще всего при этом мы имеем дело с разного рода метафорическими преобразованиями.

Уже более пятидесяти лет в русской речи используется метафора «зеленый друг» для обозначения леса: *Помню суждения лесника 20-летней давности: он был защитником "зеленого друга", цитировал соответствующие*

места из "Русского леса" Леонида Леонова [Керча Тамара. ТОПОР ДЛЯ «ЗЕЛЕНОГО ДРУГА» // Труд-7, 2004.04.20]

В современном мире другом может быть назван компьютер, который используется, например, в качестве помощи в образовании и воспитании детей: *Компьютер для ребенка. Гениями не рождаются, гениями становятся. Как «железный друг» может помочь в воспитании и развитии детей — читай во втором из трех запланированных приложений по компьютерному ликбезу!* [Компьютер для ребенка // «Лиза», 2005]

Другом называется пластмассовый тренажер для укрепления здоровья: *Как я занимался "Абфлексом" — Это — "Абфлекс", — представил я своего пластмассового друга домашним. — Он будет жить у нас около месяца. С его помощью я обязательно стану сильным и здоровым. Так, по крайней мере, говорят по телевизору* [Александр Зильберт. Укрепление тонуса // «Столица», 1997.03.18].

Другом может именоваться велосипед: *Нужно видеть, с каким апломбом М. Родин в кирзовых сапогах, старом комбинезоне и танкистском шлеме подъезжает к главному корпусу, круто осаживая двухколесного друга* [Борис Чаянов. Из книги «Воспоминания о Физтехе. Физтех 1951-1957» // «За науку», 2013].

Метафорически в ироническом плане слово друг используется для обозначения унитаза: *Спросила, не нужно ли мне немедленно возвращаться домой, но когда узнала, что она уже как-то замотала руку, решила не ездить туда-обратно, тем более что машины у меня нет, а вместо этого подумать о покупке нового фаянсового друга* [Ю. И. Андреева. Многоточие сборки (2009)].

Нетрудно видеть, что все эти случаи используют выявленный ранее когнитивный признак лексемы друг, связанный с идеей помощи, поддержки в широком смысле.

Приметой сегодняшнего дня является иронически-сниженное использование метафоры «зеленый друг» для обозначения доллара, которая часто

употребляется говорящими по-русски в негативном плане: *Перефразируя известную песню, можно сказать, что "если" зеленый друг "(в смысле доллар) оказался вдруг и не друг, и не враг, а так...* " [Проценко Александр экономический обозреватель «Труда». РУБЛЬ ПОБИВАЕТ ДОЛЛАР // Труд-7, 2003.07.22].

Изменения в коннотативно-оценочной сфере для контекстов употребления слова *друг* связаны с явлениями, который в каком-то смысле нарушают оценочные стандарты в традициях использования этого слова в русском языке. Прежде всего отметим, что наши наблюдения подтверждают вывод, сделанный А.Д. Шмелевым вслед за А. Вежбицкой, о размывании, «девальвации» понятия *друг* в современных речевых практиках общества [Шмелев, 2002]. В традиционном русском понимании у человека не может быть много друзей. Однако современные контексты употребления, под влиянием моделей употребления английского *friend*, допускают расширенное толкование: друг как просто знакомый, приятель, в том числе по интернету. Таких друзей у человека могут быть сотни и даже тысячи:

*У меня три **тысячи** друзей, и никто из них за это не платил* [Беседовал Антон Болотов. Liliya Ray, 24 года, 31 тысяча подписчиков // lenta.ru, 2019.08.15];

*У Сергея **тысячи** друзей во всех странах мира* [Александр БОЙКО, Анна БАЛУЕВА, Ярослава ТАНЬКОВА. Тесть Сергея Филина: «Заказчик преступления находится внутри театра!» // Комсомольская правда, 2013.01.18].

В качестве примера развития положительно-оценочных коннотаций для слова *друг* приведем сочетание *личный друг*, которое, с точки зрения традиционной семантики лексемы, представляется тавтологичным (какой же еще может быть друг у человека?):

*Муж служит на Байконуре, **личный друг** Юрия Гагарина* [Олег Павлов. Карагандинские девятины, или Повесть последних дней // «Октябрь», 2001].

Как показывают наши наблюдения, словосочетание *личный друг* употребляется только применительно к людям, облеченным властью, имеющим высокое общественное положение и влияние. В этом случае быть их личным другом означает наличие каких-то привилегий, их выделенность по этому признаку, их более высокий статус в отличие от прочих людей.

Но чаще всего в контекстах сочетаемости слова *друг* с прилагательными усиливается негативно-оценочный фон, возможность которого была нами выявлена раньше, см. КП 2.18 'Ненастоящий, мнимый, не выдержавший проверки близкий человек, верный товарищ (*негат.-оцен., ирон.*)'. Пржде всего это сочетание *бывший друг*:

Мой бывший друг и босс исчез бесследно [Андрей Рубанов. Сажайте, и вырастет (2005)].

Не выдержавший проверки на дружбу друг обозначается словом *сомнительный*: *У меня получилось наоборот, то есть деньги-то я, в общем, потерял, но зато приобрел сомнительного друга* [Фазиль Искандер. Должники (1968)].

Интересен пример использования в негативно-оценочном ключе понятия *виртуальный*, подчеркивающее мнимость, «ненастоящность» друга: *О том, всегда ли мы говорим о себе правду в соцсетях, что заставляет нас приукрашивать свои профили, как реагировать, увидев серию парадных фотографий на стене виртуального друга или родственника, рассуждает врач-психотерапевт Юрий Ратанов* [Д. Менделеева, Ю. Ратанов. Психотерапевт: Что прячут счастливые аккаунты соцсетей? (2015.11.06)].

Часто использование слова *друг* в ироническом, негативно-оценочном плане маркируется кавычками — тогда оно обозначает не *друг*, а *противник*, *враг*: *Покажем нашим западным «друзьям», что в Чёрное море вообще лучше не соваться* [коллективный. Минобороны РФ заботится о Крыме. Модернизация аэродромов (2014)].

В этой же роли может быть использовано преобразование фразеологизма *заклятый враг*, которое выражает идею, что под маской друга на пуб-

лике в реальности имеется в виду человек, который вовсе другом не является: *Ослепленный яростью, один из самых богатых чиновников России решил, что все это — происки заклятого друга Шанцева* [Михаил Ржевский. Зачем Лужков «построил» Ресина? // «Вслух о...», 2003.05.19].

Явления семантической деривации, т.е. изменения лексического значения слова, связанного с переносом наименования, семантическим калькированием и пр., мы покажем на примере развития нового значения для слов *дружественный* и *дружественность* в сфере компьютерных технологий. Эти изменения связаны с семантическим калькированием нового значения для английского слова *friend* в роли прилагательного, развившегося в среде программистов (*friend classes* — *дружественные классы*):

Дружественность программного обеспечения — многоплановое понятие, включающее в себя по крайней мере два компонента. Первый — “*дружественность*” к пользователю и второй — “*дружественность*” к программисту, работающему с программой в течение всего ее жизненного цикла. Оба эти компонента в конечном итоге влияют на качество программного обеспечения [URL: <http://csaa.ru/>].

Чаще всего *дружественным* по отношению к пользователю бывает интерфейс:

Для этого и надо-то всего лишь соорудить то, что программисты называют словами «*дружественный интерфейс*» — удобную в пользовании, терпимую к мелким ошибкам пользователя систему массового отъема денег у населения [Владимир Баранов. Государство, информация и начальники // Интернет-альманах «Лебедь», 2003.12.07];

Кроме того, приборы, ориентированные на студенческую аудиторию, имеют *дружественный интерфейс* и анимационную поддержку [Микроскопический лидер // «Бизнес-журнал», 2004.01.22].

Дружественный в этом значении означает ‘удобный для пользователя’ и выражает заложенную в слове *друг* идею о помощи, поддержке (друже-

ственный интерфейс как бы помогает пользователю не совершать ошибок, работать с максимальной пользой для себя).

Дружественными для программистов могут быть классы, свойства, функции:

***Дружественные функции** — это функции, которые не являются членами класса, однако имеют доступ к его закрытым членам — переменным и функциям, которые имеют спецификатор `private`* [URL: <https://metanit.com/cpp/tutorial/5.5.php>];

***Дружественные классы** по своей работе схожи с **дружественными функциями**. Единственное отличие заключается в объединение не просто функций, а целых классов.*

*Благодаря **дружественному свойству** мы можем указать несколько классов, что будут связаны между собой. Это позволит брать данные через объект сразу из нескольких классов.*

За счёт этого мы можем точно описать логику для различных персонажей в игре или для окон в приложении. Все они могут быть записаны в разных классах, но при этом каждый сможет иметь доступ друг к другу [URL: <https://itproger.com/course/cpp/21>].

Здесь слово *дружественный* означает — не принадлежащий к классу, к группе функций или свойств, но связанный с ними, и поэтому к нему можно получить доступ через эти классы, функции, благодаря свойству дружественности. Нетрудно видеть, что в данном употреблении развивается потенциальная сема для слова *друг* 'не являющийся родственником, но близкий субъекту по другому, неродственному, признаку'.

К явлениям на лексико-семантическом уровне мы относим случаи образования лексических неологизмов, в основном на без заимствований, внешних (из других языков) или внутренних (из внелитературных сфер русского языка). Образования на фоне просторечных или жаргонных употреблений типа *дружбан, друган, кореш, корешок, корифан* и пр. широко описаны в

лексикографических источниках и научной литературе [БСРРЭР, 2004; ТСРЯ-XXв., 2005; Коняева. 2015; Макарова, 2019].

В нашей работе мы остановимся не особенностях использования неологизма — заимствования из английского языка *френд*. В работах Т.Б. Радбиля описаны семантические и словообразовательные особенности употребления этого слова и его соотношения со словом *друг* [Радбиль, 2019]. Глагол *френдить* в современном русском языке означает ‘включать чью-либо учётную запись в список избранных контактов на интернет-ресурс’. *Френд*, соответственно, это и есть ‘учетная запись какого-либо лица, включенная в список избранных контактов на интернет-ресурсе’.

Если в английском языке это значение образовалось по модели семантической деривации от обычного *friend* в исходных значениях, то в русском языке мы имеем дело с процессом лексического заимствования: у русского языка есть и *друг*, и *френд*. И носители русского языка четко разграничивают эти понятия:

Просто зайдите вот на эту страничку, кликните мышкой... и всё. — А френды? — Что френды? — Ну, где их искать? [Запись LiveJournal (2004)];

А о чем говорят «френды» в Сети? [В. А. Рубанов. Пропагандой выиграть нельзя. доминированием в технологиях — можно // «Огонек», 2016];

Обычно в социальных сетях такую роль играют френды, с которыми человек поневоле себя сравнивает и старается выглядеть достойно [Д. Менделеева, Ю. Ратанов. Психотерапевт: Что прячут счастливые аккаунты соцсетей? (2015.11.06)].

Нетрудно видеть, что использование этого слова означает дальнейшее размывание исконных смыслов, заложенных в русском слове *друг* в традиционном употреблении.

Также в русском языке появились заимствования из английского языка — *бой-френд* и *герл-френд*, означающие, соответственно, ‘любовник’ и ‘любовница’:

То есть такого бой-френда, что пожелал вступить с ней в законный брак с целью создания крепкой ячейки общества и личного благополучия [Татьяна Соломатина. Девять месяцев, или «Комедия женских положений» (2010)]

— Нет. Во всяком случае, пока. Теперь это называется гёрл-френд. — У вас это серьезно? — В каком смысле? [Зиновий Юрьев. Смертельное бессмертие // «Наука и жизнь», 2007].

Возможно, появление этих слов заполняет какую-то лакуну в концептосфере. Слов *друг* в этом значении чаще всего озвучит иронически-сниженно. Сами слова любовник и любовница тоже имеют некоторый отрицательный оценочный фон. Английские заимствования претендуют на то, чтобы обозначать это понятие в нейтральном ключе.

Слово *френд* в современной русской речи проходит стадию культурной апроприации заимствований. На словообразовательном уровне признаками культурной освоенности этого слова являются новообразования на его базе по русским моделям деривации: *френдиться, отфрендить, расфрендить, зафрендиться* и пр. [Радбиль, 2019]. В нашем материале тоже есть примеры образования с приставкой НЕ (по модели *друг* → *недруг*): *Апдейт: Из-за обилия идиотского спама пришлось ввести КАПЧУ для не-френдов* [коллективный. Форум: Мацав (2010)].

Самым существенным показателем культурного освоения является выход слова за пределы специализированного употребления, расширение его значения уже применительно к сферам обычной, не компьютерной коммуникации. В наших примерах есть случаи переосмысления слова *френд* как некоего иронически сниженного синонима обычного *друг*:

Мы потеряли друг друга из вида, потом нашли, теперь френды [Александр Снегирев. То самое окно // «Дружба Народов», 2014]

Ты же знаешь меня!.. Это я! Твой френд! Узкая подъездная дверь с лязгом открылась. — Узнал!.. [Михаил Гиголашвили. Чертово колесо (2007)].

Но и при этом горящие по-русски все же ощущают разницу между исконно русским *друг* и иноязычным *френд* — *френд* это какой-то не настоящий друг, временный, случайный, в определенной сфере, ни к чему не обязывающий и пр.

В целом проанализированный материал обнаруживает большую семантическую активность слов — репрезентантов концепта «дружба» в современной русской речи, их значительный оценочный потенциал. Это свидетельствует о большой значимости представлений о дружбе и друге в русской культуре на протяжении всего длительного периода ее существования и развития.

Новые явления на словообразовательном уровне. Особенности языкового воплощения концепта «дружба» в явлениях неологического словообразования рассматриваются на примерах образования и функционирования приставочных и сложных неодериватов на базе исходной лексемы *друг* и *дружба* в современной русской речи. Анализ проводится по данным Национального корпуса русского языка и собственного интернет-мониторинга автора. В основном словообразовательные новообразования отражают разного рода оценочные приращения смысла. Это, как мы покажем далее, в основном развивает ценностный потенциал концепта «дружба», выявленный на предыдущих этапах анализа.

Неодериваты от слова *друг*. Приставочные новообразования от слова *друг* могут выражать разного рода положительные оценки, в том числе и с несколько ироническим оттенком смысла, которые в русском языке выражаются размерно-оценочными префиксами, обозначающими большой размер, иноязычного происхождения — *супер-*, *ульра-*, *мега-* и пр.: *Если ваш противник не является Ультрадрузгом или Лучшим другом, для начала битвы нужно подойти к нему и позволить ему отсканировать свой боевой QR-код. Отсканируйте боевой код другого тренера или дайте ему отсканировать ваш, чтобы начать бой* [URL: <https://niantic.helpshift.com/a/pokemon-go/?s>].

Идею несоответствия друга идеалу дружбы, с негативной окраской, выражается русскими приставками и аффиксоидами *недо-* и *полу-*:

Недопарень, недодруг, недоотношения... В общем, такая ситуация получилась, что я уже не знаю, к кому обратиться, поэтому пишу сюда [URL: <https://otvet.mail.ru>];

Давно пора повзрослеть и научиться понимать, кто наши друзья, а кто — только полудрузья, кому доверять можно, а кому не стоит [Алексей Варламов. Купавна // «Новый Мир», 2000];

«Навалилось какое-то воронье из газет, из полудрузей» [Лев Аннинский. На краю Отечества // «Нева», 2003].

Представление о ненастоящем, мнимом, фальшивом друге выражает иноязычная приставка *псевдо-*: *Будто нарочно погружая его в свои фирменные обстоятельства — трущобы, гиперболизированные сумасшедшие родственники, мнящие себя средним классом, псевдодрузья из числа диких футбольных фанов, пребывание в коме на больничной койке, — автор наделяет героя внутренним миром, дает оружие и возможность охотиться на свои пороки, явленные герою в виде черного аиста Марабу, истребителя фламинго* [Светлана Королева. Аист по капле. Дикие миры автора «Трэйнспоттинга» // «Известия», 2002.08.11].

К этому представлению примыкает негативно-оценочное обозначение бывшего друга посредством номинации с иноязычной приставкой *экс-*: *«Назло Тимати?» Решетова подписала контракт с его экс-другом. Модель обрадовала поклонников* [URL: <https://7days.ru/news/>].

Антонимическое по отношению к другу представление выражается неогермативом с префиксом *анти-*: *Спасибо, антидруг) А, Что Вы думаете? Напали боты)* [URL: https://www.youtube.com/watch?v=aU-_FLTadks].

Сложные слова на базе лексемы друг — это в основном слова с иноязычным постоянным первым корневым компонентом типа *авто-*, *фото-*, *кино-*, *авиа-*, *электро-* и пр.. Как правило, эти слова конкретизируют область, в которой осуществляются отношения людей:

Прочитал я в «Комсомолке» интервью с Михаилом Сергеевичем Боярским, моим давним **кинодругом** (семь фильмов вместе сработали...) [Г. Хилькевич. Полегче, шевалье... // «Комсомольская правда», 1992];

Татьяна Величко — твой **фотодруг** (@foto_tati) [URL: https://www.instagram.com/foto_tati/].

Часто сложные словообразовательные новообразования по этой модели используются в качестве названий фирм, магазинной, других кампаний, занимающихся ремонтом, продажей, распространением изделий, которые связаны со значением первого компонента:

«**Автодруг**» — это бесплатное мобильное приложение, призванное существенно облегчить жизнь автовладельцев [URL: <https://aboutandroid.ru/>];

Магазин электронных компонентов «**Электродруг**» представляет большой каталог электронных приборов и компонентов [URL: <https://www.eldr.ru>].

В названиях компаний используется идея помощи, поддержки (в нашем случае — потребителей), заложенная изначально в концептуальном содержании дружбы.

Неодериваты от слова дружба. Эти новообразования в принципе демонстрируют те же оценочные эффекты, что и дериваты на базе друг. Для **префиксальных новообразований** положительная оценка дружбы с некоторым ироническим оттенком заложена в неодериватах с размерно-оценочными префиксами *супер-* и *ультра-*:

Суперкнига о **супердружбе** в интернет-магазине Лабиринт [URL: <https://www.labirint.ru/series/>];

Старая добрая **ультрадружба** [URL: <https://pikabu.ru>].

Префиксоид *полу-* выражает представление о неполноценной в каком-либо отношении дружбе: **Полудружба**, *полулюбовь* — мы оккупированы электронным, синтетическим миром [URL: <https://iz.ru>].

Ту же идею выражает использование приставки *недо-*, которая в примере ниже включена в отношения «языковой игры» с антонимичной при-

ставкой *пере-*: *А передружба или недодружба ...к чему обычно приводят..?*)
Ответить [URL: <https://otvet.mail.ru>].

Представление о мнимой, фальшивой, ложной дружбе выражено в неодериватах с префиксом *псевдо-*: *Псевдодружба. Нет, речь идёт не о простом знакомстве. А о паразитизме, скажем так* [URL: <https://inferi-the7th.livejournal.com>].

Есть примеры выражения негативно-оценочного представления о бывшей дружбе: *Экс-дружба: можно ли продолжать общение с бывшими?* [URL: <https://zen.yandex.ru/media/id/>].

Антонимы, образованные на базе *дружба* с русской приставкой *не-* или иноязычной *анти-*, на самом деле не обозначают вражду, а, скорее, тоже обозначают негативно-оцениваемую дружбу, неполноценную или неправильную в каком-либо отношении, с точки зрения говорящего:

Недружба. Почему иметь друзей стало так сложно? Кому быть хорошим другом — им или себе? [URL: <https://podcasts.google.com/feed/>];

Женская антидружба. Наринэ Владимировна. Издавна говорилось, что человек — как существо несовершенное не проходит искушение деньгами и властью [URL: <https://proza.ru>].

Подобные случаи соотносятся с такими, выявленными ранее когнитивными признаками для концептуального блока (слота) I «дружба как чувство ↔ отношение», как 1.11 'Неискреннее, ненастоящее чувство расположенности, привязанности (*негат.-оцен., ирон.*)' и 1.12 'Неискренние, ненастоящие отношения между кем-л., основанные на чувстве взаимной привязанности, духовной близости, общности интересов (*негат.-оцен., ирон.*)'.

В сложных словообразовательных новообразованиях на базе *дружба* с постоянным иноязычным первым компонентом певрый компоент конкретизирует область проявления отношений: *Робак и Лагашкин: настоящая мужская кинодружба* [URL: <https://kino.rambler.ru>].

Слова, образованные по этой модели используются, как и дериваты на базе *друг*, для названия фирм или сетевых услуг, а также разного рода рекламных *акций и других мероприятий*:

Перенести карту «Автодружба» в приложение «Кошелёк». Обзор дисконтных карт и программ лояльности [URL: <https://koshelek.app>];

«Аэропорт Сургут» принял участие в акции «Ёлка авиадружбы» — вместе в Новый год!» [URL: <http://www.airport-surgut.ru>].

В этих случаях также используется идея помощи, поддержки, заложенная изначально в концептуальном содержании дружбы. Эксплуатация значимой для русской культуры идеи дружбы является эффективным маркетинговым ходом в нейминге — практике создания названий для компаний и фирм.

Таким образом, анализ новых явлений в языковой репрезентации концепта «дружба» в русском языке на лексическом и словообразовательном уровне показал, что в новообразованиях также отражаются основные когнитивные признаки концепта «дружба», обнаруженные на предыдущих стадиях исследования. Мы выявили расширение сфер приложимости для понятий друга и дружбы, связанное с новой интернет-реальностью современного мира, с компьютерной сферой или областью функционирования социальных сетей.

В основном же в новых явлениях отражены оценочные коннотации неолексем — репрезентантов концепта «дружба», как правило, представлен негативно-оценочный фон для обозначения ненастоящей, неправильной в каком-либо отношении дружбы. Но в любом случае мы видим, что и в наше время дружба переживается как одна из базовых культурных доминант русского мира и как один из важнейших феноменов человеческого существования в целом.

3.2. Особенности текстовой реализации концепта «дружба» в художественном дискурсе

В соответствии с принятой концепцией исследования, на последнем этапе анализа проводится сопоставление особенностей текстовой реализации концепта «дружба» в русской речи и в художественном дискурсе. Подобное сопоставление имеет своей задачей выявить сходства и различия в языковом воплощении данного концепта в нехудожественном и художественном употреблении, обнаружить пути использования художниками слова смыслового и оценочного потенциала концепта «дружбы» в русской культуре и тем самым подтвердить культурную значимость данного концепта. В качестве примера мы выбрали во многом образцовую для русских людей поэтическую речь А.С. Пушкина и некоторых других поэтов «пушкинского круга».

3.2.1. Концепт «дружба» в лицейской лирике А.С. Пушкина

Язык поэзии А.С. Пушкина, который по праву считается олицетворением духа русского народа, является весьма показательным источником для описания особенностей объективации концепта «дружба» в русской культуре.

А.С. Пушкин, образцовый русский поэт, считается создателем русского литературного языка. Тема дружбы занимает достойное место в творчестве Пушкина, ибо этот идеал оставался неизменным для поэта на протяжении всей его жизни. Мы остановили свое внимание на ранней, лицейской лирике А.С. Пушкина, потому что в ней, как нам кажется, концепт «дружба» имеет особое художественное значение. Из 63 стихотворений, написанных в лицейские годы, 33 посвящены дружбе. Источником анализа языкового материала являются тексты А.С. Пушкина, представленные в I томе полного собрания сочинений поэта [Пушкин-I, 1956].

Причиной выбора именно этих поэтических текстов для исследования концепта «дружба» послужило то, что именно в 1811-1817 гг., в годы обучения в Царскосельском лицее, А.С. Пушкин по-настоящему открывает для себя чувство товарищества. Все эти качества воспитал в А.С. Пушкине Царскосельский лицей. Бездушному светскому обществу А.С. Пушкин всегда предпочитал тесный круг друзей.

Мы предположили, что, с одной стороны, в поэзии А.С. Пушкина должно отразиться общеязыковое представление о дружбе, а с другой стороны, его стихи воплощают индивидуальное осмысление этого концепта, которое определяется своеобразием художественной речи вообще и особенностями поэтического мировоззрения А.С. Пушкина в частности. В лицейских стихах А.С. Пушкина мы обнаружили примеры, в которых отражаются первые два выявленных нами когнитивных признака I концептуального блока (слота) «дружба как чувство и дружба как отношение» концепта «дружба»:

1.1 'Чувство взаимной расположенности, привязанности людей друг к другу (= чувство дружбы)':

*Но **дружбою** одною Я ныне вдохновлён, // Мой друг, я счастлив ею* («Городок»);

*Вспомни... и **дружбу** первую и первую любовь* («В альбом Пушкину»);

1.2 'Отношения между кем-л., основанные на взаимной привязанности, духовной близости, общности интересов и т. п. (= отношения, свойственные друзьям)':

*Ты не забудешь **дружбы** нашей, // О Пушкин, ветреный мудрец* («Воспоминание»);

*В любви ли, в **дружбе** обнимает он измену* («Безверие»);

Однако, как и следовало ожидать, концепт «дружба» в поэзии А.С. Пушкина имеет более богатое смысловое наполнение, более развернутое и детальное осмысление. Это связано с особой ценностью дружбы для А.С. Пушкина, представление о которой сформировалась еще в юные годы и сопровождало поэта на протяжении всей его жизни. Согласно принятой ме-

тодике исследования, обогащение концептуального содержания связано с парадигматическими и синтагматическими связями и отношениями слов — репрезентантов концепта, отраженными в текстах.

Парадигматические отношения концепта определяется особенностями контекстной синонимии и антонимии, а также ассоциативных приращений смысла в художественном употреблении слова. Анализ синонимических связей лексемы **дружба** выявил однокорневой синоним **дружество**:

Любовью, дружеством и ленью // Укрытый от забот и бед («Дельви-гу»);

Дни дружества, любви, надежд... («К ней»).

Этот синоним следует признать общеязыковым, потому что в словаре В.И. Даля слово **дружба** толкуется именно через синоним **дружество**: «Дружба — ж. дружество — ср. взаимная привязанность двух или более людей, тесная связь их; с добрым помыслом, бескорыстная, стойкая приязнь, основанная на любви и уважении; тесная связь, основанная на взаимных выгодах» [СД-I, 1999].

Также выявлено контекстуальное синонимическое сближение со словом **любовь**, что можно видеть из этого же примера из стихотворения «Дельви-гу». Это сближение подчеркивается возможностью их взаимозамены: *Мне дружба заменяет умершую любовь*» («***»), а также наличием общего для слов **дружба** и **любовь** контекстуального антонимического противопоставления — со словом **измена**: *В любви ли, в дружбе обнимает он измену* («Безверие»). Ср. также употребление этих двух слов в сопоставительной конструкции: *Пускай мне дружба изменила, // Как изменяла мне любовь* («Ф.Н. Глинке»).

Кроме лексемы **измена**, также отметим в лицейских стихах А.С. Пушкина контекстуальную антонимию **дружбы** и таких слов, как **война**, **неприязнь**, **вражда**. В отличие от слова **измена**, эта антонимия представляется общеязыковой, не обнаруживая никаких индивидуально-авторских приращений

смысла. Также отметим ассоциативное сближение дружбы со такими понятиями, как^

- *молодость*: *Дружба, Грация и Младость // Имениницы у нас («Именины»);*

- *счастье*: *Но дружбою одною Я ныне вдохновлён, Мой друг, я счастлив ею («Городок»);*

- *надежда*: *Дни дружества, любви, надежд... («К ней»).*

Синтагматические связи концепта отражены в моделях типовой сочетаемости лексемы *дружба*. В роли логического субъекта действия слово *дружба* сочетается со следующими глаголами: (1) глаголы отношения: *изменила, заменяет*; (2) глаголы физического действия: *плетёт*; (3) глаголы контакта: *подала (руку)*. Как видно из приведенных выше примеров, со значением действия логического субъекта выступают глаголы прошедшего и настоящего времён. Прилагательные, характеризующие дружбу, немногочисленны, выявлено только одно — *молодая*. Данный факт может свидетельствовать о том, что для А.С. Пушкина в ранний период его творчества концепт «дружба» самодостаточен и не нуждается в уточняющих определениях. Конкретные признаки и оттенки значений понимаются читателем с помощью контекста и использования автором довольно широкого ассоциативного ряда данного слова, а не с помощью использования имен прилагательных, обозначающих признак данного слова.

Согласно принятой методике исследования, обогащение концептуального содержания также связано с особенностями индивидуально-авторской метафоризации и метонимизации. В текстах А.С. Пушкина интересно метонимическое употребление слов *дружба* и *дружество* в собирательном значении 'друзья' (метонимический перенос 'отношения → субъекты отношений'): *Пускай мне дружба изменила, // Как изменяла мне любовь («Ф.Н. Глинке»).*

В этом плане примечателен пример, когда в одном контексте *дружба* означает отношения между друзьями, а *дружество* — совокупность друзей,

т.е. синонимы разводятся по семантике: *Иль дружбе плёл венок, и дружество зевало*» («Шишкову»).

В индивидуально-авторских метафорических употреблениях наше внимание привлекают модели овеществления и одушевления. В контекстах метафорического овеществления дружба предстает как конкретный объект или вещество: *Это веселье не веселит, // Дружбы похмелье грома бежит* («Заздравный кубок»).

Значительно более распространены в текстах А.С. Пушкина контексты одушевленного представления дружбы в качестве живого существа:

*Когда на голос мой унылый // Мне **дружба** руку подала* («Стансы»);
*...и **дружба** молодая венки ему плетёт* («Послание к Юдину»).

Олицетворение дружбы подчеркивается написанием этого слова с прописной буквы. Это означает, что дружба представляется как имя собственное, возможно, сверхъестественного существа (богини, музы и пр.): *Дружба, Грация и Младость // Именинницы у нас* («Именины»).

В целом, сопоставляя смысловое наполнение концепта «дружба» в концептосфере русского языка и в лицейской лирике А.С. Пушкина, мы можем увидеть отражение в лирике А.С. Пушкина таких общеязыковых когнитивных признаков, как 1.1 'Взаимная расположенность, привязанность людей друг к другу (= чувство дружбы)' и 1.2 'Отношения между кем-л., основанные на взаимной привязанности, духовной близости, общности интересов и т. п. (= отношения, свойственные друзьям)'.

К числу специфических, уникальных когнитивных признаков можно отнести следующие индивидуально-авторские приращения смысла:

- (1) дружба — любовь;
- (2) дружба — счастье;
- (3) дружба — надежда;
- (4) дружба — молодость;
- (5) дружба — совокупность друзей;
- (6) дружба — конкретный объект или вещество;

(7) дружба — человеческое существо;

(8) дружба — сверхъестественное существо.

Нетрудно видеть, что последние три смысла (выделены жирным) соотносятся с моделями концептуально-метафорического овеществления и одушевления концепта «дружба» в русском языке, отмеченные нами при анализе синтагматической репрезентации концепта в контекстах неузальной сочетаемости в разделе 2.3.3 главы II. Нами на том этапе исследования были выявлены концептуально-метафорические когнитивные признаки 1.15 'Чувственно воспринимаемый объект, продукт, вещество с особыми свойствами (*метаф.*)' и 1.16 'Одушевленная сущность, человеческое или сверхъестественное существо (*метаф.*)'..

Как видим, индивидуально-авторских когнитивных признаков в четыре раза больше, чем общеязыковых, что позволяет говорить о важности и большой значимости данного концепта в художественной речи А.С. Пушкина, воплощенной в его лицейской лирике.

Мы видим, как в лицейской лирике А.С. Пушкина представление о дружбе олицетворяется, что является вполне обычным стилистическим приемом для поэзии вообще. С философской точки зрения, для А.С. Пушкина дружба — это большая ценность, ее нужно беречь и без нее никак нельзя обойтись. Можно сделать вывод о том, насколько более глубоко и вместе с тем емко концептуальное содержание этого концепта в сознании великого художника. Оно формируется и выражается посредством речевых значений, ассоциаций, контекстуальных синонимов и антонимов, метонимий и метафор. Это подчеркивает богатство языка писателя и выявляет всю сложность его мировосприятия.

Но при этом индивидуально-авторское содержание концепта сохраняет свою преемственность по отношению к общеязыковому представлению о дружбе в русской языковой картине мира, не порывает с традиционным восприятием дружбы, присущим русской культуре в целом.

3.2.2. Концепт «дружба» в лирике поэтов «пушкинского круга»

Мы продолжаем исследование художественной репрезентации концепта «дружба» в русской поэтической речи, начатое нами на материале языка лицейской поэзии А.С. Пушкина в предыдущем разделе 3.2.1 данной главы. Осуществляется сопоставление особенностей языковой реализации концепта «дружба» в русском языке, в языке лицейской поэзии А.С. Пушкина и в художественной речи поэтов «пушкинского круга». Материалом для исследования являются и тексты русских поэтов пушкинского круга — А.А. Дельвига и В.К. Кюхельбекера, лицейских друзей великого русского поэта А.С. Пушкина. Поэтические тексты берутся по изданию «Лирика лицеистов» [Лирика, 1991].

Выявленные при анализе ранней, лицейской лирики А.С. Пушкина индивидуально-авторские приращения смысла, которые можно расценивать как новые когнитивные признаки: (1) дружба — любовь; (2) дружба — счастье; (3) дружба — надежда; (4) дружба — молодость; (5) дружба — совокупность друзей; (6) дружба — конкретный объект / вещество; (7) дружба — человеческое существо; (8) дружба — сверхъестественное существо, — по своему актуальны и для художественной речи А.А. Дельвига и В.К. Кюхельбекера. Можно изначально выдвинуть гипотезу об определенном концептуальном сходстве представлений о дружбе у всех поэтов «пушкинского круга» — эти представления входили в общий фонд самых значимых ценностей для всех представителей лицейского круга.

Концепт «дружба» в художественной речи А.А. Дельвига. Всего проанализировано 46 стихотворений А.А. Дельвига. Выбрано 29 контекстов использования слов *друг (друзья)* и *дружба* и их дериватов. Частотность выбранных для описания лексем (слов и словоформ): *друг* — 22 (из них *друзья* — 10), *дружба* — 5, *дружество* (синоним в одном значении к словоупотреб-

лению *друзья*, в другом — к *дружба*, аналогично результатам анализа лирики А.С. Пушкина выше) — 2.

Итак, в лирике А.А. Дельвига мы также обнаружили примеры, в которых отражаются первые два выявленных нами когнитивных признака концепта «дружба»:

1.1 'Чувство взаимной расположенности, привязанности людей друг к другу (= чувство дружбы)':

*Но все проходчиво в мире, одна непроходчива **дружба*** («Цефиз»);

*И пел, товарищам угодный, Вино и **дружество**...* («В альбом»).

1.2 'Отношения между кем-л., основанные на взаимной привязанности, духовной близости, общности интересов и т. п. (= отношения, свойственные друзьям)': *Кто Палемона с Даметом славнее по **дружбе** примерной? Кто их славнее по чудному дару ...* («Друзья»);

Также представлены в лирике А.А. Дельвига и некоторые индивидуально-авторские когнитивные признаки, зафиксированные нами ранее при анализе лицейской лирики А.С. Пушкина:

(1) дружба — любовь:

*И вы, **друзья**, любили* голос мой («К друзьям»);

*В **друзьях** обман, в любви разуверенье // И яд во всем, чем сердце дорожит* («Вдохновение»);

(2) дружба — счастье:

Славны вы были, друзья Палемон и Дамет! счастливицы! («Друзья»);

*Бог весть куда умчитесь в шуме света // Все вы, **друзья**, все радости мои!* («К друзьям»);

(3) дружба — веселье, праздное времяпрепровождение:

*Сегодня я с вами пирую, **друзья**, // Мой голос ваш хор оглашает!* («Друзья»);

*Мальчик, Феба встретить должно // В торжестве **друзьям** пиров!* («К мальчику»);

(4) дружба — братство (синонимизация *друг* и *брат*): *Простимся, братья! Руку в руку! / Обнимемся в последний раз!* («Лицейская песня»).

Нетрудно заметить, что в целом в лирике А.А. Дельвига выражены общие с лицейской лирикой А.С. Пушкина представления о дружбе и друзьях. В качестве индивидуально-авторской концептуальной составляющей смыслового содержания концепта «дружба» в поэзии А.А. Дельвига можно выделить КП 'продолжение традиций веселого времяпрепровождения, дружеских забав':

*И что ж? ко мне вы, **друзи**, собралися, // Весельчаков бывалых сыновья!* («Романс»);

Друзья, друзья! я Нестор между вами, // По опыту веселый человек; // Я пью давно; пил с вашими отцами... («Романс»).

Концепт «дружба» в художественной речи В.К. Кюхельбекера. Далее мы рассмотрели поэзию В.К. Кюхельбекера. Всего проанализировано 67 стихотворений. Выбрано 49 контекстов использования слов *друг (друзья)* и *дружба* и их дериватов. Частотность выбранных для описания лексем (слов и словоформ): *друг* — 42 (из них *друзья* — 19), *дружба* — 7, *дружество* — 4.

Аналогично и в лирике В.К. Кюхельбекера имеются контексты, в которых отражаются первые два выявленных нами когнитивных признака концепта «дружба»:

1.1 'Чувство взаимной расположенности, привязанности людей друг к другу (= чувство дружбы)': *Он дружбой песнопевца славен* («Ермолову»); *Так,— вот и тот, кого давно уже не стало, // И тот, который жив, но дружбе изменил...* («Послание брату»).

1.2 'Отношения между кем-л., основанные на взаимной привязанности, духовной близости, общности интересов и т. п. (= отношения, свойственные друзьям)':

Союз молодых певцов, и чистый и священный, // Волшебным навыком, судьбою заключенный, // Был дружбой утвержден! («К Пушкину и Дельвигу»);

И ты, его товарищ, Баратынский! // Отечеству драгие имена, // Поэзии и дружеству святыя! («До смерти мне грозила смерти тьма...»).

Также представлены в лирике В.К. Кюхельбекера и некоторые индивидуально-авторские когнитивные признаки, зафиксированные нами ранее при анализе лицейской лирики А.С. Пушкина:

(1) дружба — любовь (в контексте контекстуально антонимического противопоставления словоупотреблений *дружба — любовь*):

Нежно взглянув: // Я чистою дружбой утрату любви, // Бедный! тебе заменю!» — мне говорила она («Элегия»);

Гаснет любовь! и одна дружба от самой зари // До полуночи спутница избранных неба любимцев... («Жизнь»);

(2) дружба — счастье: *Мы никому, друзья, не подвластны душою; в минувшем, // В будущем можем мы жить в сладостной, светлой мечте* («Разлука»);

(3) дружба — веселье, праздное времяпрепровождение: *Друг вина смеется вечно, // Вечно пляшет и поет!* («Бакхическая песнь»);

(4) дружба — братство (синонимизация *друг* и *брат*):

Или радостных объятий // К милым мне не простирать // И к груди дрожащей братий // При свиданье не прижать? («К друзьям, на Рейне»);

А я ужель забыт тобою, // Мой брат по музе, мой Орест? («А.С. Пушкину»);

Ты, о души моей брат! Затерян в толпе равнодушной.. («Элегия»).

(5) На основе КП (4) возникает КП (5) — представление о друзьях как о семье: *Предстаньте мне, друзья, // Пусть созерцает вас душа моя, // Всех вас, Лицея нашего семья!* («Вот, слава богу, я опять спокоен...»).

В поэзии В.К. Кюхельбекера также обнаружены выявленные ранее в лицейской лирике А.С. Пушкина, но не зафиксированные в поэзии А.А. Дельвига контексты метафорического одушевления концепта «дружба». Так, для лексемы *друг* выявлен пример, где неодушевленное абстрактное по-

нятие 'мечта' одушевляется посредством уподобления другу: ... *Природа, — Щедрая Матерь, дала, верного друга — мечту* («К Пушкину»).

Лексема *дружба* также представлена как живое существо: *Но дружбе взор орлиный дан* («Памяти Грибоедова»). Данная метафора отражает представление о проницательности носителя чувства дружбы по отношению к его объекту.

Дружба может осмысляться как сверхъестественное существо, наподобие доброго духа (в генитивной метафоре используется устаревшее в наши дни значение слова *гений* — 'дух'): *И грусть не смеет омрачать // Невинных наслаждений: // Ее от сердца отогнать // Нам послан дружбы Гений!* («Песнь дорожная»).

Нетрудно заметить, что в целом и в поэзии В.К. Кюхельбекера выражены общие с поэзией А.А. Дельвига и А.С. Пушкина представления о дружбе и друзьях. В качестве индивидуально-авторской концептуальной составляющей смыслового содержания концепта «дружба» в поэзии В.К. Кюхельбекера можно выделить перифрастическое наименование Бога как источника поэтического вдохновения с использованием генитивной метафоры на основе слова *друг*: *Было мне умереть, в небо к отцу воспарить, К другу созданий своих, к источнику вечного света!* («Элегия»).

В целом проведенный анализ показал, что и в лицейской лирике А.С. Пушкина, и в лирике поэтов «пушкинского круга» отражаются базовые для концептуального блока (слота) I «дружба как чувство и как отношение» когнитивные признаки концепта «дружба». Также в поэтической речи вполне закономерно отражаются модели овеществления и одушевления концепта «дружба», что показывает значимость этих моделей для художественного дискурса в целом и для русской поэзии первой половины XIX века в частности. Также наш анализ показал определенное сходство и для индивидуально-авторских когнитивных признаков в лицейской лирике А.С. Пушкина, и в лирике поэтов «пушкинского круга». Это такие сближения, как (1) дружба — любовь; (2) дружба — счастье; (3) дружба — надежда; (4) дружба — моло-

дость и т.д. Это свидетельствует о близости художественного метода, поэтической эстетики анализируемых авторов. Различия же в индивидуально-авторских когнитивных признаков в поэзии А.С. Пушкина, А.А. Дельвига и В.К. Кюхельбекера связаны с различиями в их художественной манере, в особенностях поэтического мира авторов.

Основные выводы по главе III

В главе проанализированы особенности текстовой экспликации слов, воплощающих концепт «дружба» в русской речи. Контексты употребления этих слов по данным Национального корпуса русского языка позволили верифицировать все выявленные на предыдущих стадиях комплексного описания концепта 56 когнитивных признаков.

Исследование новых явлений в употреблении слов — репрезентантов концепта «дружба» на лексическом и словообразовательном уровне выявило ряд интересных семантических и коннотативно-оценочных преобразований. Анализ лексических новых явлений обнаружил обогащение смыслового объема концепта за счет расширения сочетаемости. Так, мы обнаружили возможность использовать слово *друг* применительно к неодушевленным объектам — тренажер, велосипед, лес, доллар и пр., а слова *дружественный* и *дружественность* активно используются в языке программирования для обозначения свойств технических устройств и программ. Также мы выявили определенные смысловые и стилистические свойства в русской речи для такого новообразования на базе английского языка, как *френд*, которое функционирует параллельно исконному *друг*, но в специфическом значении 'подписчик на персональной странице в социальных сетях'. Иногда слово *френд* употребляется в одном из значений, свойственных для лексемы *друг*, отражая стилистически сниженный регистр употребления, на фоне положительно-оценочного *друг*.

Анализ новых явлений на словообразовательном уровне выявило своеобразие негативно-оценочного представления о друге и дружбе, когда в иронически-сниженной форме подчеркивается некая чрезмерность дружбы или, напротив, ее несоответствие идеалу, недостаток, ее неправильность в каком-либо отношении. Также анализ неодериватов выявил интересное явление использования сложных словообразовательных новообразований типа *авто-друг* или *электродружба* в нейминге — для создания собственных наименований компаний, предприятий, коммерческих предложений или рекламных мероприятий. В этих случаях создатели коммерческих наименований используют положительный культурный фон и культурную значимость, стоящие за представлениями о дружбе в русской языковой картине мира.

На завершающем этапе анализа были проанализированы особенности текстовой реализации лексем, воплощающих концепт «друг» в русском художественном дискурсе. В качестве образца была взята поэтическая речь лицейской лирики А.С. Пушкина и других поэтов «пушкинского круга» — А.А. Дельвига и В.К. Кюхельбекера.

Проведенный анализ показал, что и в лицейской лирике А.С. Пушкина, и в лирике поэтов «пушкинского круга» отражаются базовые для концептуального блока (слота) I «дружба как чувство и как отношение» когнитивные признаки концепта «дружба». Также в поэтической речи указанных авторов вполне закономерно отражаются модели овеществления и одушевления концепта «дружба», что показывает значимость этих моделей для художественного дискурса в целом и для русской поэзии первой половины XIX века в частности.. На фоне вполне ожидаемых индивидуальных различий, наш анализ показал и определенное сходство индивидуально-авторских когнитивных признаков в лицейской лирике А.С. Пушкина, и в лирике поэтов «пушкинского круга». Это такие сближения, как (1) дружба — любовь; (2) дружба — счастье; (3) дружба — надежда; (4) дружба — молодость и т.д.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В работе реализовано комплексное, лингвокультурологическое и лингвокогнитивное, описание концепта «дружба» в русской языковой картине мира и его языковой объективации в русской речи. Мы получили следующие результаты.

На основе изучения научной и учебно-методической литературы по проблеме была обоснована процедура комплексного анализа концепта на лингвокогнитивной основе применительно к концепту «дружба».

В соответствии с принятой в работе концепцией исследования, на первом этапе описания концепта были рассмотрены особенности бытования понятийной категории «дружба» в экстралингвистическом аспекте. По результатам анализа было показано, что концепт «дружба» имеет фреймовую структуру. Мы установили, что когнитивная модель ситуации «дружба» включает в себя три обязательных концептуальных блока (слота): I 'дружба как интерпретация ситуации (включающий разновидности — дружба как чувство и дружба как отношение), II 'субъект дружбы' и III 'дружба как процесс', один факультативный слот IV 'признак, свойство, качество, характеристика дружбы как чувства / отношения / процесса', а также две импликации: на субъект (положительная оценочная реакция на переживание чувства дружбы или дружеских отношений) и на объект («добрые дела», поступки людей, продиктованные чувством дружбы или дружескими отношениями). Каждый обязательный или факультативный слот, а также импликационные слоты включают в себя комплекс более элементарных понятийных составляющих — отдельно взятых когнитивных признаков концепта.

Далее было исследовано семантическое наполнение концепта «дружба» по данным лексикографических источников (рассматривались базовые репрезентанты концепта — лексемы *дружба*, *друг* и *дружить*). Анализ позволил сформулировать 21 когнитивный признак (соответственно, компонент

«↔ отношения дружбы» — 4 КП, субъектный компонент — 11 КП, процессуальный компонент — 6 КП).

Затем был проведен анализ концепта «дружба» в этимологическом и историко-лингвистическом освещении. Была доказана устойчивая концептуальная связь между понятиями *друг* и *другой*. Было продемонстрировано, что семантика современного русского местоимения-существительного и местоимения-прилагательного *другой* восходит к *друг* в значении 'спутник, товарищ, близкий человек'. Также на этой стадии исследования были выявлены новые когнитивные признаки.

Завершающая стадия первого этапа комплексного описания концепта состояла, согласно принятой концепции исследования, в изучении особенностей фразеологической и паремиологической экспликации концепта «дружба». Анализ фразеологизмов и пословиц позволил верифицировать когнитивные признаки, выявленные ранее на предыдущих стадиях анализа и обнаружить новые когнитивные признаки. Таким образом, на данном этапе анализа совокупный смысловой объем составил уже 38 когнитивных признаков (соответственно, компонент «чувство дружбы ↔ отношения дружбы» — 12 КП, субъектный компонент — 18 КП, процессуальный компонент — 8 КП).

Второй этап предпринятого исследования состоял в выявлении особенностей языковой экспликации концепта «дружба», которая, согласно принятой концепции исследования, заключается в рассмотрении словообразовательных, парадигматических и синтагматических связей и отношений слов — репрезентантов концепта.

Анализ деривационной репрезентации концепта, т.е. семантики производных слов в составе словообразовательного гнезда с вершиной *друг*, показал, что данное гнездо отличается разветвленной структурой с богатыми и разнообразными словообразовательными связями и включает 53 слова (52 деривата разной степени производности). Уже этот факт свидетельствует о значительной степени культурной разработанности данного понятия в языке. На основе анализа было выявлено еще 5 когнитивных признаков, а также бы-

ла обоснована возможность реального семантического заполнения слота IV «признак, свойство, качество, характеристика дружбы как чувства / отношения», который на предыдущих стадиях исследования характеризовался как необязательный, факультативный в структуре когнитивной ситуации — фрейма «дружба». Состав этого блока сформировали 9 когнитивных признаков.

Анализ парадигматических связей и отношений заключался в описании языковых и концептуальных синонимических и антонимических отношений между словами — репрезентантами концепта «дружба». На этом уровне анализа был выявлен только один новый когнитивный признак в концептуальном блоке (слоте) II «субъекты дружбы». Это КП 2.21. 'Единомышленник; человек одинаковых с кем-л. взглядов, мыслей, убеждений'.

Анализ синтагматической репрезентации концепта способствовал выявлению нового когнитивного признака для концептуального блока (слота) III «дружба как процесс». Это КП 3.10 'Объединяться на почве общей вражды к кому-, чему-л. (*шутл.-ирон.*)'. Также в результате анализа неузуальных контекстов употребления слова *дружба* в моделях концептуально-метафорических преобразований по линии овеществления и одушевления мы выявили новые когнитивные признаки для слота I «дружба как чувство и как отношение»: КП 1.15 'чувственно воспринимаемый объект, продукт, вещество с особыми свойствами (*метаф.*)' и 1.16 'одушевленная сущность, человеческое или сверхъестественное существо (*метаф.*)'.

Таким образом, совокупный смысловой объем концепта составил 56 когнитивных признаков (соответственно, компонент «чувство дружбы ↔ отношения дружбы» — 16 КП, субъектный компонент — 21 КП, процессуальный компонент — 10 КП, новый, признаковый компонент — 9 КП).

На третьем, заключительном этапе, согласно принятой концепции комплексного описания концепта, были исследованы рефлексy речевой реализации слов — репрезентантов концепта «дружба».

Анализ контекстов употребления слов — репрезентантов концепта

«дружба», извлеченных из Национального корпуса русского языка, подтвердил реальность обнаруженных на предыдущих этапах анализа 56 когнитивных признаков концепта в речевой практике носителей русского языка.

Далее, согласно принятой концепции исследования, были рассмотрены новые явления в образовании и функционировании лексем, воплощающих концепт «дружба», в современной русской речи на лексическом и словообразовательном уровне. В целом результаты анализа продемонстрировали, что и в наше время дружба переживается как одна из базовых культурных доминант русского мира и как один из важнейших феноменов человеческого существования в целом.

Мы показали, что новые явления в лексической объективации концепта «дружба» связаны с расширением сферы приложимости этого концепта и проявляются в процессах семантического расширения слов — репрезентантов концепта или в процессах семантической деривации (лексемы *друг* и *дружественный* могут обозначать неодушевленные объекты и свойства неодушевленных объектов, связанные с новой интернет-реальностью), а также в образовании неолексем на базе английского языка (*френд* и производные от этого слова).

Анализ новых явлений на словообразовательном уровне засвидетельствовал, что они отражают своеобразие современного негативно-оценочного представления о друге и дружбе, когда в иронически-сниженной форме подчеркивается некая чрезмерность дружбы или, напротив, ее несоответствие идеалу, недостаток, ее неправильность в каком-либо отношении. Также исследование показало использование сложных словообразовательных новообразований типа *автодруг* или *электродружба* в нейминге — для создания собственных наименований компаний, предприятий, коммерческих предложений или рекламных мероприятий. Мы установили, что в этих случаях создатели коммерческих наименований используют положительный культурный фон и культурную значимость, стоящие за представлениями о дружбе в русской языковой картине мира.

В соответствии с принятой концепцией исследования, на завершающей стадии комплексного описания концепта «дружба» были проанализированы особенности текстовой реализации лексем, воплощающих концепт «друг» в русском художественном дискурсе. В качестве образца была взята поэтическая речь лицейской лирики А.С. Пушкина и других поэтов «пушкинского круга» — А.А. Дельвига и В.К. Кюхельбекера.

Проведенный анализ показал, что и в лицейской лирике А.С. Пушкина, и в лирике поэтов «пушкинского круга» отражаются базовые для концептуального блока (слота) I «дружба как чувство и как отношение» когнитивные признаки концепта «дружба». Также в поэтической речи вполне закономерно отражаются модели овеществления и одушевления концепта «дружба», что показывает значимость этих моделей для художественного дискурса в целом и для русской поэзии первой половины XIX века в частности. Также наш анализ показал определенное сходство и для индивидуально-авторских когнитивных признаков в лицейской лирике А.С. Пушкина, и в лирике поэтов «пушкинского круга». Это такие сближения, как (1) дружба — любовь; (2) дружба — счастье; (3) дружба — надежда; (4) дружба — молодость и т.д. Это свидетельствует о близости художественного метода, поэтической эстетики анализируемых авторов. Различия же в индивидуально-авторских когнитивных признаков в поэзии А.С. Пушкина, А.А. Дельвига и В.К. Кюхельбекера связаны с различиями в их художественной манере, в особенностях поэтического мира авторов.

Исследование подобного рода не может исчерпать все смысловое и ценностное разнообразие представлений о дружбе в мировой и отечественной культуре. Это позволяет наметить перспективы для дальнейшего исследования, которые состоят в дополнении и расширении предмета анализа посредством сопоставительного лингвокультурологического описания концепта «дружба» в русской лингвокультуре в сравнении с другими лингвокультурами, например, с турецкой.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Источники

1. Лирика 1991 — Лирика лицеистов [Текст] / Вступ. ст., сост. и примеч. А. Утренева. — М.: Художественная литература, 1991. — 132 с.
2. НКРЯ — Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. — URL: [http:// www.ruscorpora.ru](http://www.ruscorpora.ru)
3. ПРН 2000— *Даль, В.И.* Пословицы русского народа [Текст] / В.И. Даль. — М.: Изд-во Эксмо-Пресс. Изд-во ННН, 2000. — 616 с.
4. Пушкин-I 1956 — *Пушкин, А.С.* Собр.сочинений: В 10 томах [Текст] / А.С. Пушкин. — М.: Художественная литература, 1956—1960. — Т.I. — 1956. — 536 с.

Научная и научно-методическая литература

5. Алексеев, Панин 2003 — *Алексеев, П.В., Панин, А.В.* Философия: Учебник. — 3-е изд., перераб. и доп. [Текст] / П.В. Алексеев, А.В. Панин. — М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2003. — 608 с.
6. Алефиренко 1993 — *Алефиренко, Н.Ф.* Фразеология в системе современного русского языка [Текст] / Н.Ф. Алефиренко. — Волгоград: Перемена, 1993. — 149 с.
7. Алефиренко 2003 — *Алефиренко, Н.Ф.* Проблема вербализации концепта: Теоретическое исследование [Текст] / Н.Ф. Алефиренко. — Волгоград: Перемена, 2003. — 96 с.
8. Алефиренко, Семененко 2009 — *Алефиренко, Н.Ф., Семененко, Н.Н.* Фразеология и паремиология [Текст] / Н.Ф. Алефиренко, Н.Н. Семененко. — М.: Флинта. Наука, 2009. — 344 с.

9. Алпатов 1993 — *Алпатов, В.М.* О системоцентричном и антропоцентричном подходах к языку [Текст] / В.М. Алпатов // Вопросы языкознания. — 1993. — № 3. — С. 15—26.
10. Антология концептов 2007 — Антология концептов: В двух томах [Текст] / Под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. — М.: Гнозис, 2007. — Т. 1. — 512 с.
11. Апресян 1986 — *Апресян, Ю.Д.* Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира [Текст] / Ю.Д. Апресян // Семиотика и информатика: Сб. науч. статей. — М., 1986. — Вып. 28. — С. 5—33.
12. Апресян 1995 — *Апресян, Ю.Д.* Избранные труды. — Т.2. Интегральное описание языка [Текст] / Ю.Д. Апресян. — М.: Языки русской культуры, 1995. — 766с.
13. Арапова 242 — *Арапова, О.А.* Концепт «Дружба»: системный и функционально-когнитивный анализ: Дисс....канд. филол. наук: 10.02.01 [Текст] / О.А. Арапова; Башкирский гос. ун-т. — Уфа, 2004. — 242 с.
14. Арапова, Гайсина 2005 — *Арапова, О.А., Гайсина, Р.М.* Дружба [Текст] / О.А. Арапова, Р.М. Гайсина // Антология концептов: В двух томах / Под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. — Том I. — Волгоград: Парадигма, 2005. — С. 58-79.
15. Ару 2020 — *Ару, Адем.* Концепт «дружба» в русской языковой картине мира: историко-этимологический аспект [Текст] / Адем Ару // Вопросы филологии и переводоведения: направления и перспективы современных исследований: сборник научных статей / Чуваш. гос. пед. ун-т ; отв. ред. Н.В. Кормилина, Н.Ю. Шугаева. — Чебоксары: Чуваш. гос. пед. ун-т, 2020. — 460 с. — С. 76–81.
16. Ару 2021 — *Ару, Адем.* Языковая репрезентация концепта «дружба» в лексико-семантической системе русского языка (по данным лексикографических источников) [Текст] / Адем Ару // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. — 2021. — № 1. — С. 187–192.

17. Арутюнова 1988 — *Арутюнова, Н.Д.* Типы языковых значений: Оценка, событие, факт [Текст] / Н.Д. Арутюнова. — М.: Наука, 1988. — 341 с.
18. Арутюнова 1990 — *Арутюнова, Н.Д.* От редактора: Вступительная статья [Текст] / Н.Д. Арутюнова // Логический анализ языка: Культурные концепты: Сб. научн. трудов / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова; ИЯ АН СССР. — М.: Наука, 1991. — С. 3–5.
19. Арутюнова 1999 — *Арутюнова, Н.Д.* Язык и мир человека [Текст] / Н.Д. Арутюнова. — М.: Языки русской культуры, 1999. — 896 с.
20. Архипов 2001 — *Архипов, И.К.* Концептуализация, категоризация, текст, дискурс. Основные теоретические понятия [Текст] / И.К. Архипов // Филология и культура: Материалы III международной научной конференции. — Часть I. — Тамбов: ТГУ, 2001. — С. 13-15.
21. Аскольдов 1997 — *Аскольдов, С.А.* Концепт и слово [Текст] / С.А. Аскольдов // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста: Антология. / Под ред. В.Н. Нерознака. — М.: Academia, 1997. — С. 267-280.
22. Бабушкин 1996 — *Бабушкин, А.П.* Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка [Текст] / А.П. Бабушкин. — Воронеж: ВорГУ, 1996. — 104 с.
23. Бабушкин 1998 — *Бабушкин, А.П.* Концептуальные типы значений [Текст] / А.П. Бабушкин // Контрастивные исследования лексики и фразеологии русского языка: Сб.научн.трудов. — Воронеж: ВорГУ, 1996. — С. 14-18.
24. Баранов, Добровольский 1997 — *Баранов, А.Н., Добровольский Д.О.* Постулаты когнитивной лингвистики [Текст] / А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский // Изв. РАН. — СЛЯ. — 1997. — №1. — С. 11-21.
25. Баранов, Добровольский 1997 — *Баранов, А.Н., Добровольский, Д.О.* Аспекты теории фразеологии [Текст] / А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский. — М.: Языки славянской культуры, 2008. — 657 с.

26. Безуглая 2017 — *Безуглая, А.* Лингвокультурологический анализ концепта «дружба» в русском языке: паремиологический и ассоциативный аспекты [Текст] / А. Безуглая // *Acta Universitatis Wratislaviensis*. — № 3773: *Slavica Wratislaviensia* CLXIV. — Wrocław, 2017. — С. 161–175.
27. Бенвенист 1974 — *Бенвенист, Э.* Общая лингвистика: Пер. с франц. [Текст] / Э. Бенвенист. — М.: Прогресс, 1974. — 448 с.
28. Бисемалиева 2020 — *Бисемалиева, В.М.* Концепт «дружба» в русской языковой картине мира [Текст] / В.М. Бисемалиева // *Электронный научный журнал*. — 2020. — № 7 (36). — С. 41–47.
29. Болдырев 1998 — *Болдырев, Н.Н.* Категоризация событий и специфика национального сознания [Текст] / Н.Н. Болдырев // *Язык и национальное сознание: Сб. статей*. — Вып. 1. — Воронеж: Истоки, 1998. — С. 29–30.
30. Болдырев 2001 — *Болдырев, Н.Н.* Когнитивная семантика: Курс лекций по английской филологии: Учебное пособие [Текст] / Н.Н. Болдырев. — Тамбов: ТГУ, 2001. — 124с.
31. Болдырев 2004 — *Болдырев, Н.Н.* Концептуальное пространство когнитивной лингвистики [Текст] / Н.Н. Болдырев // *Вопросы когнитивной лингвистики*. — 2004. — №1. — С. 18–39.
32. Борискина, Кретов 2003 — *Борискина, О.О.* Теория языковой категоризации. Национальное языковое сознание сквозь призму криптокласса [Текст] / О.О. Борискина, А.А. Кретов. — Воронеж, 2003.
33. Будагов 1974 — *Будагов, Р.А.* Человек и его язык [Текст] / Р.А. Будагов. — М.: Наука, 1976. — 133 с.
34. Булыгина, Шмелев 1997 — *Булыгина, Т.В.* Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики) [Текст] / Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелев. — М.: Языки русской культуры, 1997. — 574 с.
35. Вайсгербер 2004 — *Вайсгербер, Й.-Л.* Родной язык и формирование духа народа. — Изд. 2-е, испр. и доп. [Текст] / Л. Вайсгербер. — М.: Едиториал УРСС, 2004. — 232 с.
36. Введение в когнитивную лингвистику [Текст] / Под ред. М. В. Пимено-

- вой. — Вып. 4 — Кемерово: ИПК «Графика», 2004. — 210 с.
37. Вежбицкая 1997 — *Вежбицкая, А.* Язык. Культура. Познание [Текст] / Отв. ред. и сост. М.А. Кронгауз / А. Вежбицкая. — М.: Русские словари, 1997. — 412 с.
38. Вежбицкая 2001 — *Вежбицкая, А.* Понимание культур через посредство ключевых слов [Текст] / А. Вежбицкая: Пер. с англ. А.Д. Шмелева. — М.: Языки славянской культуры, 2001. — 288 с.
39. Верещагин, Костомаров 2000 — *Верещагин, Е.М.* Дом бытия языка. В поисках новых путей развития лингвострановедения: концепция лого-эпистемы [Текст] / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. — М.: Икар, 2000. — 312с.
40. Виноградов 1977 — *Виноградов, В.В.* Об основных типах фразеологических единиц в русском языке [Текст] / В.В. Виноградов // Виноградов В.В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. — М.: Наука, 1977. — С. 140-161.
41. Воркачев 2001 — *Воркачев, С.Г.* Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в сознании [Текст] / С.Г. Воркачев // Филологические науки. — 2001. — № 1. — С. 64-72.
42. Воркачев 2005 — *Воркачев, С.Г.* Постулаты лингвоконцептологии [Текст] / С.Г. Воркачев // Антология концептов / Под ред. В.И. Карасика и И. А. Стернина. — Т. I. — Волгоград: Парадигма, 2005. — С. 10-15.
43. Воробьев 1997 — *Воробьев, В.В.* Лингвокультурология (теория и методы): монография [Текст] / В.В. Воробьев. — М.: Издательство Российского Университета дружбы народов, 1997. — 331 с.
44. Гаспаров 1996 — *Гаспаров, Б.М.* Язык. Память. Образ. Лингвистика языкового существования [Текст] / Б.М. Гаспаров. — М.: Новое Литературное Обозрение, 1996. — 352 с.
45. Гачев 1989 — *Гачев, Г.Д.* Национальные образы мира [Текст] / Г.Д. Гачев. — М.: Искусство, 1989. — 368 с.

46. Горшкова, Ручина 2002 — *Горшкова, Т.М., Ручина, Л.И.* Методические указания по составлению словаря русского фольклора. Методическое пособие для студентов-филологов [Текст] / Т.М.Горшкова, Л.И.Ручина, — Н.Новгород: ННГУ, 2002. — 15 с.
47. Горшкова, Ручина 2011 — *Горшкова, Т.В., Ручина, Л.И.* Словарь комбинированного типа как способ лексикографического описания концептосферы русской народной сказки [Текст]/ Т.М. Горшкова, Л.И. Ручина// Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. — 2011. — № 6-2. — С. 130-135.
48. Гумбольдт 1984 — *Гумбольдт, В. фон.* Избранные труды по языкознанию [Текст] / В. фон Гумбольдт; Пер. с нем. под ред. и с пред. Г.В. Рамшвили. — М: Наука, 1984. — 398 с.
49. Гусева 2008 — *Гусева, Е.А.* Лингвокогнитивное моделирование как понятие и явление [Текст] / Е.А. Гусева // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2008. — № 2. — С. 126-131.
50. Далян 2013 — *Далян, Н.Е.* Конструирование русской языковой картины мира на концептуально-языковом уровне (в рамках кросс-культурной коммуникации) [Текст] / Н.Е. Далян // Русский язык за рубежом. — 2013. — № 5 (240). — С. 40–46.
51. Дейк 1989 — *Дейк, Т.А. ван.* Язык. Познание. Коммуникация: Сб. работ [Текст] / Т.А. ван Дейк. — М.: БГК Им. И. А. Бодуэна Де Куртенэ, 1989. — 310 с.
52. Демьянков 1994 — *Демьянков, В.З.* Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода [Текст] / В.З. Демьянков // Вопросы языкознания. — 1994. — № 4. — С. 17-33.
53. Демьянков 1995 — *Демьянков, В.З.* Доминирующие лингвистические теории в конце XX века [Текст] / В.З. Демьянков // Язык и наука конца 20 века: кол. мон. — М.: Институт языкознания РАН, 1995. — С.239-320.
54. Дмитриева 1996 — *Дмитриева, О. А.* Об этнокультурной специфике пословиц и афоризмов [Текст] / О.А. Дмитриева // Языковая личность:

- культурные концепты: Сб. научн. трудов. — Волгоград–Архангельск: Перемена, 1996. — С. 67–74.
55. Жинкин 1982 — *Жинкин, Н.И.* Речь как проводник информации [Текст] / Н.И. Жинкин. — М.: Наука, 1982. — 156 с.
56. Жинкин 1998 — *Жинкин, Н.И.* Избранные труды. Язык. Речь. Творчество [Текст] / Н.И. Жинкин. — М.: Лабиринт, 1998. — 364 с.
57. Залевская 1996 — *Залевская, А.А.* Психолингвистика: пути, итоги, перспективы [Текст] / А.А. Залевская // Вопросы языкознания. — 1998. — № 6. — С. 81—94.
58. Залевская 2001 — *Залевская, А.А.* Психолингвистический подход к проблеме концепта [Текст] / А.А. Залевская // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: Научное издание / Под ред. И.А. Стернина. — Воронеж: Изд-во ВГУ, 2001. — С. 36-44.
59. Залевская 2003 — *Залевская, А.А.* Языковое сознание: вопросы теории [Текст] / А.А. Залевская // Вопросы психолингвистики. — 2003. — № 1. — С. 30-35.
60. Зализняк 2006 — *Зализняк, Анна А.* Многозначность в языке и способы ее представления [Текст] / А.А. Зализняк. — М.: Языки славянских культур, 2006. — 672 с.
61. Зализняк и др. 2005 — *Зализняк, А.А.* Ключевые идеи русской языковой картины мира: Сб. ст. [Текст] / А.А. Зализняк, И.Б. Левонтина, А.Д. Шмелев. — М.: Языки славянской культуры, 2005. — 544 с.
62. Земская 1992 — *Земская, Е.А.* Словообразование как деятельность [Текст] / Е.А. Земская. — М.: Высшая школа, 1992. — 220 с.
63. Зусман, Кирнозе 2003 — *Зусман, В.Г., Кирнозе, З.И.* Национальный культурный мир как концептосфера [Текст] / В.Г. Зусман, З.И. Кирнозе // Язык. Культурные концепты: Межвуз. сб. научн. трудов. — Нижний Новгород: Изд-во НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2003. — С. 85–90.
64. Иванов 1962 — *Иванов, В.В.* Язык в сопоставлении с другими средствами передачи и хранения информации» [Текст] / В.В. Иванов // Приклад-

- ная лингвистика и машинный перевод: Сборник статей. — Киев: КГУ, 1962. — С. 104-116.
65. Иванов 1978 — *Иванов, Вяч. Вс.* Чет и нечет: Асимметрия мозга и знаковых систем [Текст] / В.В. Иванов. — М.: Сов. радио, 1978. — 184 с.
66. Иванова 2006 — *Иванова, Е. В.* Мир в английских и русских пословицах: учеб. пособие [Текст] / Е. В. Иванова. — М.: Филологический факультет СПбГУ: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2006. — 278 с.
67. Карасик 1996 — *Карасик, В.И.* Культурные доминанты в языке [Текст] / В.И. Карасик // Языковая личность: культурные концепты: Сб. научн. трудов. — Волгоград-Архангельск: ВГУ, 1996. — С. 3–16.
68. Карасик 2001 — *Карасик, В.И.* О категориях лингвокультурологии [Текст] / В.И. Карасик // Языковая личность: проблемы коммуникативной деятельности: Сб. науч. трудов / ВГПУ. — Волгоград: Перемена, 2001. — С. 3-16.
69. Карасик 2002 — *Карасик, В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс: монография [Текст] / В.И. Карасик; ВГПУ. — Волгоград: Перемена, 2002. — 477 с.
70. Карасик, Прохвачева и др. 2007 — *Карасик, В.И.* Иная ментальность [Текст] / В.И. Карасик, О.Г. Прохвачева, Я.В. Зубкова, Э.В. Грабарова. — М.: Гнозис, 2007. — 352 с.
71. Карасик, Слышкин 2005 — *Карасик, В.И.* Базовые характеристики лингвокультурных концептов [Текст] / В.И. Карасик, Г.Г. Слышкин // Антология концептов / Под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. — Т. 1. — Волгоград: Перемена, 2005. — С. 13-15.
72. Караулов 1987 — *Караулов, Ю.Н.* Русский язык и языковая личность [Текст] / Ю.Н. Караулов. — М.: Наука, 1987. — 264 с.
73. Караулов 2000 — *Караулов, Ю.Н.* Семантический гештальт ассоциативного поля и образы сознания [Текст] / Ю.Н. Караулов // Языковое сознание. Содержание и функционирование: XIII Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации: Сб. статей под редакцией

- Н. В. Уфимцевой. — М.: Институт языкознания РАН, 2000. — С. 107-109.
74. Картина мира 2002 — Картина мира: модели, методы, концепты: Материалы Всероссийской междисциплинарной школы молодых ученых «Картина мира: язык, философия, наука» (1-3 ноября 2001 года) [Текст] / Под общей редакцией профессора З.И. Резановой. — Томск: Издание ТГУ, 2002. — 324 с.
75. Касевич 1988 — *Касевич, В.Б.* Семантика. Синтаксис. Морфология [Текст] / В.Б. Касевич. — М.: Наука, 1988. — 237 с.
76. Касевич 1996 — *Касевич, В.Б.* Буддизм. Картина мира. Язык [Текст] / В.Б. Касевич. — СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1996. — 288 с.
77. Клименко 1970 — *Клименко, А.П.* Вопросы психолингвистического изучения семантики [Текст] / А.П. Клименко. — Минск: Вышейш. школа, 1970. — 206 с.
78. Ковшова 2013 — *Ковшова, М. Л.* Лингвокультурологический метод во фразеологии : Коды культуры [Текст] / М. Л. Ковшова. — М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. — 456 с.
79. Колесов 1993 — *Колесов, В.В.* Отражение русского менталитета в слове [Текст] / В.В. Колесов// Человек в зеркале наук: Труды методологического семинара «Человек». Межвузовский сборник. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1993. — С. 107—112.
80. Колесов 1995 — *Колесов, В.В.* Ментальные характеристики русского слова в языке и философской интуиции [Текст] / В.В. Колесов // Язык и этнический менталитет. Сб. науч. тр. — Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского ун-та, 1995. — С. 13-18.
81. Колесов 1999 — *Колесов, В.В.* Жизнь происходит от слова... [Текст] / В.В. Колесов. — СПб.: Златоуст, 1999. — 320 с.
82. Колесов 2002 — *Колесов, В.В.* Философия русского слова [Текст] / В.В. Колесов. — СПб.: Юна, 2002. — 448 с.

83. Колесов 2004 — *Колесов, В.В.* Язык и ментальность [Текст] / В.В. Колесов. — СПб.: Петербургское востоковедение, 2004. — 237 с.
84. Колесов 2006 — *Колесов, В.В.* Русская ментальность в языке и тексте [Текст] / В.В. Колесов. — СПб.: Петербургское востоковедение, 2006. — 624 с.
85. Кон 2005 — *Кон, И.С.* Дружба [Текст] / И.С. Кон. — 4-е изд., доп. — СПб.: Питер, 2005. — 330 с.
86. Коняева 2015 — *Коняева, Е.В.* Модификаты концепта "Дружба" в русском языке конца XX – начала XXI вв. : Автореферат дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.01 [Текст] / Е.В. Коняева; УрФУ. — Екатеринбург, 2015. — 24 с.
87. Копыленко, Попова 1978 — *Копыленко, М.М., Попова, З.Д.* Очерки по общей фразеологии [Текст] / М.М. Копыленко, З.Д. Попова. — Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1978. — 143 с.
88. Корнилов 2003 — *Корнилов, О.А.* Языковые картины мира как производные национального менталитета. — 2-е изд., испр. и доп. [Текст] / О.А. Корнилов. — М.: ЧеРо, 2003. — 349 с.
89. Красных 2000 — *Красных, В.В.* Строение языкового сознания: фрейм-структуры [Текст] / В.В. Красных // Когнитивная семантика. — Ч. 1. — Тамбов: ТГУ, 2000. — С. 53-55.
90. Красных 2002 — *Красных, В.В.* Этнопсихолингвистика и лингвокультурология: Курс лекций [Текст] / В.В. Красных. — М.: ИТДГК «Гнозис», 2002. — 284 с.
91. Крючкова 2005 — *Крючкова, Н.В.* Лингвокультурное варьирование концептов [Текст] / Н.В. Крючкова. — Саратов: СГУ, 2005. — 165 с.
92. Кубрякова 1992 — *Кубрякова, Е.С.* Проблемы представления знаний в современной науке и роль лингвистики в решении этих проблем [Текст] / Е.С. Кубрякова // Язык и структуры представления знаний: Сб.ст. — М.: Наука, 1992. — С.4-38.

93. Кубрякова 1994 — *Кубрякова, Е.С.* Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика — психология — когнитивная наука [Текст] / Е.С. Кубрякова // Вопросы языкознания. — 1994. — № 4. — С. 26-34.
94. Кубрякова 1999 — *Кубрякова, Е.С.* Языковое сознание и языковая картина мира [Текст] / Е.С. Кубрякова // Филология и культура: Материалы межвузовской конференции: Ч. III. — Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 1999. — С. 6-13.
95. Кубрякова 2004 — *Кубрякова, Е.С.* Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира [Текст] / Е.С. Кубрякова / Рос. академия наук / Ин-т языкознания. — М.: Языки славянской культуры, 2004. — 560 с.
96. Кузлякин 2005 — *Кузлякин, С.В.* Проблема создания концептуальной модели в лингвистических исследованиях [Текст] / С.В. Кузлякин // Русистика и современность. — Т.1. Лингвокультурология и межкультурная коммуникация. — СПб: РГПУ им.А.И.Герцена, 2005. — С. 136-141.
97. Кузнецов 2000 — *Кузнецов, А.М.* Некоторые теоретические проблемы семантики последних десятилетий [Текст] / А.М. Кузнецов // Лингвистические исследования в конце XX века: Сборник обзоров / РАН. ИНИОН. — М.: ИНИОН РАН, 2000. — С. 173-185.
98. Кузнецов 2000 — *Кузнецов, А.М.* Проблемы компонентного анализа в лексике: Науч.-аналит. Обзор [Текст] / А.М. Кузнецов. — М.: ИНИОН АН СССР, 1980. — 58 с.
99. Кустова 2000 — *Кустова, Г.И.* Когнитивные модели в семантической деривации и система производных значений [Текст] / Г.И. Кустова // Вопросы языкознания. — 2000. — № 4. — С.85—109.
100. Кустова 2004 — *Кустова, Г.И.* Типы производных значений и механизмы языкового расширения [Текст] / Г.И. Кустова. — М.: Языки славянской культуры, 2004 — 472 с.
101. Лакофф 2004 — *Лакофф, Дж.* Женщины, огонь и опасные вещи. Что категории языка говорят нам о мышлении [Текст] / Дж. Лакофф; Пер. с

- англ. И.Б. Шатуновского. — М.: Языки славянской культуры, 2004. — 792 с. — (Язык. Семиотика. Культура.)
102. Лакофф, Джонсон 2004 — *Лакофф, Дж.* Метафоры, которыми мы живем: Пер. с англ. [Текст] / Дж. Лакофф, М. Джонсон. — М.: Едиториал, 2004. — 256 с.
103. Леонтьев А.А. 1997 — *Леонтьев, А.А.* Основы психолингвистики: Учебное пособие [Текст] / А.А. Леонтьев. — М.: Смысл, 1997. — 287 с.
104. Леонтьев А.Н. 1975 — *Леонтьев, А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность [Текст] / А.Н. Леонтьев. — М.: Политиздат, 1975. — 110 с.
105. Лихачев 1987 — *Лихачев, Д.С.* Избранные работы в 3-х т. Т. 2: Великое наследие. Смех в Древней Руси. Заметки о русском. — Л.: Художественная литература, 1987. — 493 с.
106. Лихачев 1997 — *Лихачёв, Д.С.* Концептосфера русского языка [Текст] / Д.С. Лихачев // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста: Антология. — М.: Academia, 1997. — С. 280—287.
107. Лопатин 1997 — Лопатин, В.В. Аффиксоид [Текст] / В.В. Лопатин // Русский язык. Энциклопедия / под ред. Ю. Н. Караулова. — М.: Дрофа, 1997. — С. 42–44.
108. Лосев 1982 — *Лосев, А.Ф.* Знак. Символ. Миф: Труды по языкознанию [Текст] / А.Ф. Лосев. — М.: Изд-во МГУ, 1982. — 480 с.
109. Лотман 1994 — *Лотман, Ю.М.* Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII — начало XIX века) [Текст] / Ю.М. Лотман. — СПб.: Искусство, 1994. — 413 с.
110. Лотман, Успенский 1971 — *Лотман, Ю.М.* О семиотическом механизме культуры [Текст] / Ю.М. Лотман, Б.М. Успенский // Труды по знаковым системам: Ученые записки Тартуского государственного университета. Вып V. 284. — Тарту: ТГУ, 1971. — С. 144–167.
111. Лунцова 2007 — *Лунцова, О.М.* Градиент-концепт дружба-мир-вражда в русской и английской лингвокультурах (на материале лексики и фра-

- зеологии): 10.02.20 [Текст] / О.М. Лунцова; Магн.ГУ. — Магнитогорск, 2007. — 260 с.
112. Лурия 1979 — *Лурия, А.Р.* Язык и сознание [Текст] / А.Р. Лурия. — М.:Изд-во Моск. ун-та, 1979. — 320 с.
113. Ляпин 1997 — *Ляпин, С.Х.* Концептология: К становлению подхода [Текст] / С.Х. Ляпин // Концепты. Научные труды Центроконцепта. Вып. 2. — Архангельск, 1997. — С. 11-35.
114. Макарова 2019 — *Макарова, В.В.* Скажи мне, кто твой друг: концепт друг в современном русском медиадискурсе (на материале НКРЯ 2014 г.) [Текст] / В. В. Макарова // Исследовательский журнал русского языка и литературы. — 2019. — Т. 13. — С. 135–153. — DOI: <https://doi.org/10.29252/iarll.13.135>
115. Маковский 1995 — *Маковский, М.М.* У истоков человеческого языка [Текст] / М.М. Маковский. — М, Высшая школа, 1995. — 157 с.
116. Маслова 2001 — *Маслова, В.А.* Лингвокультурология. Учебное пособие [Текст] / В.А. Маслова. — М.: Academia, 2001. — 202 с.
117. Маслова 2006 — *Маслова, В.А.* Введение в когнитивную лингвистику: Учебное пособие [Текст] / В.А. Маслова. — М: Флинта, Наука, 2006. — 294 с.
118. Методические указания 2002 — Методические указания по составлению словаря концептов русского фольклора: Методическое пособие для студентов-филологов [Текст] / Составители: доцент Т.М. Горшкова, доцент Л.И. Ручина. — Н. Новгород: ННГУ, 2002. — 24 с.
119. Методологические проблемы 2001 — Методологические проблемы когнитивной лингвистики: Научное издание [Текст] / Под ред. И.А. Стернина. — Воронеж: Изд-во ВГУ, 2001. — 182 с.
120. Мечковская 2004 — *Мечковская, Н.Б.* Семиотика: Язык. Природа. Культура: Курс лекций [Текст] / Н.Б. Мечковская. — М.: Издательский центр «Академия», 2004. — 432 с.

121. Мокиенко 1990 — *Мокиенко, В.М.* Загадки русской фразеологии [Текст] / В.М. Мокиенко. — М.: Высшая школа, 1990. — 264 с.
122. Мурзин 2010 — *Мурзин, Ю.П.* Макрополе метафорических моделей живое, профилирующих концепт guerra [Текст] / Ю.П. Мурзин // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. — 2010. — № 14. — С. 58–69.
123. Найда 1962 — *Найда, Е.А.* Анализ значения и составление словарей [Текст] / Е.А. Найда // Новое в лингвистике: Вып. II. Проблема значения. Дихотомическая фонология. Трансформационная грамматика / Пер.с англ.— М.: Изд-во иностранной литературы, 1962. — С. 45-71.
124. Нерознак 1998 — *Нерознак, В.П.* От концепта к слову: к проблеме филологического концептуализма [Текст] / В.П. Нерознак // Вопросы филологии и методики преподавания иностранных языков — Омск: ОГУ, 1998. — С.80-85.
125. Никитин 2004 — *Никитин, М. В.* Развернутые тезисы о концептах [Текст] / М.В. Никитин // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2004. — № 1. — С.53-64.
126. Никитина 1991 — *Никитина, С.Е.* О концептуальном анализе в народной культуре [Текст] / С.Е. Никитина // Логический анализ языка. Культурные концепты / Под ред. Н.Д. Арутюновой. — М.: Наука, 1991. — С. 117-123.
127. Никитина 1993 — *Никитина, С.Е.* Устная народная культура и языковое сознание [Текст] / С.Е. Никитина. — М.: Наука, 1993. — 189 с.
128. Новикова, Черемисина 2000 — *Новикова, Н.С.* Многомирие в реалии и общая типология языковых картин мира [Текст] / Н.С. Новикова, Н.В. Черемисина // Филологические науки. — 2000. — № 1. — С.40-49.
129. Опря 2018 — *Опря, Е.С.* Актуализация концепта «друг» в молодежном узусе современного английского языка (на примере номинации bro и ее

- производных) [Текст] / Е.С. Опря // Вестник Томского государственного педагогического университета. — 2018. — № 7 (196). — С. 38–42.
130. Павиленис 1983 — *Павиленис, Р.И.* Проблема смысла: Современный логико-философский анализ языка [Текст] / Р.И. Павиленис. — М.: Мысль, 1983. — 286 с.
131. Падучева 1996 — *Падучева, Е.В.* Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива) [Текст] / Е.В. Падучева. — М.: Языки русской культуры, 1996. — 464 с.
132. Пименова 2011 — *Пименова, М.В.* Концептуальные исследования. Введение: учеб. пособие [Текст] / М.В. Пименова, О.Н. Кондратьева. — М.: ФЛИНТА: Наука, 2011. — 176 с.
133. Попова, Стернин 2002 — *Попова, З.Д.* Язык и национальная картина мира [Текст] / З.Д. Попова, И.А. Стернин. — Воронеж: Истоки, 2002. — 60 с.
134. Попова, Стернин 2003 — *Попова, З.Д.* Очерки по когнитивной лингвистике [Текст] / З.Д. Попова, И.А. Стернин. — Воронеж: Истоки, 2003. — 191 с.
135. Попова, Стернин 2005 — *Попова, З.Д.* Основные черты семантико-когнитивного подхода к языку [Текст] / З.Д. Попова, И.А. Стернин // Антология концептов / Под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. — Т. 1. — Волгоград: Перемена, 2005. — С. 7-10.
136. Попова, Стернин 2006-2007 — *Попова, З.Д.* Семантико-когнитивный анализ языка [Текст] / З.Д. Попова, И.А. Стернин. — Воронеж: Истоки, 2006, 2007. — 250 с.
137. Попова, Стернин 2007 — *Попова, З.Д.* Когнитивная лингвистика [Текст] / З.Д. Попова, И.А. Стернин. — М.: АСТ: Восток—Запад, 2007. — 314 с.
138. Попова, Стернин, Чарыкова 1998 — *Попова, З.Д.* О разработке концепции языкового образа мира (материалы для обсуждения) [Текст] / З.Д. Попова, И.А. Стернин, О.Н. Чарыкова // Язык и национальное сознание: Сб. статей. — Вып. 1. — Воронеж: Истоки, 1998. — С. 21-23.

139. Попович 2016 — *Попович, Е.С.* Социальные аспекты развития концепта «друг» в русском языке [Электронный ресурс] / Е. С. Попович // Научный журнал КубГАУ. — 2016. — № 115 (01). — Режим доступа: <http://ej.kubagro.ru/2016/01/pdf/79.pdf> (дата обращения: 14.06.2021).
140. Постовалова 1999 — *Постовалова, В.И.* Лингвокультурология в свете антропологической парадигмы (к проблеме оснований и границ современной фразеологии) [Текст] / В.И. Постовалова // Фразеология в контексте культуры: Сб. статей. — М.: Наука, 1999. — С. 25-34.
141. Постовалова 2016 — *Постовалова, В.И.* Лингвистическая реальность и пути ее постижения (восхождение к интегральным парадигмам) [Текст] / В.И. Постовалова // Метафизика. Научный журнал. — 2016. — № 4. — С. 59–77.
142. Почепцов 1990 — *Почепцов, О.Г.* Языковая ментальность: способ представления мира [Текст] / О.Г. Почепцов // Вопросы языкознания. — 1990. — №6. — С.110-122.
143. Прохоров 2008 — *Прохоров, Ю.Е.* В поисках концепта [Текст] / Ю.Е. Прохоров. — М.: Флинта, 2008. — 176 с.
144. Радбиль 1999 — *Радбиль, Т.Б.* О термине и понятии «идеологема» [Текст] / Т.Б. Радбиль // Человек и его язык: антропологический аспект исследования: Сб. научн. трудов. — Нижний Новгород: НГПУ, 1996. — С. 11–28.
145. Радбиль 2016 — *Радбиль, Т.Б.* Основы изучения языкового менталитета: учеб. пособие. — изд. 4-е, стереотипн. [Текст] / Т.Б. Радбиль.— М.: Флинта: Наука, 2016. — 328 с.
146. Радбиль 2017 — *Радбиль, Т.Б.* Язык и мир: парадоксы взаимоотражения [Текст] / Т.Б. Радбиль. — М.: Издательский дом ЯСК, 2017. — 592 с. — (Язык. Семиотика. Культура.)
147. Радбиль 2018 — *Радбиль, Т.Б.* Когнитивистика: Учебное пособие [Текст] / Т.Б. Радбиль. — Нижний Новгород: Нижегородский госуниверситет, 2018. — 375 с.

148. Радбиль 2019 — *Радбиль, Т.Б.* Активные лексико-грамматические процессы в русском языке начала XXI века: проблема лингвокультурологической интерпретации [Текст] / Т.Б. Радбиль // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова: Взаимодействие лексики и грамматики. — 2019. — Вып. 20. — 336 с. — С. 218–226.
149. Радбиль и др. 2021 — *Радбиль, Т.Б.* и др. Активные процессы в лексике и словообразовании русского языка эпохи коронавируса: лингвокогнитивный аспект [Текст] / Т.Б. Радбиль, Л.В. Рацибурская, И.В. Палоши // Научный диалог. — 2021. — № 1. — С. 63–79. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-1-63-79.
150. Рахилина 1989 — *Рахилина, Е.В.* О концептуальном анализе в лексикографии А. Вежбицкой [Текст] / Е.В. Рахилина // Язык и когнитивная деятельность / Отв. ред. Фрумкина Р.М. — М.: Наука, 1989. — С. 46—51.
151. Рахилина 1998 — *Рахилина, Е.В.* Когнитивная семантика: история, персоналии, идеи, результаты [Текст] / Е.В. Рахилина // Семантика и информатика: Сборник научных статей. Вып. 36. — М.: Русские словари, 1998. — С. 274–323.
152. Рахимова 2018 — *Рахимова, И.Р.* Национально-культурная специфика вербализации концепта «дружба» в английском и русском языках [Текст] / И.Р. Рахимова // *Wschodnioeuropejskie Czasopismo Naukowe*. — 2018. — № 4-4 (32). — С. 65–67.
153. Роль человеческого фактора 1988 — Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира: Кол. мон. [Текст] / Отв. ред. Б.А. Серебренников. — М.: Наука, 1988. — 216 с.
154. Рудакова 2004 — *Рудакова, А.В.* Когнитология и когнитивная лингвистика [Текст] / А.В. Рудакова; Под. ред. И.А. Стернина. — Изд. 2-е, испр. / А.В. Рудакова. — Воронеж: Истоки, 2004. — 80 с.
155. Руденко 1992 — *Руденко, Д.И.* Когнитивная наука, лингвофилософские парадигмы и границы культуры [Текст] / Д.И. Руденко // Вопросы языкознания. — 1992. — № 6. — С. 19—35.

156. Рузин 1996 — *Рузин, И.Г.* Возможности и пределы концептуального объяснения языковых фактов [Текст] / И.Г. Рузин // Вопросы языкознания. — 1996. — № 5. — С. 39-50.
157. Русская грамматика-I 1980 — Русская грамматика: В 2 т. [Текст] / Редкол. Н. Ю. Шведова (гл. ред) и др. — М.: Наука, 1980. — Т. 1. — 783 с.
158. Русский язык 2014 — Русский язык начала XXI века: лексика, словообразование, грамматика, текст: Кол.мон. [Текст] / Радби́ль Т.Б., Мари́нова Е.В., Рацибу́рская Л.В., Самы́личева Н.А., Шуми́лова А.В., Щени́кова Е.В., Виногра́дов С.Н., Жда́нова Е.А. — Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 2014. — 325 с.
159. Русское слово 2003 — Русское слово в мировой культуре. Концептосфера русского языка: константы и динамика изменений [Текст]. — СПб.: Политехника, 2003. — 242 с.
160. Савенкова 2002 — *Савенкова, Л.Б.* Русская паремиология: семантический и лингвокультурологический аспекты [Текст] / Л.Б. Савенкова. — Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. ун-та, 2002. — 240 с.
161. Светоносова 2007 — *Светоносова, Т.А.* Когнитивная лингвистика и лингвокультурология: черты и различия [Текст] / Т.А. Светоносова // Филологические науки в МГИМО: Сб. науч. трудов / МГИМО (У) МИД России; отв. ред. Г. И. Гладков. — М.: МГИМО-Университет, 2007. — № 27 (42). — 203 с. — С.39–46.
162. Сепир 1993 — *Сепир, Э.* Избранные труды по языкознанию и культурологии [Текст] / Э. Сепир; Пер. с англ.; Под ред. А.Е. Кибрика — М.: Наука, 1993. — 656 с.
163. Слышкин 2000а — *Слышкин, Г.Г.* Дискурс и концепт (о лингвокультурном подходе к изучению дискурса) [Текст] / Г.Г. Слышкин // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: Сб. науч. тр. — Волгоград: ВГУ, 2000. — С. 38-45.

164. Слышкин 2000б — *Слышкин, Г.Г.* От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе [Текст] / Г.Г. Слышкин. — М.: Academia, 2000. — 125 с.
165. Слышкин 2004 — *Слышкин, Г.Г.* Лингвокультурные концепты и метаконцепты (Монография) [Текст] / Г.Г. Слышкин. — Волгоград: Перемена, 2004. — 340 с.
166. Соссюр 1998 — *Соссюр, Ф. де.* Курс общей лингвистики [Текст] / Ф. де Соссюр // Ф. де Соссюр. Труды по языкознанию: Пер. с фр.; Под ред. А.А. Холодовича. — М.: Прогресс, 1998. — С. 31-285.
167. Степанов 1975 — *Степанов, Ю.С.* Методы и принципы современной лингвистики [Текст] / Ю.С. Степанов. — М.: Наука, 1975. — 311 с.
168. Степанов 1985 — *Степанов, Ю.С.* В трёхмерном пространстве языка [Текст] / Ю.С. Степанов. — М.: Наука, 1985. — 335 с.
169. Степанов 1998 — *Степанов, Ю.С.* Язык и метод в современной философии языка [Текст] / Ю.С. Степанов. — М.: Языки русской культуры, 1998. — 674 с.
170. Стернин 2005 — *Стернин, И.А.* Типы и концепты [Текст] / И.А. Стернин // Концептуальное пространство языка: Сб. научн. трудов, посвященных юбилею Н.Н. Болдырева / под ред. Е.С. Кубряковой. — Тамбов: ТГУ, 2005. — С. 257-282.
171. Стешина 2018 — *Стешина, Е.Г.* Этимологическая память концепта «деньги» [Текст] / Е.Г. Стешина // Филологический аспект. — 2018. — № 4 (36). — С. 68-72.
172. Сусов 1998 — *Сусов, И.П.* Интеграционный этап в развитии лингвистической теории и сущность вклада когнитивной лингвистики [Текст] / И.П. Сусов. — // Когнитивная лингвистика. Современное состояние и перспективы развития: Сб. науч. тр.— Тамбов: ТГУ, 1998. — Ч.1. — С.16-21.

173. Телия 1996 — *Телия, В.Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты [Текст] / В.Н. Телия. — М.: Языки русской культуры, 1996. — 288 с.
174. Телия 1999 — *Телия, В.Н.* Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры [Текст] / В.Н. Телия. // Фразеология в контексте культуры: Сб. научн. трудов. — М.: Языки русской культуры, 1999. — С. 13–24.
175. Токарев 2000 — *Токарев, Г.В.* Проблемы лингвокультурологического описания концепта (на примере концепта «трудовая деятельность» [Текст] / Г.В. Токарев. — Тула: ТГПУ, 2000. — 92 с.
176. Токарев 2003 — *Токарев, Г.В.* Концепт как объект лингвокультурологии (на материале репрезентаций концепта «труд» в русском языке) [Текст] / Г.В. Токарев. — Волгоград: «Перемена», 2003. — 314 с.
177. Толстой 1995 — *Толстой, Н.И.* Язык и народная культура: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике [Текст] / Н.И. Толстой. — М.: Индрик, 1995. — 509 с.
178. Толчина 2010 — *Толчина, Н.Ю.* Репрезентация концепта «дружба» в разговорной речи (на материале русского и испанского языков) [Текст] / Н.Ю. Толчина // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Лингвистика». — 2010. — № 2. — С. 160–163.
179. Трубаева, Симон 2016 — *Трубаева, Е.И., Симон, С.Н.* Языковые средства репрезентации концепта «дружба» в современном английском языке [Текст] / Е.И. Трубаева, С.Н. Симон // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2016. — № 2 (56). — Ч. 2. — С. 154–156.
180. Уланова 2000 — *Уланова, С.Б.* Фрейм как структура репрезентации знаний [Текст] / С.Б. Уланова // Когнитивные аспекты языковой категоризации: Сб. науч. тр. — Рязань, 2000. — С. 133–144.
181. Улуханов 2015 — *Улуханов, И.С.* Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация [Текст] / И.С. Улуханов. — М.: Изд-во ЛКИ, 2015. — 232 с.

182. Уорф 1960а — *Уорф, Б.Л.* Наука и языкознание. О двух ошибочных воззрениях на речь и мышление, характеризующих систему естественной логики, и о том, как слова и обычаи влияют на мышление [Текст] / Б.Л. Уорф // Новое в лингвистике. Вып. I / Пер. с англ.; Под ред. В.А. Звегинцева. — М.: Изд-во иностр. лит., 1960 — С. 169-182.
183. Уорф 1960б — *Уорф, Б.Л.* Отношение норм поведения и мышления к языку [Текст] / Б.Л. Уорф // Новое в лингвистике. Вып. I / Пер. с англ.; Под ред. В.А. Звегинцева. — М.: Изд-во иностр. лит., 1960 — С. 135-168.
184. Успенский 1996 — *Успенский, Б.А.* Избранные труды, том I. Семиотика истории. Семиотика культуры. — 2-е изд., испр. и доп. [Текст] / Б.А. Успенский. — М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. — 608 с.
185. Успенский 2007 — *Успенский, Б.А.* Ego Loquens: Язык и коммуникативное пространство [Текст] / Б.А. Успенский. — М.: РГГУ, 2007. — 320с.
186. Уфимцева 2000 — *Уфимцева, Н.В.* Языковое сознание и образ мира славян [Текст] / Н.В. Уфимцева // Языковое сознание и образ мира: Сб. статей. — М.: Институт языкознания РАН, 2000. — С. 207-219.
187. Филлмор 1988 — *Филлмор, Ч.* Фреймы и семантика понимания [Текст] / Ч. Филлмор // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII: Пер. с англ. — М.: Прогресс, 1988. — С. 52-92.
188. Фрумкина 1991 — *Фрумкина, Р.М.* Концептуальный анализ с точки зрения лингвиста и психолога [Текст] / Р.М. Фрумкина // Научно-техническая информация. — 1991. — Серия 2. — № 3. — С. 3-29.
189. Фрумкина 1992 — *Фрумкина, Р.М.* Концепт, категория, прототип [Текст] / Р.М. Фрумкина // Лингвистическая и экстралингвистическая семантика: Сборник обзоров. — №4. — М.: ИНИОН РАН, 1992. — С. 2-7.
190. Фрумкина 2001 — *Фрумкина, Р.М.* Психолингвистика: учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений [Текст] / Р. М. Фрумкина. — М.: Академия, 2001 — 320 с.

191. Хизова 2005 — *Хизова, М.А.* Концепт, "дружба" в русской и английской лингвокультурах: Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 [Текст] / М.А. Хизова; ВолГПУ. — Волгоград, 2005. — 198 с.
192. Цивьян 2006 — *Цивьян, Т.В.* Модель мира и ее лингвистические основы. — Изд. 3-е, испр. [Текст] / Т.В. Цивьян. — М.: КомКнига, 2006. — 280с.
193. Чайко, Муриева 2020 — *Чайко, Н.Н., Муриева, М.В.* Репрезентация концепта ДРУЖБА в немецком и французском языках (на материале анализа паремий) [Текст] / Н.Н. Чайко, М.В. Муриева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2020. — № 10. — С. 298–302. — DOI: <https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.10.58>
194. Человеческий фактор 1992 — Человеческий фактор в языке: Коммуникация, модальность, дейксис: Кол. мон. [Текст] — М.: Наука, 1992. — 281 с.
195. Чернейко 1995 — *Чернейко, Л.О.* Гештальтная структура абстрактного имени [Текст] / Л.О. Чернейко // НДВШ. Филологические науки. — 1995. — №4. — С. 73-83.
196. Чернейко 1997 — *Чернейко, О.Л.* Логико-философский анализ абстрактного имени [Текст] / О.Л. Чернейко. — М.: Изд-во МГУ, 1997. — 320 с.
197. Чернейко, Долинский 1996 — *Чернейко, Л.О.* Имя СУДЬБА как объект концептуального и ассоциативного анализа [Текст] / Л.О. Чернейко, В.А. Долинский В.А. // Вестник МГУ. Сер. 9, филология. — 1996. — № 6. — С.39—53.
198. Чугаева 2016 — *Чугаева, Е.С.* Полевая структура концепта «дружба» в русской фразеологической картине мира [Текст] / Е.С. Чугаева // Научное и образовательное пространство: перспективы развития : материалы III Междунар. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 13 нояб. 2016 г.): В 2 т. — Т. 2 / редкол.: О. Н. Широков [и др.]. — Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2016. — С. 72-74.
199. Шмелев 2001 — *Шмелев, А.Д.* Могут ли слова языка быть ключом к пониманию культуры?: Вступительная статья [Текст] / А.Д. Шмелев //

- Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. — М.: Языки славянской культуры, 2001. — С. 7-11.
200. Шмелев 2002 — *Шмелев, А.Д.* Русская языковая модель мира: Материалы к словарю [Текст] / А.Д. Шмелев. — М.: Языки славянской культуры, 2002. — 224 с.
201. *Шутковски, Т.* «Дружба» и «друг» в языковой картине мира: на материале паремиологических трансформ [Текст] / Т. Шутковски // *Studia Rossica Posnaniensia*. — 2010. — № 35. — С. 281-287.
202. Языковое сознание 2000 — Языковое сознание. Содержание и функционирование: XIII Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации: Сб. ст. под ред. Н.В. Уфимцевой [Текст]. — М.: Институт языкознания РАН, 2000. — 318 с.

Словари и энциклопедии

203. БАС — Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. [Текст]. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950–1965. — Т. 3. — 1954. — 700 с.; Т. 4. — 1955. — 692 с.; Т. 7. — 1958. — 752 с.; Т. 9. — 1959. — 746 с.; Т. 10. — 1960. — 892 с.; Т. 12. — 1961. — 846 с.; Т. 13. — 1962. — 758 с.; Т. 14. — 1963. — 700 с.; Т. 16. — 1964. — 808 с.
204. БПС 2003 — Большой психологический словарь [Текст] / Под ред. Б.Г. Мещерякова, В.П. Зинченко. — СПб.: Прайм ЕВРОЗНАК; М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. — 672 с.
205. БСРП 2008 — *Мокиенко, В.М., Никитина, Т.Г.* Большой словарь русских поговорок [Текст] / В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина. — М.: ОлмаМедиа-Групп / Просвещение, 2008. — 784 с.
206. БСРРЭР 2004 — *Химик, В.В.* Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи [Текст] / В. В. Химик. — СПб.: Норинт, 2004. — 768 с.

207. БТСРС 2005 — Большой толковый словарь русских существительных [Текст] / Авт.-сост. Л.Г.Бабенко, Н.А.Дьячкова, Ю.В.Казарин и др.; Под общ. ред. Л.Г.Бабенко. — М.: АСТ-Пресс, 2005. — 863 с.
208. БТСРЯ 2000 — Большой толковый словарь русского языка [Текст] / Сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. — СПб.: Норинт, 2000. — 1536 с.
209. БТСС 1999 — Джерри, Д., Джерри, Дж. Большой толковый социологический словарь: В 2-х т. [Текст] / Д. Джерри, Дж. Джерри. — М.: АСТ, Вече, 1999. — Т. 1. — 544 с.
210. БУСРЯ 2017 — Большой универсальный словарь русского языка [Текст] / В.В. Морковкин, Г.Ф. Богачева, Н.М. Луцкая. — М.: «Словари XXI века», 2017. — 1456 с.
211. БФСРЯ 2006 — Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий [Текст] / Отв. ред. В.Н. Телия. — 2-е изд., стер. — М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. — 784 с.
212. БЦНРК 2019 — Базовые ценности носителей русской культуры: Словарь [Текст] / Отв. ред. Е.Ф. Тарасов. — М., Ияз РАН, 2019. — 550 с.
213. ИЭССРЯ 1999 — Черных, П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 томах. [Текст] / П. Я. Черных. — 3. изд., стер. — М.: Русский язык, 1999. — Т. 2. Панцирь – Ящур. — 560 с.
214. КРФС 1996 — Василенко, Л.И. Краткий религиозно-философский словарь [Текст] / Л.И. Василенко. — М.: Истина и жизнь, 1996. — 256 с.
215. КСКТ 1996 — Кубрякова, Е.С. Краткий словарь когнитивных терминов [Текст] / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, П.Г. Лузина; Под общей редакцией Е.С. Кубряковой. — М.: Филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 1996. — 245 с.
216. КСРК 1997 — Степанов, Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования [Текст] / Ю.С. Степанов. — М.: Академпроект, 1997. — 989 с.

217. КСС 2015 — *Кравченко, А.И.* Краткий социологический словарь [Текст] / А.И. Кравченко. — М.: Проспект; 2015. — 352 с.
218. МАС — Словарь русского языка: В 4-х т. [Текст] / Под ред. А.П. Евгеньевой. — М.: Русский язык, 1985–1988. — Т. 1. — 1985. — 768 с.; Т. 2. — 1986. — 788 с.; Т.4. — 1988. — 802 с.
219. НОССРЯ 1997 — Новый объяснительный словарь синонимов русского языка [Текст] / Под общ. рук. акад. Ю.Д. Апресяна. Вып. 1. — М.: Языки русской культуры, 1997. — 1488 с.
220. НФСРЯК 2009 — *Курилова, А.Д.* Новый фразеологический словарь русского языка: более 8000 фразеологизмов [Текст] / А.Д. Курилова, — М.: Русский язык — Медиа; Дрофа, 2009. — 777 с.
221. РППКВ 1979 — *Фелицына, В.П., Прохоров, Ю.Е.* Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения. Лингвострановедческий словарь [Текст] / В.П. Фелицына, Ю.Е. Прохоров. — М., Русский язык, 1979. — 256 с.
222. РТС 2001 — *Лопатин, В.В., Лопатина, Л.Е.* Русский толковый словарь. — 7-е изд., испр. и доп. [Текст] / В.В. Лопатин, Л.Е. Лопатина. — М.: Русский язык, 2001. — 928 с.
223. САРЯ 1988 — *Львов, М.Р.* Словарь антонимов русского языка [Текст] / М.Р. Львов. — М.: Русский язык, 1988. — 384 с.
224. СД 1999 — *Даль, В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х тт. [Текст] / В.И. Даль. — М.: Рипол-Классик, 1999. — Т. 1. — 1144 с.
225. СЕ 2000 — *Ефремова, Т.Ф.* Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный [Текст] / Т.Ф. Ефремова. — М.: Русский язык, 2000. — Т. I. — 1088 с.
226. СК-XXв 1997 — *Руднев, В.П.* Словарь культуры XX века: Ключевые понятия и тексты [Текст] / В.П. Руднев. — М.А Аграф, 1997. — 384 с.

227. СО 1993 — *Ожегов, С.И.* Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений — 14-е изд., доп. [Текст] / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. — М.: Азбуковник, 2000. — 944 с.
228. СОВРЯ 1995 — Словарь образных выражений русского языка [Текст] / под ред. В.Н. Телия. — М.: Отечество, 1995. — 368 с.
229. СПЭ 1989 — *Аверинцев, С.С.* и др. Словарь по этике [Текст] / С.С.Аверинцев и др.; под ред А.А. Гусейнова, И.С. Кона. — 6-е изд. — М.: Политиздат, 1989. — 447 с.
230. СРСА 1999 — *Абрамов, Н.* Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений [Текст] / Н. Абрамов. — М.: Русские словари, 1999. — 431 с.
231. СРФИЭС 1998 — *Бирих, А.К.* Словарь русской фразеологии: историко-этимологический справочник [Текст] / А.К. Бирих, В.М. Мокиенко, Л.И. Степанова. — СПб.: Фолио-пресс, 1998. — 700 с.
232. ССРЯА 1991 — *Александрова, З.Е.* Словарь синонимов русского языка: Практический справочник [Текст] / З.Е. Александрова. — 8-е изд., стереотип. — М.: Русский язык, 1991. — 144 с.
233. ССРЯЕ 2003 — Словарь синонимов русского языка. В 2-х т. [Текст] / Под ред. А.П. Евгеньевой. — М.: ООО «Изд-во Астрель», 2003. — Т.1. — 856 с.
234. СССРЯ 1983 — Словарь сочетаемости слов русского языка [Текст] / Под ред. П.Н. Денисова, В.В. Морковкина. — М.: Русский язык, 1983. — 686 с.
235. СТ 1985 — *Тихонов, А.Н.* Словообразовательный словарь русского языка в двух томах: Ок 145000 слов: В 2-х т. [Текст] / А.Н. Тихонов. — М.: Русский язык, 1985. — Т 1. — 856 с.
236. СУ 1996 — Толковый словарь русского языка: В 4-х т. [Текст] / Под ред. Д.Н. Ушакова. — М.: «Терра», 1996. — Т. 1. — 1064 с.

237. ТСРЯ 2000 — *Саяхова, Л.Г.* и др. Тематический словарь русского языка [Текст] / Л.Г. Саяхова, Д.М. Хасанова, В.В. Морковкин; под ред. В.В. Морковкина. — М.: Русский язык, 2000. — 560 с.
238. ТСРЯ-XXв. 2005 — Толковый словарь современного русского языка конца XX века. Языковые изменения [Текст] / ИЛИ РАН; Под ред. Г.Н. Складчиковой. — М.: Астрель, 2005. — 894 с.
239. ФСРЯ 1968 — Фразеологический словарь русского языка [Текст] / Составители: Л. А. Войнова, В. П. Жуков, А. И. Молотков, А. И. Федоров; Под ред. А.И. Молоткова. — М.: «Советская Энциклопедия», 1968. — 543 с.
240. ФЭС 1983 — Философский энциклопедический словарь [Текст] / Гл. редакция: Л. Ф. Ильичёв, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалёв, В. Г. Панов.— М.: Советская энциклопедия. 1983. — 840 с.
241. ФЭС 2003 — Философский энциклопедический словарь [Текст] / Ред.-сост. Е.Ф. Губский, Г.В. Кораблева, В.А. Лутченко. — М.: ИНФРА-М, 2003. — 576 с.
242. ЭСРЯ 2003 — *Семенов, А.В.* Этимологический словарь русского языка: Русский язык от А до Я [Текст] / А.В. Семенов. — М.: Издательство «ЮНВЕС», 2003. — 704 с.
243. ЭСРЯФ 2009 — *Фасмер, М.* Этимологический словарь русского языка: В 4-х тт. — Изд. 2-е, стереотип. [Текст] / М. Фасмер; Пер. с нем. и доп. чл.-кор. АН СССР О. Н. Трубачева; Под ред. и с пред. проф. Б. А. Ларина.— М.: АСТ, 2009. — Т. I. — 576 с.; Т. IV. — 864 с.
244. ЭЭС 2001 — Этика: Энциклопедический словарь [Текст] / Под ред. Р.Г. Апресяна, А.А. Гусейнова. — М.: Гардарики, 2001. — 671 с.
245. ЯБЭС 1998 — Языкознание. Большой энциклопедический словарь [Текст] / Гл.ред. В.Н. Ярцева. — 2-е изд. — М.: Большая российская энциклопедия, 1998. — 685 с.